ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 21 МАЙ 1973

Сердечно приветствуем тов. Л.И. Брежнева
NIECH ŻYJE KOMUNIZM

Варшава. Во время беседы между Л. И. Брежневым и Э. Гереком.

ДРУЖБА И БРАТСТВО

Как самого дорогого гостя, торжественно и сердечно принимала столица народной Польши Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, находившегося 11—12 мая с дружеским визитом в Польской Народной Республике по приглашению ЦК ПОРП, Государственного совета ПНР и Совета Министров ПНР. Генерального секретаря ЦК КПСС сопровождали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

Тысячи варшавян вышли на улицы, чтобы выразить товарищу Л. И. Брежневу чувства дружбы, признательности за его активную деятельность, направленную на упрочение мира, на сплочение стран социалистического содружества.

Во время пребывания в Польской Народной Республике состоялись встречи и беседы Л. И. Брежнева с Первым секретарем Центрального Комитета ПОРП Э. Гереком. С глубоким удовлетворением было подчеркнуто успешное развитие всесторонних дружественных связей между КПСС и ПОРП, Советским Союзом и Польской Народной Республикой.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек отвечают на приветствия варшавян.

Л. И. Брежнев поздравляет Э. Герека с наградой — орденом Ленина.

Польские руководители отметили, что значительные перемены к лучшему, происходящие на международной арене, в решающей мере связаны с ленинской политикой КПСС, нашедшей самое полное выражение в Программе мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, которую подтвердил и развил апрельский Пленум ЦК КПСС.

11 мая в здании Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в торжественной обстановке вручил Первому секретарю ЦК ПОРП товарищу Э. Гереку орден Ленина, которым он награжден за выдающуюся роль в развитии братской дружбы и сотрудничества между народами СССР и ПНР, большой вклад в дело укрепления мира и социализма и в связи с шестидесятилетием со дня рождения.

При вручении ордена Генеральный секретарь ЦК КПСС выступил с речью, в которой подчеркнул успехи народной Польши в строительстве социализма, рост международного престижа ПНР. «Нерушимость европейских границ, прочный мир, взаимовыгодное сотрудничество всех европейских стран,— сказал товарищ Л. И. Брежнев,— вот благородные цели, которых мы сообща добиваемся на международной арене».

С ответной речью выступил товарищ Э. Герек. Он выразил глубокую благодарность ЦК КПСС и Президиуму Верховного Совета СССР за высокую награду. «Польский народ с большим удовлетворением воспринял решение о присуждении Вам, товарищ Брежнев, Ленинской премии мира и сердечно поздравляет Вас с этой заслуженной наградой,— сказал тов. Э. Герек.— Наш народ питает к Вам глубокое уважение как к выдающемуся деятелю советского и международного коммунистического движения, выдающемуся ленинцу, ведущему руководителю братского союзнического государства и надежному другу народной Польши».

От имени Центрального Комитета ПОРП, Государственного совета и Совета Министров ПНР Э. Герек подтвердил приглашение советской партийно-правительственной делегации посетить Польскую Народную Республику.

Дружеский визит Л. И. Брежнева в Польшу вылился в манифестацию польско-советской дружбы, растущего сплочения всех стран социалистического содружества в борьбе за мир и социализм.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (2394)

19 МАЯ 1973

Встреча в Берлине. Товарищи Л. И. Брежнев, Э. Хонеккер, В. Штоф.

ДРУЖБА И БРАТСТВО

Л. И. Брежнев вручает орден Ленина Первому секретарю ЦК СЕПГ товарищу Э. Хонеккеру.

На переговорах в Берлине.

По приглашению Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, Государственного совета и Совета Министров ГДР 12—13 мая в Германской Демократической Республике находился с дружеским визитом Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Трудящиеся ГДР тепло и сердечно приветствовали советского гостя.

В атмосфере братской дружбы и полного единодушия проходили встречи и беседы Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК СЕПГ Э. Хонеккером и другими членами и кандидатами в члены Политбюро ЦК СЕПГ. Обсуждались вопросы углубления всестороннего сотрудничества между КПСС и СЕПГ, между Советским Союзом и ГДР, а также актуальные международные проблемы.

Памятным событием дружеского визита Генерального секретаря ЦК КПСС в ГДР явилось вручение товарищем Л. И. Брежневым ордена Ленина Первому секретарю ЦК СЕПГ товарищу Э. Хонеккеру. Этой высокой награды Э. Хонеккер удостоен за выдающуюся роль в развитии братской дружбы и сотрудничества между народами СССР и ГДР, за большой вклад в дело укрепления мира и социализма.

Выступая с речью на торжественной церемонии, товарищ Л. И. Брежнев отметил большую роль Германской Демократической Республики как влиятельного фактора мира и безопасности в Европе, как государства, пользующегося большим весом в международных делах. «Сегодня в Европе,— сказал товарищ Л. И. Брежнев,— политический барометр все увереннее показывает на „ясно“, все надежнее закрепляется атмосфера разрядки напряженности, крепнут чувство прочности мира, сознание хороших перспектив на будущее. И, неоспоримо, это в первую очередь связано с активной миролюбивой политикой стран социалистического содружества, членом которого является Германская Демократическая Республика».

В ответной речи товарищ Э. Хонеккер высоко оценил большой личный вклад Генерального секретаря ЦК КПСС в осуществление советской Программы мира, сердечно поздравил Л. И. Брежнева с присуждением ему международной Ленинской премии мира. «Будьте уверены,— сказал Э. Хонеккер,— в том, что в лице коммунистов и всех граждан социалистической Германской Демократической Республики Вы всегда будете иметь хороших союзников и друзей».

От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Л. И. Брежнев пригласил партийно-правительственную делегацию ГДР посетить Советский Союз.

Дружеский визит Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева явился подлинным праздником дружбы и братства.

13 мая в Москву возвратился Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, находившийся с дружескими визитами в Польской Народной Республике и Германской Демократической Республике. На снимке: встреча на Внуковском аэродроме столицы.

Фото ТАСС.

13 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле главного редактора западногерманского журнала «Штерн» Г. Наннена и дал ему интервью.

На снимке: Л. И. Брежнев и Г. Наннен во время интервью.

Фото В. МУСАЭЛЬЯНА (ТАСС).

ПРОГРАММА МИРА В ДЕЙСТВИИ

Владимир ДМИТРИЕВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Мирное наступление идет по нашей планете. Она давно нуждалась в нем. Ей был нужен конкретный и реалистический план оздоровления международных отношений, укрепления мира и безопасности народов. Именно такая программа была выдвинута на XXIV съезде КПСС. Народы назвали ее Программой мира.

С гордостью и радостью видим мы, как она успешно претворяется в жизнь. В постановлении апрельского Пленума Центрального Комитета КПСС говорится: «Пленум ЦК поручает Политбюро и впредь неуклонно осуществлять определенный XXIV съездом КПСС внешнеполитический курс, руководствуясь положениями и выводами доклада товарища Л. И. Брежнева на настоящем Пленуме, бороться за полное претворение в жизнь Программы мира, добиваться того, чтобы достигнутые благоприятные перемены в международной обстановке приобрели необратимый характер».

Мирное наступление разворачивается. Неодолимая сила его в том, что Программа мира опирается на заветы великого Ленина о миролюбивом и вместе с тем революционном по своей сути характере внешней политики нашего социалистического государства, политики, отражающей жизненные интересы трудящихся масс.

ЦК КПСС, Политбюро ЦК проводят огромную работу по осуществлению решений XXIV съезда партии. В выступлениях участников апрельского Пленума и его постановлении отмечен большой личный вклад товарища Л. И. Брежнева в решение этих задач. Присуждение Л. И. Брежневу международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» с воодушевлением встречено в нашей стране и на всех континентах как заслуженная награда, как достойное признание его личного вклада в дело обеспечения прочного мира.

Важнейшим направлением внешнеполитической деятельности КПСС является борьба за упрочение позиций мирового социализма, развитие всестороннего сотрудничества с социалистическими странами. Только что состоявшиеся визиты Л. И. Брежнева в Польскую Народную Республику и Германскую Демократическую Республику стали яркими примерами братской дружбы и тесного принципиального сотрудничества коммунистических и рабочих партий народов стран социалистического содружества. Было вновь подтверждено взаимное стремление углублять политическое и экономическое сотрудничество в рамках Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, активно продвигать в жизнь Комплексную программу социалистической экономической интеграции. Эти визиты Л. И. Брежнева в братские страны — новый вклад в дело укрепления социалистического содружества, а значит, и в дело укрепления мира и безопасности всех народов.

Каждый конкретный шаг во внешнеполитической деятельности нашего государства направлен к одной определенной цели — упрочению мира. Этой цели, несомненно, послужит и визит в ФРГ Л. И. Брежнева. Опыт показал, что контакты между СССР и ФРГ на высшем уровне имеют большое значение для оздоровления политического климата в Европе. Беседы Л. И. Брежнева с В. Брандтом в Москве и Ореанде сыграли важную роль в разрядке отношений между государствами Востока и Запада на европейском континенте. Подписание договоров СССР и ПНР с ФРГ, четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, ратификация бундестагом ФРГ Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ — вот конкретные, реальные сдвиги к лучшему в когда-то многострадальной Европе. И, наконец, общеевропейское совещание по вопросам безопасности и сотрудничества стало конкретной реальностью. Консультации, проходящие сейчас в Хельсинки, достигли такой степени прогресса, что большинство делегаций признало вполне возможным созыв общеевропейского совещания летом этого года.

Газеты сообщили о новой важной внешнеполитической акции — предстоящем визите Л. И. Брежнева в США. Как известно, московская встреча советских руководителей с президентом США в 1972 году стала переломным этапом в развитии советско-американских отношений. В документе «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», подписанном в Москве Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Р. Никсоном, сформулированы принципиальные исходные позиции для развития советско-американских отношений в новых условиях. Развитие равноправных, взаимовыгодных отношений между СССР и США — одна из важных составных частей внешней политики Советского Союза, направленной на осуществление принципа мирного сосуществования. И нет никакого сомнения в том, что улучшение отношений между СССР и США положительно повлияет на упрочение мира во всем мире.

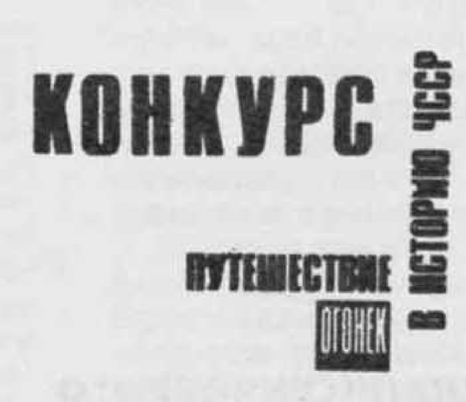
Так активная, инициативная международная политика КПСС, опирающаяся на могучую силу и авторитет Советского государства, на поддержку всего советского народа, способствует позитивным сдвигам в международной обстановке. Мирное наступление продолжается! Оно радует сердца людей и вселяет в них надежду.

15 мая в Большом Кремлевском дворце открылся Четвертый съезд художников СССР. В президиуме съезда присутствовали товарищи А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, а также видные советские художники, представители общественности столицы. С отчетным докладом правления Союза художников СССР «Советский художник — активный участник строительства коммунистического общества» выступил первый секретарь правления Н. А. Пономарев.

Фото М. СКУРИХИНОЙ и В. ВОРОНИНА.

Наш конкурс «Путешествие в историю Чехословакии», объявленный в 8-м номере «Огонька», подходит к концу. В адрес журнала продолжают приходить письма и альбомы. Самые интересные из работ были представлены на выставке в посольстве ЧССР в годовщину освобождения Чехословакии от фашизма. Сегодня мы публикуем строки из писем, присланных на конкурс. Имена победителей мы назовем в одном из июньских номеров журнала.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ЧЕТЫРЕХ ГОРОДОВ

Николая Емельяновича Мельничука я знаю давно. Мы вместе учились, вместе начали службу в рядах Советской Армии. Однако во время Великой Отечественной войны воевать нам пришлось на разных участках. Н. Е. Мельничук возглавлял партизанский отряд «Вперед», действовавший на Чешско-Моравской возвышенности.

Группа советских разведчиков была переброшена через линию фронта. Советские воины пускали под откос эшелоны, взорвали завод боеприпасов, передали в центр сведения о гитлеровских воинских частях.

Этот пример вдохновил борцов чехословацкого Сопротивления.

С помощью советских воинов был сформирован крупный партизанский отряд.

Сейчас Н. Е. Мельничуку 60 лет. Он работает ревизором-контролером Одесско-Кишиневской железной дороги, живет в Одессе. Николай Емельянович переписывается со многими чехословацкими гражданами, бывает у них в гостях, выступает перед молодежью с воспоминаниями о совместной борьбе против фашизма.

Вместе с боевыми наградами, полученными за мужество и отвагу в годы второй мировой войны, Н. Е. Мельничук бережно хранит четыре диплома почетного гражданина городов ЧССР: Скутеч, Глинско, Свратка, Нове Место.

Кроме этого, он награжден орденом Словацкого Национального восстания.

А. КОНДАКОВ

Полтава.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Вся наша семья связана тесной дружбой с жителями чехословацкого города Клаштерец-на-Огрже. Отец мой, Лягушев Николай Егорович, освобождал от фашистских захватчиков этот город и был впоследствии его первым комендантом. В знак большой благодарности Национальный фронт присвоил ему высокое звание Почетного гражданина города Клаштерец-на-Огрже. После смерти отца в 1964 году решением городского комитета КПЧ одна из улиц города названа его именем.

Г. ЛЯГУШЕВ

Москва.

В этом году заканчиваю Дагестанский государственный университет имени Ленина и еду работать в далекий аул. Я научу моих учеников любить братскую Чехословакию.

В Чехословакии живет мой большой друг Зденка Бруханска. Мы переписываемся 11 лет. И я надеюсь с ней встретиться.

9 мая наша семья поднимет бокалы за День Победы, день освобождения Чехословакии и за мой день рождения.

Г. ВЕПРЕВА

Дагестанская АССР, Кизлярский район, поселок Южносухокумск.

Мне посчастливилось: три года трудился вместе с чехословацкими специалистами на строительстве цеха синтетического аммиака, который был построен на Горловском химкомбинате имени Орджоникидзе по проекту чехословацкой фирмы «Хепос». Мы очень подружились с товарищами из ЧССР и хорошо выполнили задание — цех был введен в эксплуатацию в установленный срок.

А. ТРОФИМОВ

Горловка.

МЫ СТРОИМ КАМАЗ!

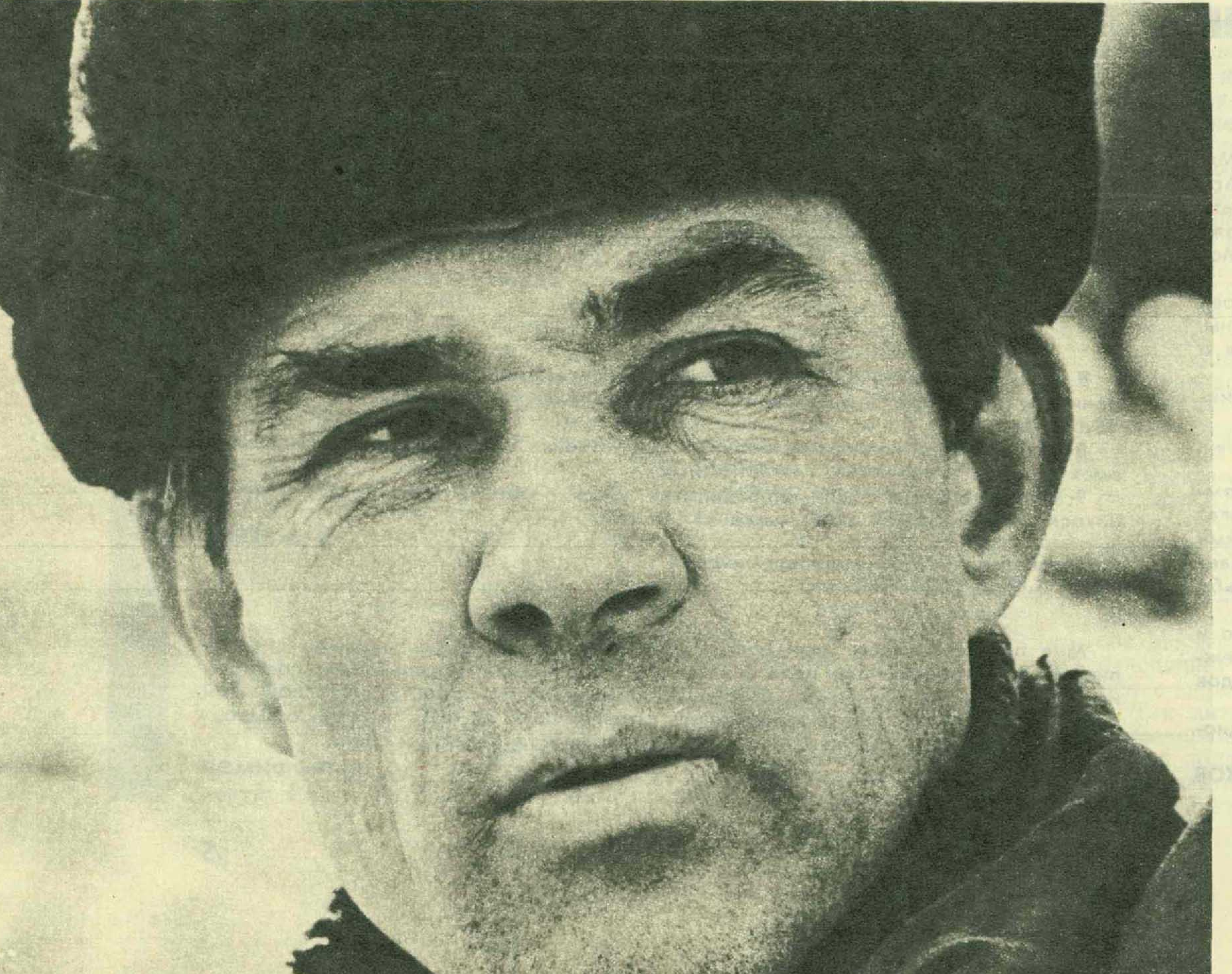
Страницы из дневника Рашида ЯКУПОВА, прокомментированные специальным корреспондентом «Огонька» Галиной КУЛИКОВСКОЙ.

Фото Г. КОПОСОВА.

Два года назад в Набережных Челнах я познакомилась с Рашидом Якуповым, экскаваторщиком. На гигантской площадке автомобильного комплекса он «открывал» литейный завод. Его «Уралец» под номером четыреста пятьдесят вынул первый ковш грунта под фундамент будущего КСКЧ — корпуса серого и ковкого чугуна. В номере 24-м «Огонька» за 1971 год были опубликованы

Продолжение см. на стр. 19—21

Герой Социалистического Труда Алексей Борисович Новолодский.

НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Точный, гибкий, как бы пружинящий язык, где за каждой фразой стоит жизнь, где каждое слово работает, где сквозь эпическое повествование струится незатухающая, усиливающаяся то напевно-нежными, то набатно-яростными перезвонами мелодия... Это «Дмитрий Донской» С. Бородина — гимн Родине, гимн борьбе за свободу и независимость!..

У Сергея Петровича Бородина за плечами занятия в художественной и литературной студиях Пролеткульта, знакомство с Валерием Брюсовым и учеба в Высшем литературно-художественном институте, где он специализировался по русскому фольклору под руководством профессора Ю. М. Соколова; затем он участвовал в различных фольклорных экспедициях, занимался историей и этнографией в Бухарской народной республике, работал под руководством профессора В. Л. Вяткина в Самарканде на раскопках, на строительстве Турксиба, на Дальнем Востоке, в Казахстане, участвовал в борьбе с басмаческими бандами Ибрагим-бека в Таджикистане... Труд, труд упорный, настойчивый, целеустремленный. Поэт, художник, журналист и прозаик, наконец. В 1932—1938 годах выходят один за другим романы, повести, сборники рассказов писателя: «Последняя Бухара», «Египтянин», «Мастер птиц», «Рождение цветов», а в 1941 году — исторический роман «Дмитрий Донской», удостоенный Государственной премии.

После войны Сергей Петрович живет и работает в Ташкенте, избирается в Верховный Совет республики, печатает многоплановую историческую трилогию «Звезды над Самаркандом»; в феврале этого года журнал «Дружба народов» закончил публикацию третьей книги — романа «Молниеносный Баязет», который свидетельствует о неувядаемом мастерстве писателя.

На днях писательская общественность страны тепло чествовала большого мастера русской исторической прозы в связи с его 70-летием. Читатели журнала «Огонек» присоединяют свои голоса к поздравлениям юбиляру. Президиум Верховного Совета УзССР присвоил ему почетное звание «Народный писатель Узбекистана». Так большой русский писатель оценен братским народом нашего многонационального государства.

Александр ГОВОРОВ

Надежда **КОЖЕВНИКОВА**

ПЕВИЦА ВЫХОДИТ НА СЦЕНУ

Даже из самого последнего ряда зрители видят ее улыбку, когда она выходит на сцену, кланяется, отвечает на аплодисменты. Не улыбнуться нельзя — Нани Брегвадзе знают, любят у нас в стране, во многих странах мира. И она улыбается, мягко, чуть смущенно... Но даже в первом ряду незаметно, какие у нее в эти мгновения глаза: совсем прозрачные, зеленоватые, задумчивые. Нани поет старинный романс, поет совсем тихо. Будто не в громадном концертном зале, а в небольшой комнате — дома, друзьям.

— Тихо петь очень люблю. Тогда в зале особенно внимательно слушают. Чувствуешь: в каждой ноте, каждой фразе идут за тобой, понимают все так, как ты понимаешь... И еще очень люблю петь из темноты, когда на сцене гаснут прожекторы. Зала не видишь, но физически ощущаешь присутствие многих-многих людей, их внимание. Поешь, будто одна, для себя. Но ведь только для себя так петь не получится. Не будет того подъема, вдохновения. Из зала приходит ко мне сила... Нет, без слушателей я не смогла бы по-настоящему петь...

...Когда Нани Брегвадзе поет грузинские народные песни или старинные романсы, ее темперамент, страстность, как бы сильны они ни были, никогда не расходуются до конца. Постоянно чувствуешь в ее исполнении, в ней самой новый приток энергии, сил, темперамента. Новые, не раскрытые еще возможности ее как актрисы, певицы. Нани Брегвадзе заставляет слушателей всегда чего-то ожидать, тревожиться. Поэтому даже самое тихое ее пение обретает над нами, слушателями, такую власть.

— Со сцены я никогда не смотрю в зал,— говорит Нани.— Знакомые, родные сидят, не вижу никого. Смотрю далеко-далеко, вглубь... У меня не бывает, чтобы я «отключилась», пела механически, где бы концерты ни проходили: в клубе или в филармонии перед самой взыскательной публикой. И даже самое короткое выступление отнимает массу сил. Возвращаюсь в артистическую — пошевельнуться трудно... Это так, со стороны может показаться, что я на сцене легко, свободно себя чувствую. Нет, напротив. В концерте, когда в первый раз на сцену выхожу, комок у горла, и ноги еле идут. Начинаю петь — проходит. Но чтобы совсем отвлечься, чтобы вот так,— Нани разводит руки широким беззаботным жестом,— так у меня никогда не получается. Знаете, есть такие артисты, им что на сцене, что за столом с друзьями — все равно. Завидую им... Хотя нет, неправда. Если волнения не почувствуешь, ответственности, тогда и праздника никакого не получится. А ведь концерт — праздник. Люди приходят радостные, нарядные. Как же не волноваться? Вдруг обманешь их ожидания...

Каждая песня Нани Брегвадзе — это маленькая сценка-миниатюра, осмысленное, пережитое певицей событие. И каждый раз — новая героиня: то юная грузинка, озорная, нетерпеливая, то страдающая, влюбленная женщина. Нани Брегвадзе, как бы ни была откровенна исповедь ее героини, в пении сохраняет ту сдержанность, достоинство, которые необходимы нам, слушателям, для понимания этой женской судьбы. Непосредственное, искреннее чувство особенно ценно в том случае, когда высказывается оно с должным тактом. Этот такт всегда присутствует в исполнении Нани Брегвадзе. И нет для нее риска в выборе репертуара, хотя она и очень продуманно, бережно относится к составлению своих программ. Нет опасности, что, «отведя душу» в песне, Нани не встретит понимания у своих слушателей. Вкус, такт — качества, конечно, врожденные, но и приобретаемые с опытом...

Нани начала петь с детства, музыкальность проявилась у нее с самых малых лет. А потом была серьезная учеба в музыкальном училище и в Тбилисской консерватории на фортепьянном факультете. Этот фундамент, умение трудиться, широта музыкальных вкусов принесли свои плоды: определили артистический образ певицы, творческую ее позицию.

— Я чувствую себя гораздо раскованнее, свободней, когда аккомпанирую себе за роялем сама,— говорит Нани.— Могу делать любые rubato, дышать вольно, как хочу. Рояль вообще помогает мне вслушиваться в себя, сосредоточиваться...

Когда Нани Брегвадзе садится за рояль, кажется, что даже свет юпитеров на сцене смягчается, теплеет. И сама сцена обретает более уютный, домашний вид. Обычно Нани сидит, полуобернувшись к залу.

«Живет моя отрада в высоком терему»,— поет Нани Брегвадзе. Артистизм ее, вдохновение передаются и нам, слушателям.

Протяженность музыкальной фразы романса, песни, чтобы не потерялось их естество, должна приближаться к простому высказыванию, нормально произносимой разговорной речи. И в то же время именно в мелодической линии, гибком, прихотливом ее развитии таится главный смысл, притягательная сила песни — ее тайна. Жесты, восклицания, характерность движений — Нани Брегвадзе пользуется ими мастерски, как истинный артист, музыкант. Романс «Калитка» она поет так, что слышна, почти осязаема тишина дивного сумеречного часа...

С исполнения «Калитки» и началась артистическая судьба Нани Брегвадзе. Еще в 1957 году на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве Нани спела в концерте «Калитку» и грузинскую песню «Затушила свечу».

— Сейчас-то при каждом выступлении волнуюсь, а тогда... Страшно вспомнить! Но на всю жизнь в памяти останется тишина того зала и тот успех. Первый, неожиданный...

А потом вернулась Нани в Тбилиси, домой. Родственники собрались на совет: как решить ее дальнейшее будущее, пианисткой ей быть или певицей? Раньше все казалось ясным: консерватория, потом аспирантура, классическое музыкальное образование, жизнь серьезного музыканта. А пение — так это ведь так, ради удовольствия.

И пела она всегда безотказно. Как, впрочем, поет и сейчас. Живая, естественная потребность — концертная профессиональная деятельность ее только усилила, укрепила.

— Иной раз вечером подойдешь к роялю: думаешь, так, чуть-чуть поиграешь перед сном. А приходит мама и дочка моя, ей сейчас исполнилось тринадцать, и начинаем петь в три голоса. Один романс, другой, третий... Взглянешь на часы: второй час ночи! Правда-правда, сколько раз так бывало... Очень люблю петь! Не петь я не могу, не могу без зала, без слушателей.

Певица выходит на сцену в серебристом нарядном платье, нам, зрителям, кажется — так легко, свободно чувствует она себя там, перед залом. Ее улыбку видят все — от первого ряда до последнего. Она начинает петь: вспомним, какие у нее в эти мгновения глаза, совсем прозрачные, чуть печальные, задумчивые.

Николай Ромадин

В 1940 году в Москве, на Кузнецком мосту, открылась персональная выставка воспитанника ВХУТЕМАСа живописца Николая Ромадина.

...Однажды на выставку пришел посетитель — высокий, сухой человек, похожий на подвижника-философа. Дважды обошел он выставку, внимательно рассматривая каждую работу. Но в орлином его взоре появлялась особая пристальность, когда смотрел он на небольшие пейзажи, скромные этюды, сделанные с натуры на пленэре, словно бы запечатлевшие тихую, застенчивую улыбку нашей родной северной природы.

Посетителя звали Михаил Васильевич Нестеров. Встреча с ним решила творческую судьбу молодого художника. Нестеров, ровесник и друг Левитана, создал в своих картинах хрустальной чистоты и бесконечной поэтичности одухотворенный образ природы русского Севера. И дано ему еще было безошибочно определять, чей художнический талант принадлежит безраздельно Природе. Ведь это Нестеров однажды сказал о Рылове, что то не просто пейзажист,— «он, как Васильев, как Левитан, глубокий задушевный поэт».

И вот теперь на семьдесят восьмом году жизни выпало замечательному художнику счастье приветствовать еще одного поэта красоты Родины. «Талант есть, только бы хватило характеру»,— сказал он тогда с надеждой Павлу Дмитриевичу Корину. И надежды оправдались...

1944 год. Николай Ромадин приехал к берегам Волги. Он снова и снова пишет ее, реку — воительницу, героиню, труженицу. И созданный тогда художником цикл картин «Волга — русская река» зазвучал светлым, раздольным хоралом, славящим красоту Родины, мужество народа. Недаром годы спустя Константин Паустовский свой очерк о художнике Ромадине начнет так:

«Своими моральными качествами, талантливостью и творческой силой русский народ обязан, среди других причин, и нашей природе. Сила ее эстетического воздействия так велика, что, не будь ее, у нас не было бы такого блистательного Пушкина, каким он был. И не только Пушкина, но и Лермонтова, Чайковского, Чехова, Горького, Тургенева, Льва Толстого, Пришвина, и, наконец, не было бы плеяды замечательных художников-пейзажистов: Саврасова, Левитана, Борисова-Мусатова, Нестерова, Репина, Ромадина и многих других».

Это не просто ряд имен. Называя их, мы словно ощущаем, как переливалась из сердца в сердце поколений неослабевающая любовь к родной земле.

Замечательный русский советский пейзажист Василий Васильевич Мешков вспоминал: «...в далеком детстве, спрятавшись в уголке мастерской отца, слушал я разговоры о живописи, и вставала передо мной отличительная черта русского художника — самоотверженность».

Эту черту в полной мере принял на плечи свои Николай Ромадин, советский мастер русского пейзажа. Как и его великие предшественники, без устали шагает он по стране. Николая Михайловича очень трудно «поймать» в Москве. Он «вечный скиталец» — то по Керженцу, то по Волге, то на Удомле, то по каким-то ему одному известным посадам да городишкам, а больше всего по непролазным лесным дебрям, чахлым болотцам. И сегодня его нет дома — где-то в отъезде... Не удивительно, что насобирал Николай Михайлович великое множество «редких и своеобразных знаний» про то, «где можно найти самый густой иней, где растут самые могучие ели, какие краски нужны для речного ветра и какие для дождя в сумерках». Если бы он написал обо всем этом, то получилась бы книга увлекательная и не похожая ни на что в литературе. Но где взять художнику — вечному страннику в поисках красоты, время на книгу? Да и нужна ли она? Ведь всеми красками, какие выведал он на пройденных по земле верстах, пишет Ромадин картины и дарит людям свои радостные и доверчивые встречи с природой.

Помня завет дорогого своего наставника Нестерова, говорившего: «Я всегда стараюсь схватить, удержать то мое первое впечатление, которое оставляет во мне природа; я стараюсь его запечатлеть в этюде...»,— Ромадин работает под открытым небом в любое время года, при всякой погоде, «даже в те окаянные дни, когда над оттаявшими болотами валит мокрый снег с дождем, сапоги полны ледяной воды и порывистый ветер рвет во все стороны подрамник. Ведь как же, в другие дни не увидишь всех красок хмурости, неуюта, аспидного тяжелого неба — всех красок того времени, что называется весенним ненастьем, мокропогодью».

Возможно, кто-то и сегодня скажет или подумает примерно так, как некогда Аполлинарий Васнецов, что Левитан все переписал... А после него стоит ли писать пейзажи? Но были вслед за Левитаном и Рылов, и Нестеров, и Мешков, и Сергей Герасимов... Люди встречали созданное этими талантами с радостью. Почему? Да потому, что каждый художник, полюбив и поняв сердцем, запечатлел лишь одну драгоценную частицу неоглядной красоты природы. А в такой частице, кроме любви, отразилось время, в которое жил художник, живая душа его современника. Разве гудящие, плещущиеся на молодом ветру ветви берез в рыловском «Зеленом шуме» или мчащиеся вперед, в будущее облака и лебеди «В голубом просторе» не донесли до нас тревожный воздух предреволюционной поры?..

«Нужно, чтобы художника узнавали не по этикетке, а по живописному почерку»,— говорил молодым живописцам В. В. Мешков. И пейзажи Ромадина мы узнаем сразу, часто даже вовсе не взглянув на этикетку. На выставках мы невольно, отвлекшись от намеченного пути по залам, направляем свои шаги к тихим, неброским ромадинским пейзажам, едва взгляд наш заметит их где-то в глубине экспозиции, за яркими пятнами локального цвета других полотен. Почему? Каким колдовством манят они? Должно быть, то отзывается на живые образы природы наша тоска горожан, уставших от сутолоки и гари, бетона и сизого неба, и зовет нас вдохнуть свежести. И чудится, что изобразил художник не только кусочек природы, но и вложил в картину и само наше чувство тяги к ней, любовь к ней. Может быть, удалось это ему потому, что вот так щемяще-точно, пронзительно, отчетливо написал он, к примеру, прутики ольхи на фоне тонущего в голубой дымке заречного раздолья. Словно то мы сами подошли к взволнованному весенним пробуждением дереву и осторожно, благодарно дотронулись до его скромных цветов: «Спасибо, что ты есть...»

Вот это бережно-изумленное внимание к деталям, в котором выразило себя необычайно откровенно одно из переживаний современного человека, пожалуй, особенно и отличает Ромадина от других наших мастеров пейзажа и делает его творчество глубоко современным, хотя, кроме этих вечных, не изменившихся за века «деталей», никаких внешних примет специально нынешнего века в ромадинских картинах нет.

«Пиши весну так, чтобы жаворонков на картине не было видно, а песни их слышались»,— наказывал ученикам Саврасов, в чьих знаменитых «Грачах» воздух и впрямь будто колеблется от птичьего грая. А в картине Ромадина «В родных местах Есенина» не слышится ли нам песенный, легкий, за сердце берущий есенинский стих, сливаясь с тихим ржанием переговаривающихся коней, шорохом ползущего среди стволов тумана, плеском остывающей осенним вечером реки?

«Одно несомненно хорошо — это природа... Сколько она содержит в себе звуков, мыслей, чувств, сколько в ней мечтаний... глубоких, вдумчивых, вековечных» — так говорил Нестеров. Незадолго до смерти он сообщал с радостью и гордостью другу-биографу: «Написал уже восьмидесятилетним пейзаж на тему «Уж небо осенью дышало, короче становился день». Вспомним, что в эти же дни тяжкого для Родины 1942 года Нестеров ободрял своего «крестника» Ромадина: «Радуюсь, что вы не забываете своего прямого призвания — Искусства. Оно у вас не останется в долгу». Учитель завещал ученику любовь, всю долгую жизнь неизменно вдохновлявшую его на подвиг творчества.

...Быть может, до сих пор находятся еще деятели, подобные тому, который, придя на персональную выставку художника, только и нашел что сказать ему: «Нет у вас тематики, товарищ Ромадин». И всем таким хочется ответить вот этими словами более чуткого, прозорливого и талантливого зрителя о том, какие высокие мысли и чувства способна разбудить в живой человеческой душе всего лишь одна-единственная, перенесенная трепетной ромадинской кистью на холст живая картина природы:

«Есть у него одна картина,— пишет Паустовский,— над озером или речным затоном с тихой темной водой цветет одинокая ветла. Она отражается в воде, усыпанная серебряными барашками — мягкими на ощупь и теплыми, похожими на птенцов крошечной птицы. Таких птиц Пришвин называл «птичками».

Трудно избавиться от ощущения, что эти барашки — живые существа, и такие теплые, будто их ворсистая шубка вобрала все тепло весеннего дня, хотя день пасмурный и солнце лишь изредка проглядывает белым размытым пятном на сером пологе неба.

В такие дни нас иногда охватывает от весеннего пара, сырой теплоты и тишины какое-то оцепенение. Тогда можно часами сидеть на берегу у такой вот ветлы и следить, как тянут высоко над Россией с юга на север позванивающие косяки журавлей.

В такие минуты предстает перед внутренним взором вся неохватная страна с ее постоянной загадкой и зовом синеющих далей. Каждая такая минута прибавляет еще одну крупицу к нашей любви и укрепляет сознание, что мы кровь от крови этой удивительной страны и что наша жизнь вне ее и без нее невозможна, бессмысленна и ничтожна...

Мне кажется, что Ромадин — один из художников, умеющих жить в полном ладу со счастьем».

Эльвира ПОПОВА

Н. Ромадин. СВЕЖИЙ ВЕТЕР. 1954.

Государственная Третьяковская галерея.

В РОДНЫХ МЕСТАХ ЕСЕНИНА. 1957.

Н. Ромадин. ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ. 1945. Государственная Третьяковская галерея.

Юрий СБИТНЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

Глава I

«В пожароопасный сезон, то есть в период с момента схода снегового покрова в лесу до наступления устойчивой дождливой осенней погоды или образования снегового покрова, воспрещается:

разводить костры в хвойных молодняках, старых горельниках, на участках поврежденного леса (ветровал и бурелом), торфяниках, лесосеках, с оставленными порубочными остатками и заготовленной древесиной, в местах с подсохшей травой, а также под кронами деревьев. В остальных местах разведение костров допускается на площадках, окаймленных минерализованной (то есть очищенной до минерального слоя почвы) полосой шириной не менее 0,5 метра. По миновании надобности костер должен быть тщательно засыпан землей или залит водой до полного прекращения тления».

Из «Правил пожарной безопасности в лесах СССР».

Иван Копырев, рабочий геодезической партии, человек лет сорока, худой, с резко обозначившимися под майкой лопатками, выбрасывал из шурфа мерзлую липкую землю. За весь рабочий день прошел Копырев вглубь метра полтора, грунт в этом месте был тяжелый.

Техник Ефимов заслал его сюда после ссоры, как бы в отместку. Но там, где стоял лагерь и где ребята из бригады рубили просеку и готовили бревна для вышки, было ничуть не легче: там, в жаркой духоте болотистой тайги, лютовал комар; тут же впротяг пробегал ветерок и было чисто.

Копырев, скинув гимнастерку, работал в одной майке, стараясь как можно больше сделать и тем доказать мастеру, что ссора их на дело не влияет.

Мастер пришел под вечер, когда под лопатой у Копырева гулко застонала мерзлота.

— Скажи-ка, на самом вершке — и туда же, мерзлота,— приглядываясь, как работает Копырев, сказал Ефимов и вдруг похвалил:— Хорошо нынче сделал. А у тебя тут Ташкент. Ни комара, ни гнуса. Слышь-ка, Копырев, землю выбрось и делай пожиг. Дальше лопатой не возьмешь.

— Сухо больно, пожару бы не наделать, Сергей Петрович.

— А как же иначе-то, зубами, что ли, грызть землю будешь? Грызи, мне не жалко. Только на хрена мне грызуны. Таким манером и одной вышки в сезон не поставишь, а нам их пять надо. А иначе — шиш, а не премия. Делай пожиг!

— Я тогда неполный шурф-то набью и огонь подымать большой не буду,— сказал Копырев.

— Ну, ну.— Мастер глянул на солнце, оно стояло еще высоко, потом на часы: был одиннадцатый час.— Гляди-тко, полночь скоро, а оно вон как жарит,— сказал и задумался, разглядывая жилистую фигуру Копырева с острыми, быстро двигающимися под майкой лопатками.— Ты, Копырев, пожиг сделаешь, гони просеку.

— Так у меня пилы тут нет. Я лучше новый шурф начну.

— А я сказал: просеку гони! Любишь все поперек пути.— Ефимов недовольно дернул головою.— Спустись за пилою в лагерь!

Копырев промолчал, зная по опыту, что мастер Ефимов может ни за что накричать.

Ефимов был лет на семь моложе Копырева, но обращался с ним как с несмышленышем. Такое отношение обижало Копырева, особенно если мастер начинал выговаривать на людях. В бригаде Копырев был самым старым, и ребята звали его то ли серьезно, то ли в шутку «батя».

Ефимов побродил по вершинке, осмотрел расчищенные под шурфы места, остался доволен работой и, подойдя снова к Копыреву, сказал:

— Ладно, рече время зря на хождения терять. Начинай вторую яму.

Копырев молчал.

— Слышишь, что сказал я?!

— Слышу.

— И вот еще что. Ты, парень, кончай умничать да поперечничать. Шибко ученый, да? Мне в бригаде трепачей не надо. Понял? Гляди, парень, не за спасибо робишь. Помни...

И пошел прочь, наклонив крупную, в белой челке выгоревших волос голову. Ефимов шел под гору неторопливо, чуть раскачивая корпус, и Копыреву казалось, что мастер не идет, а медленно погружается в землю: по колени, по пояс, по плечи, и вот только осталась видна белобрысая с плешинкой голова.

Их вчерашняя ссора произошла из-за пустяка. Они и раньше относились друг к другу без особой симпатии, а тут вдруг разом как бы сделались врагами. Мастер своим «заместелем», так он выразился, поставил Володьку Страха — молодого, но уже тертого парня, своего дружка. «Его будете слушать, как меня,— сказал Ефимов,— и получать он будет на разряд больше».

Разряды в бригаде были разные по штатному расписанию, но получали все одинаково на «общий стол». Так уж велось из года в год.

— Ясно?— спросил Ефимов, и ребята промолчали.

Но Копырев не промолчал, спросил:

— А почему так, Сергей Петрович?

Ефимов удивленно глянул на него.

— Что, что?— переспросил он.

— Почему Страхов будет получать на разряд выше?

— А потому, что тебя не спрашивают.

— Но ведь спросили.

— Не тебя, поскольку тебе еще пуд соли надо сожрать в тайге, чтобы слово свое иметь. Без году неделя в лесу, а туда же...

— Я ведь тоже человек.

— А коль человек, пошел к едрене фене из бригады! Мне глотов не надо,— вдруг заорал Ефимов, и шея его побагровела.— Марш отсюдова! Мышь ты приблудная! Я зачем тебя в бригаду взял?! Чтобы ты глотку тут рвал?! Как придут с продуктами с базы, марш отсюдова!— кричал Ефимов, а ребята вокруг молчали, потупив глаза, а кто-то даже и головой согласно кивал.

День Копырев не работал, помогал на кухне повару. Вечером кто-то из ребят сказал: «Брось, батя, плетью обуха не перешибешь. Иди попроси наряд у Ефимова на завтра».

И Копырев пошел и попросил:

— Дайте мне на завтра наряд, Сергей Петрович.

— А что тебе, на кухне не климáт? Ну ладно, Ефимов зла не помнит. До обеда полезешь на сопку, сделаешь расчистку, а после обеда будешь рыть ямы под фундамент.

И, зевнув, полез к себе в палатку.

— Иль недоволен?— спросил, укладываясь там.— Принеси-ка воды мне попить.

— Доволен... Спасибо,— сказал Копырев и пошел на кухню за водой...

Копырев зачистил до ледяного блеска дно шурфа, мерзлота тут проступала одним монолитом, нарубил сушняку, хворосту, спустил все это в яму, придавил сверху тяжелой сухой плашкой и, запалив берестяной факел, сунул его под сушняк. Сушняк занялся быстро, а Копырев еще некоторое время повозился вокруг ямы, обложив ее бруствером.

Солнце напоролось на острые верхушки тайги и стало быстро оплывать за горизонт. Там, где расположился бригадный лагерь, тайга окунулась в белесую мягкую муть, но тут, на сопке, солнце все еще золотило горячие травы, жарко поблескивало смолами на стволах лиственок, пекло и без того нагоревшую за день кожу.

Копырев отрыл уже штыка на три новый шурф, когда снизу позвали на ужин. Повар нещадно лупил в дно ведерка, и этот звук гулко летел по тайге. Проверив для верности еще раз пожиг — огонь горел ровно и без искр,— Копырев спустился в лагерь.

— Как дела?— спросил Ефимов. Он уже отужинал и теперь, ковыряя острой щепочкой в зубах, сидел подле своей палатки. Перед ним на перевернутом ящике стояла кружка крепкого чая.

— Начал вторую ямку.

— А как первая? Пожиг-то нормальный?

— Нормальный,— думая о том, что малый огонь не отогреет мерзлоту, ответил Копырев.

— Ну гляди, парень! Тебе жить. Гляди, не отожжешь землю, всей бригаде страдать. После ужина бревна пойдешь таскать.

— А как же пожиг?

— Так он же у тебя нормальный. А коли что, сходишь перед сном, подбросишь дрóвишек...

Бригада работала и после ужина, до шести утра, потом все горячее время дня спали и начинали работать снова, в шесть вечера. После ужина, развалившись на все еще горячей от зноя земле, отдыхали, дымя махоркой.

Саша Анкулов — рабочий из местных жителей, рассказывал:

— Пошли мы кóней с папаней в тайгу искать. Убегли кони-то. С нами собачонок малый увился. Идем налегке, след ищем. Вдруг собачонок гав-гав да гав-гав. Папаня говорит: «Не иначе зверя нашел». И сам топор из-за пояса тянет. Папаша у меня лихой, ничо ему в жизни не страшно! Идем на лай. А уже захолодало и порошка малая прошла,— лай далеко слышен. Вышли мы на него. И, ой-бой, берлог. В берлог собачонок лает. «А ну, Шурка, стежки руби!» — кричит папаня. «Зачем?» «Как зачем, добывать медведя будем». «Да у нас, папаня, и ружжа нету». «Руби, говорю, стежки». Я рублю, папаня стежки в берлог пускает, а медведь их на себя имат. Это и надо папане. Заложил

берлогу, встал над ее устьем и кричит: «Руби, Шурка, шатину!» Это такой стежок, потоньше тех, коими берлог-то закладывали, им надо медведя тревожить. Сунул шатиной в него и давай нашатывать — шкуру на тот стежок наматывать да его же этим стежком теребить. Нашатывал, нашатывал я медведя, да вдруг как меня ахнет по темечку-то — я с ног долой. Это медведь шатину переломил, рассерчал, из берлоги бросился, а мне сказалось, что он меня лапищей ахнул. Поднимаюсь с земли, за голову схватился и в деревья: «Ай-ай-ай!» Там опомнился, глянул, папаня над устьем берложьим стоит, смеется: «Ты что, паря, сдурел? От кого прячешься?» «Где медведь?» — говорю. «Так в берлоге». «Я ж сам видел, как он выпрыгнул». «Выпрыгнул,— говорит папаня,— да в обрат запрыгнул». Я подошел к папане, гляжу — топор у него до самых рук в крови. «А ну, Шурка, еще пошатай-ка». Я стежок в берлогу. Медведь его не берет; и так и сяк кручу, дергаю, чувствую, что шерсть с него рву — не берет он стежка. «А ну, запускай, Шурка, собачонка в берлогу, пусть потешится».

— Это что же, отец твой медведя топором уложил, что ли?

— Ага. Поймал момент и ахнул,— дернул носом рассказчик и потянулся прикурить к Копыреву.— Дай, батя, огоньку.

— Ай-я-яй, как сопсем некорошо,— сказал каюр Авачан. Он неслышно подошел к ребятам во время рассказа да так и слушал в сторонке, приложив к уху сухонькую с крупными суставами ладошку, и покачивал головой.

— Что нехорошо, Авачан?— Ефимов, равнодушно слушавший рассказ, приподнялся.— Ты откуда взялся-то?

— Плохо, начальнык, зверя так бить. Зачем? На берлога амикан спал. Кого трогал? Кому мешал?

— А как же ты его сам стреляешь, да еще когда жрешь, говоришь, что-де русский убил?— засмеялся Ефимов.

— Не так это, не так,—покачал головою Авачан, и седенькая косичка на его затылке затрепыхалась.

Вокруг зашумели, здороваясь с Авачаном, повскакивали с мест, окружили разом.

— Авачан, письма привез?

— Привез, привез,—широко улыбался эвенк.

— Я тебе ниток наказывал привезти, привез?

— Привез, привез...

— Что мне есть?— Ефимов раздвинул ребят, подошел к Авачану, сильно пожал его руку, так что сморщился старик.

— Привез, привез. Тебе баба твой посылка привез.

— А где ж аргиш-то?.. Где олени?

— Степа Почогир гонит. Вот они.— Старик приложил ладошку к уху, уставился им в тайгу.— Слышишь?

Все затихли. Из тайги доносился мерный перезвон колокольчика, да покрикивал где-то на оленей Степа.

Большой аргиш пришел в лагерь геодезистов с продуктами. Копырев в утайку, сторожась, глянул на Ефимова: не вспомнит ли угрозу, не отправит ли из бригады? Нет, Ефимов, довольно потирая руки, смеялся и что-то говорил Авачану, а тот согласно кивал головою,— был он рядом с грузным, большеголовым начальником похож на худенького подростка, который так, смеха ради, натянул на голову седенький парик.

«Неужели отправит? — снова подумал Копырев. И сердце его сжалось от недоброго предчувствия.— Бревна потаскаю, пойду к ямам. Малый огонь мерзлоту не возьмет. Черт с ним, чего спорю-то! Наломаю полную яму — к новой смене выжжет мерзлоту огонь...»

Белая ночь легла вокруг. Большая луна медленно выплыла из-за горизонта. Повисла над кромкой лесов, неправдоподобно красная в белом небе. Душным, сладким запахом потянуло от реки Чоки, заплутавшейся средь густых зарослей шиповника. Оранжевым, словно бы потаенным цветом запламенели жарки. Лунный свет, незаметный в ночи, вернул миру цвета и краски.

Странная, колдовская сила заключена в белой ночи. Этот незримый лунный свет; эти словно подглядывающие за всем глаза цветов и этот сладковато дурманящий запах шиповника — все от тайной силы тайги, все от колдовской силы белой ночи.

Не спится земле в белую ночь, не спится. Гудит тайга комариным гудом, так что кажется: гудит само небо набатным глухим гулом. Прошелестели верхушки сосен, роняя малые хвоинки,— сторожко прошла по верхам белка; мягко, совсем неслышным шагом пробежал соболь, вынюхивая добычу, и вышел будто бы с ленцой, вразвалочку, в духмянные заросли шиповника вылинявший, уже в чистом подшерстке медведь. Сладко сощурился, потянул ноздрями воздух, оголил белые десны и желтые острые зубы, то ли зевнул, то ли улыбнулся, ткнулся мордой в цветущие заросли и замер, довольно урча.

В лагере белым пламенем горят костры, белым дымом дымят дымокуры, и олени, тоже белые в ночи, прилегли к чадящим кострам, смаргивают с теплых глаз уже напившихся крови комаров. Вожак — учаг — трется мягкой губой о бок важенки-молодухи, и та, чуть кося глазом, вздрагивает, и по ее шее, морщиня кожу, пробегает дрожь. А на востоке, там, где еще не отгорела вечерняя заря, уже занимается, растет и ширится новая, утренняя.

Спит, забравшись под марлевый полог, Ефимов, на лице его бродит самодовольная, сытая улыбка,— мастер приложился на сон грядущий к жениной посылке.

Авачан-старик лежит у дымокура, на земле, без полога, не спит — глядит узенькими щелочками старых глаз в белую ночь, думает свое. Много лет старику, ему уже и помирать скоро, а потому и думает Авачан сейчас о смерти, в которую не верит. Внук его, Степана Почогира сын Илюшка, лежит в ногах деда, уткнув голову в черный накомарник и, что-то пришептывая, сладко посвистывает носом. Илюшка в нынешний год встал на ноги, рано встал — хороший охотник будет.

— Раз-два — взяли!— хриплыми голосами в лад кричат рабочие, вытягивая к лагерю отесанные бревна для будущей тригонометрической вышки.

—Раз-два — с маху! — неохотно, впотяг ломая сушняк и кусты, ползет вверх большое бревно.

— Ищще ра-зок!— Один ладный сиплый хор.

Медленно горит огонь в шурфе, оплывают слезой земляные стенки, шипит и разом чернеет уголь, сорвавшийся в черную лужицу на дне. Да и весь пожиг шипит и поплевывается, оказавшись на плаву.

Раздвинув ветви, на просеку к шурфу вышел Копырев, отираясь рукавом, согнал с лица пот. Подошел к яме, заглянул внутрь. Совсем осел огонь, едва пламенеют угли, подернутые серым теплым прахом, вот-вот загаснет пожиг. Разве таким огнем возьмешь мерзлоту? Завтра за такую работу выгонит Ефимов из бригады.

Копырев прошел просекой, выбрал сухую валежину, принялся пластать ее топором на крупные плахи. Работал споро, ловко. Снес наколотое к шурфу. Повозился над ним, пристраивая свайки вовнутрь, а потом на них бросил сушняк, дождался, когда возьмется он высоким пламенем, и уже на пламень накидал вначал наколотых плах — доверху забил шурф. Так быстрее оттает мерзлота, сядет под жаром земля, и тогда ее только швыряй и швыряй из ямы.

Пока работал, как-то поспешно, словно бы гонятся за ней, нырнула за леса луна, и солнце так же стремительно выкатило в небо, залив все вокруг жаркой бронзой. Птицы разом засвиристели, заиграли, запели на разные голоса, и кукушка мягко уронила в тайгу свое окатистое «ку-ку».

Бодрствуя, встретил солнце Авачан. Поднял лицо к золотым верхушкам сосен и замер. Над ним медленно парила золотая, вся в сиянии, птица. «За мной, что ли?— тревожно шевельнулось сердце.— Вроде бы и не видел за всю жизнь такой птицы». И вдруг в улыбке заплясала морщинками кожа на лице. Птица плыла в первых лучах солнца, оттого и золотая, оттого и в сиянии.

«Вот так когда-нибудь и я пролечу»,— подумал старик, радуясь новому утру.

— Раз-два — взяли!— одной силой на поход подтянули бревно, перехватились и снова:— Раз-два — с маху!

Копырев подбежал, ухватился за веревку, потянул ее на себя и, откинувшись назад, тоже, как все, выдохнул:

— Еще взяли!— и снова, который уже раз, вспомнил все, как было...

— Батя, тебе письмо!— крикнул тогда Сашка Анкулов.

Степа Почогир помахал конвертом:

— Да, да. Копырев, письма тебе. Скорее бери. Пляши, Иван...

Писала дочка, младшая из близнецов, Аня, он сразу же узнал ее почерк, еще не устоявшийся, но уже знакомый. В разлуке он часто думал о своих детях и жалел их всегда, даже когда им было радостно и весело.

— Спасибо, Степа, спасибо. И вам спасибо, Петр Константинович,— поклонился Авачану.

— Ну, здоров будь, сынок,— сказал Авачан и добавил:— Пусть добрый весть будет.

Весть оказалась недоброй:

«Здравствуй, наш дорогой папочка. Во первых строках моего небольшого письма хочу спросить тебя, почему ты так долго не писал нам? Ты, наверное, думаешь, что мы тебя забыли, или что?— Копырев читал, чувствуя, как дрожь охватывает его тело и слезы подступают к глазам. Еще не видя следующей строчки, он понял, что дальше в письме будет что-то очень плохое для него и для его детей. Подавив вздох, читал он дальше:— Папа, я не могу объяснить, почему мама вышла взамуж за Козарина. Он, когда к нам приходил, тогда нам сразу не понравился. Папа, ты на нас не обижайся и пиши нам по адресу: Пионерский лагерь завода «Электросила». Копыревым. Мы тебе будем отвечать на все вопросы...»

Слезы застилали глаза Копырева, и он снова отстранился от письма. «Как же так? Я же писал им. Они не получали. Значит, Фаина не давала им писем. Что же это? Зачем так? Знает ли он этого Козарина?» Копырев встал и медленно пошел прочь от лагеря в тайгу.

— Подъем не прогуляй, философ!—крикнул в спину Ефимов.— Счас начнем.

Копырев ничего не ответил.

«Зачем так вот! Козарин. Да, да, он знает его. Фаина, Фаина, что же это? Трое детей ведь...»

Копырев сел на траву и, не ощущая того, как жгут и жалят комары, продолжал читать письмо:

«Да, папа, мы тебе хотели послать открытку с Международным днем солидарности трудящихся, Первым маем, да не знали твоего адреса. Папа, кончили мы учиться нормально. У Саши одна тройка, у меня шесть четверок. Получил ли ты письмо от Вали, она нам сказала, что послала тебе. Пиши, как твое здоровье, как живешь, вообще пиши все. Папа, мы с Сашей в пятом. Целуем 100 000 раз. Писала Аня. Ждем ответа, твои дети».

Копырев дочитал письмо, лег в траву и, не сдерживая себя, заплакал, сухо и горько — помужски...

ГЛАВА II

В целях предупреждения и ликвидации лесных пожаров комиссия по охране лесов ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Создать в Авлаканском районе штаб по предупреждению и ликвидации пожаров...

...Областному управлению лесного хозяйства, областной лесоавиабазе выделить дополнительно в Авлаканский район: рабочих — 40 человек; рабочих АПК — 40 человек; ППС — 80 человек; летательных аппаратов — 5 единиц; взрывных материалов — 15 тонн; ранцевых опрыскивателей — 50 штук.

Из протокола заседания областной комиссии по охране лесов 5 июля 1971 года.

Секретарь Авлаканского райкома партии Иван Иванович Ручьев возвращался из областного центра с заседания комиссии по охране лесов от пожаров. Добравшись самолетом до Неги, Ручьев решил дальше идти рекой на лодке. Время было предсенокосное, и секретарь райкома захотел сам поглядеть сенокосные угодья. За ним увязался охотник Анкулов, и Ручьев взял его в лодку, поскольку сам требовал от промысловиков: на реку по одному не выходить. Мало ли что может случиться на воде.

Негу покинули рано утром.

Река парила. Густой туман поднимался от воды, застил солнце, и оно, совсем не яркое за плотной завесой, раскидывало свои лучи так, как это бывает только на детских рисунках.

Ручьев гнал лодку на предельном газу, хо-

рошо зная фарватер. Порою лодка входила в такую белую мглу, что и нос ее разглядеть было невозможно. В такие мгновения Анкулов вдруг проявлял беспокойство и, обернувшись, кричал:

— Поубавь газу, Иван Иваныч! Не ровен час с чем не то почеломкаемся!

Ручьев не слышал его. Отступал туман, и лодка, вырвавшись на чистую воду, словно бы и еще прибавляла ходу, а громадное белое солнце, разом кинувшись в глаза, ослепляло, погружая все на мгновение в темноту. Тайга, высушенная и накаленная жарою, спешила к берегам Авлакана, жаждуще тянулась к воде, но, не в силах побороть упрямую силу корней, замирала у самого берегового свалка. Река, словно бы жалеючи тайгу, ластилась к берегам, сопротивлялась ручьям и речушкам, впадающим в нее, и все-таки принимала в себя их пахнущую палым листом и хвоей, голубичником и клюквой воду.

Исколесив вдоль и поперек Авлакан, Ручьев не только хорошо знал реку, он как-то настолько сроднился с ней, что воспринимал ее вполне одушевленной, как это делает эвенкбиракан — сын реки.

У Нювняка на долгой песчаной косе увидел вдруг Ручьев дикого оленя. Животное, откинув далеко за спину ветвистые рога, взрывая копытами песок, взапуски носилось вдоль косы. Паут, гнус, злая таежная мелкота выгнали зверя к реке, и он, обезумев от жал и укусов, от дикой скачки через буреломы и чащобники, не мог успокоиться. Он мчался по косе, пробегал ее всю, с ходу врывался в реку, подняв над собой фонтан брызг, резко останавливался, вставал на дыбки и, перекинувшись всем мускулистым, красивым телом, мчал в обратную.

Ручьев, сбавив обороты мотора, а потом и заглушив его, подчалился к косе.

Пробегая мимо людей, олень вдруг резко остановился, выкинув перед собой обе разом передние ноги, и, как на лыжах, проехал на них, низко опустив голову. Бородатый, в белой манишке, лоснящийся мокрым телом, он стоял близко от лодки, рассматривая людей пристально и настороженно. В голубых белках его глаз набухли и напряглись кровью змейкие жилки. Олень гукнул, поднял высоко морду, сморщив верхнюю губу и переступив ногами, как это делают тренированные лошади на выездке, еще ближе подошел к людям.

— Эх, ружжа-то не взяли,— простонал Анкулов, а Ручьев незаметно поставил ногу на топор, чтобы чего доброго не схватился за него охотник. А зверь, подойдя почти вплотную к лодке, снова гукнул, потом сердито, совсем как осипший от долгой брехни пес, взлаял, повернулся и, плавно переставляя ноги, пошел прочь.

— Ату его!— не выдержал Анкулов, приподнялся, свистнул в четыре пальца, замахал руками, и зверь, отбросив снова далеко назад венец рогов, разом прянул вперед и словно бы оторвался от земли, полетел, легко паря над нею, вымахал на крутояр, проплыл над верхушками елей и скрылся из глаз.

— Ах, черт возьми, хорош!— сказал Анкулов и только теперь, увидев позади себя топор, чертыхнулся.— Ты чего же, Иван Иванович, глядел? Сунул бы мне топор-то! Разом добыли б зверя!

— Ну да?

— Точно. На двадцать метров все лезвие в дерево загоняю. А тут — пять шагов. Так и снес бы голову. Эх ты, охотник, охотник...

— Ты на него верхом бы лучше заскочил.

— И то,— засмеялся Анкулов.— А мы прошлым годом вот тут недалеко сохатого заложили. Вот таким порядком его паут да гнус из тайги выпер. Я лодку со всего хода на берег выкинул. Стрелил — прошил насквозь. Выбег на паберег — и за ним. Он раненый, но бежит, траву красит. В яр не побег, силы не хватило. Я его в воду загнал, и мы его кончили. Здоров был...

— Чайку, что ли, похлюпаем?— предложил Ручьев.

— Давай, давай. А то кишка кишке весть подает,— согласился Анкулов и полез из лодки.— Вроде бы тут протяжно, не шибко густо комара-то...

— К Верхотарову-то, поди, только часа через три доберемся,— сказал Анкулов.

— Не раньше,— согласился Ручьев.

До первого зимовья Верхотарова, где предполагал задержаться Ручьев, оставалось еще достаточно пути, а солнце уже подтягивалось к полдню. Поэтому решили и пообедать. Достали и сложили вместе каждый свой припас.

С Митрофаном Ивановичем Верхотаровым у Ручьева была давняя, еще с первого года работы в районе, дружба. Был Митрофан Иванович мужиком трезвым, рассудительным, и вся его семья была трезвая. На памяти Ручьева выросли и выучились сыны Верхотарова. Все трое и шесть дочерей остались в районе. Сам старик вот уже лет пять как ушел из родного села Нега и поселился в зимовье в местечке Буникан. Летом жил совсем один, рыбача и сенокосничая, зимой к нему прибегала жена, бойкая, такая разговорчивая, что и слова в ее речь не вставишь, баба Дуня.

Прошедшей зимой, облетая стойбища и бригады, Ручьев присел и на Буникане. Пилот Володя (в Буньской эскадрилье было шесть Володь, и их именовали только с прибавлением клички: Рыжий Володя, Володя Черный, Белый, просто Володя, Маленький, Верста и Владим Владимыч), Рыжий Володя мягко посадил самолет на реку, подняв облако снежной пыли. На мгновение все вокруг окунулось в белую мглу, будто машина вошла в густую облачность. Это впечатление было явным еще и потому, что уж очень мягко посадил Рыжий Володя самолет. Пробежавшись по реке, «АН-2» круто развернулся, обогнал рыхлое снежное облако, и за окном мелькнуло до самой крыши заваленное снегом зимовье, лабаз, берестяной чум у самого берегового среза и две фигурки. И как только остановился самолет, фигурки эти вдруг сорвались с места и кинулись наперегонки вниз по тропке к машине.

Баба Дуня, стараясь перегнать Митрофана Ивановича, сошла с тропинки и тут же увязла в снегу, забрела по пояс и что-то кричала, помахивая рукою. А Митрофан Иванович, не оглядываясь, словно мальчишка, бежал к самолету, простоволосый, в одной нижней рубашке и тонких брючатах, и ветер от пропеллера, еще не улегшийся, разметал его седые волосы. Ручьев тоже поспешил навстречу, легко выпрыгнул из самолета, обнял старика и долго тряс его руку. Подбежала вся в снегу баба Дуня и тоже затрясла руку, без умолку заговорила, и с ее приходом Митрофан Иванович словно бы и притих сразу.

Поднялись к зимовью, собаки разом залаяли, выражая свой восторг. Ручьев почесал за ухом лохматого огненного пса, тот успокоился, благодарно лизнул руку, но остальные подняли отчаянный крик, требуя к себе внимания и ласки. Ручьев обошел каждую собаку и каждую потрепал по холке и почесал за ухом. А рядом, не отступая ни на шаг, шел Митрофан Иванович и, пользуясь тем, что баба Дуня ушла стряпаться, все говорил и говорил о житье-бытье, об охоте и бабе Дуне, а она все-таки не оставляла гостя — нет-нет да выглядывала из зимовейки и включалась в разговор.

В зимовье снова затерла мужа, позволяя ему только одно отвечать на ее обращение: «Так ли я говорю, старик?»

— Так, так... Однако вышел я под утро и гляжу...— Но баба Дуня тут же перехватила чуть было завязавшуюся ниточку рассказа:

— Значит, так. С утра-то старик ходил, следил сохатого. Толичко вот и вернулся. Ну, и ахнешь, какие интересы с ним нынче приключилися.— Митрофан Иванович покорно слушал о том, что случилось с ним и как он следил сохатого.— Так ли я говорю, старик?

— Так... так...

Оказалось, что у Митрофана Ивановича натоплена баня, и Ручьев, конечно, тут же согласился попариться.

Володя Рыжий вместе со вторым пилотом, Володей Черным, быстро сгрузили продукты охотникам, наскоро перекусили свежей сохатиной и улетели в стойбище Кано, с тем чтобы часа через два вернуться, захватить Ручьева и лететь дальше на ночевку в бригаду на озеро Еногда.

В дощатых сенцах зимовья Ручьев разделся до трусов и, сунув босые ноги в унты, по снежной глубокой тропке пробежал к бане — к крохотному, будто бы присевшему на колени срубу с плоской крышей. Верхняя притолока и венец над ней донельзя прокоптились, баня у Митрофана Ивановича топилась по-черному.

Ручьев открыл тяжелую дверь и, сбросив трусы и унты прямо на снег, низко пригнувшись, нырнул в сухое тепло выжаренной бани. Внутри помещение оказалось вполне просторным. Черные глыбы каменки, подле них железная бочка с варом, горячей водой, у дверей кадка с холодной, подернутой пленкой растаявшего льда. Мороз, который только что щипал кожу, от жары будто бы забрался внутрь и теперь вот щекотал кровь — чувство, ни с чем не сравнимое. Ручьев, сладко щурясь, повалился на горячий, обжегший спину сухим сосновым деревом полок. Жаркое тепло разлилось по всему телу. Есть в этом понятии *жаркое тепло* что-то необыкновенное. Тут и обжигающая жара сухого пока еще воздуха, пахнущего мокрым древесным углем и заварным духом березового листа, и ласкающее тепло воды, и тепло самого состояния, которое имеет каждый человек, входя в баню. Улыбаться хочется.

Полок просторный, и Ручьев, широко разметавшись на нем, вдохнул это жаркое тепло полными легкими и так же полно выдохнул.

Митрофан Иванович кинул на камни один, затем другой ковшичек вару, и, как при посадке самолета, все вокруг обволоклось белым облаком. Разом погас свет в крошечном окошке, остро защипало уши, судорогой прошла дрожь по спине, и Ручьев застонал, пока еще не притрагиваясь к венику, что исходил томленым жаром в рудовой от заварки шайке.

Где-то далеко-далеко внизу говорил и говорил Митрофан Иванович, присев на порожек, как был, в телогрейке и шапке; Ручьев понимал и не понимал его, видел и не видел, он не заметил, как сам по себе появился в руках веник. Как окунулись березовые листья в холодную воду и стряхнули влагу на каменку, как сама каменка отчаянно взвизгнула, отплюнувшись березовым взваром, и как сам по себе захлестался, заходил по телу веник. Тут уж и дух захолонуло и заперло, и не раз так...

Вышибив красным, распаренным телом дверь, Ручьев со всего маху ахнулся в сугроб, который приметил для себя, когда спешил в баню. Кажется, замерло, остановилось сердце, кровь разом остыла и какая-то сила сковала каждую жилочку, каждый сосудик и клеточку. Но другая сила разом воспротивилась той, сломила ее и легко перенесла Ручьева снова на полок, в парную, ласковую духоту.

И снова, теперь уже разумно и помягче, захлестал, заходил по телу веник, каждым листочком любя и лаская. До трех раз выбрасывался в снег Ручьев, пока наконец не устал и не занежился в рыхлом хлебном пару. Митрофан Иванович кинул на каменку ковшичек ржаного кваса.

— Ты чего сам-то не банишься?— спросил Ручьев, вдруг увидев старика сидящим на порожке в стежанке и заячьем треухе.

— Успею ишшо,— прервав рассказ, который так и лился свободно все это время, благо не помешает баба Дуня, не придет к мужикам в баню, ответил Митрофан Иванович.

— Упрел же, дядя?!

— Не...

— Ты хоть бы шапку снял.

— Успею ишшо. Слухай, однако, дале...

— Слушаю, слушаю, Митрофан Иванович,— ответил Ручьев.

— Ох, и здорово я нынче зимою попарился у Митрофана-то Ивановича,— сказал Ручьев, собирая рюкзак. Отобедали быстро.

— Да, у Верхотарова баня из всех бань. Дедушка ишшо клал-то. Бревно особый вкус в ней имеет, и камни особливые. Таких теперь и нет.

Из тайги, как из печи, дыхнуло жаром, и Ручьев подумал, что плесни вот сейчас водой на тайгу, как каменка, паром изойдет.

Небо выгоревшее, белесое и пустое, будто и нет его над головой. И только солнце, только одинокое облачко, недвижимое в зените.

— Вот жарит так жарит,— отирая пот с лица, сказал Ручьев.

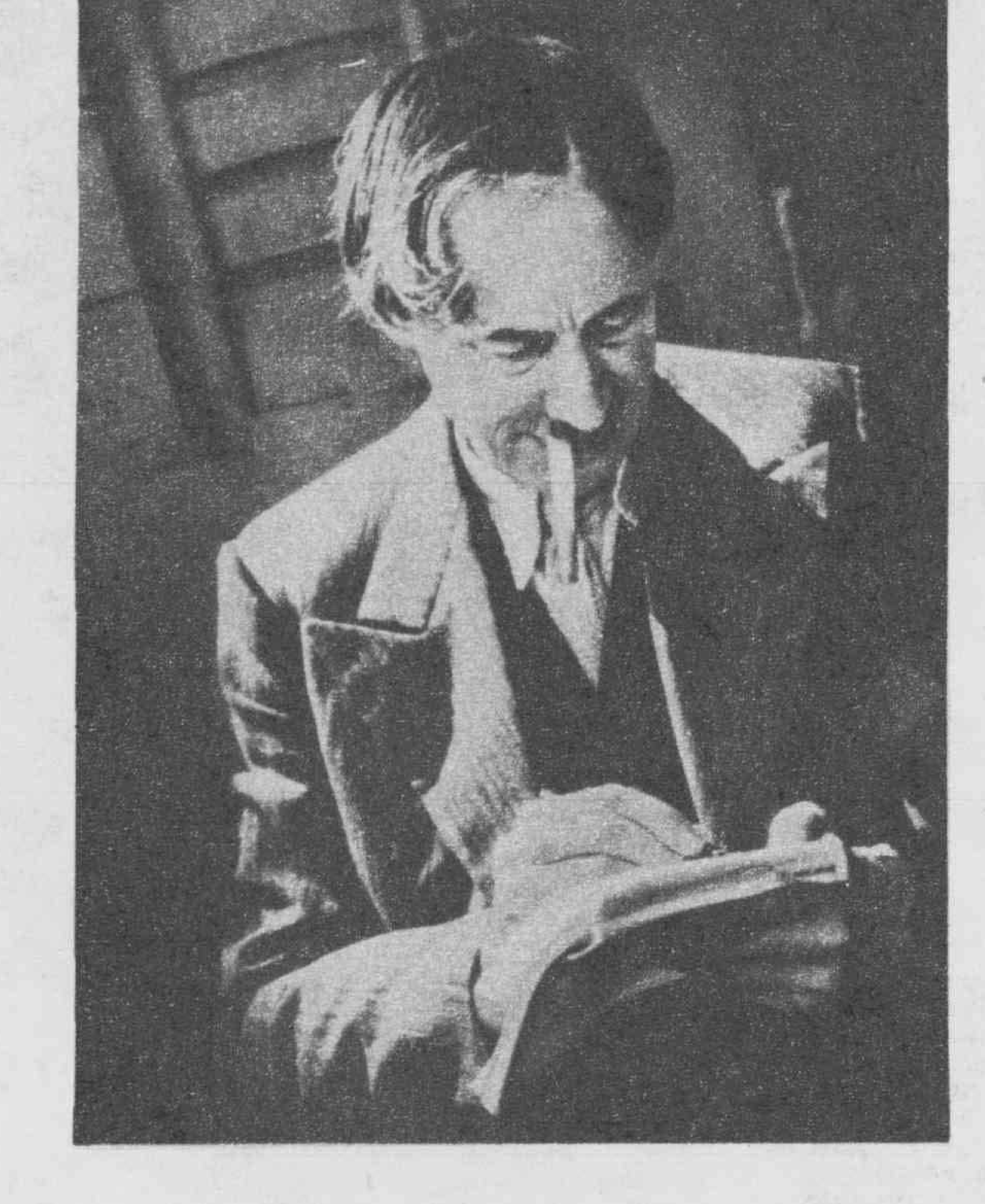
— Поди, не жарче, чем в обкоме-то,— осклабился Анкулов.— По сенокосу вызывали-то, Иван Иванович?

— Нет, Анкулов, по пожарам.

— Горит, стал быть, тайга-то... Нас милует пока... А страшно. Гляди, жары-то какие.

Ручьев промолчал, выгоняя лодку на течение.

Продолжение следует.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНРИ БАРБЮСА

ИСКРЕННИЙ ДРУГ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Родившись в Аньере близ Парижа в 1873 году, окончив университет, а затем посвятив себя ремеслу журналиста, Анри Барбюс был уже зрелым человеком, когда в России вспыхнуло зарево Октября и весь мир узнал о провозглашении первого в истории государства Советов. За плечами были поиски социальной правды, порой приводившие его в декадентские гостиные, но все же заставившие принять реализм как единственно верный метод. Имя его уже было известно в литературных кругах — выходили поэтические сборники, романы. Но наибольшим опытом жизни, испытанием стала первая мировая война. Барбюса врачи браковали, но он, думая, что идет защищать свой народ, интересы Франции, настоял—взяли. Первые же строчки романа «В огне» («Огонь»), печатавшегося в 1916 году на страницах газеты «Эвр», внесли ясность: познав грабительскую сущность войны, увидев страдания и кровь простых людей своей родины, Барбюс проклял эту бойню, творившуюся руками рабочих во имя интересов капитала, он разоблачил зачинщиков империалистических войн, призывая народы самим установить «царство справедливости».

Первая в мире страна социализма осуществляла великую программу преобразований, последовательно боролась за мир, против захватнических войн — это было то, о чем мечтал французский писатель, к чему звали его страстные произведения. Он еще не был в нашей стране, не мог приехать, но уже чувствовал себя связанным с ней, с молодой Республикой Советов, тысячью незримых нитей. Барбюс был в числе организаторов международного объединения писателей «Кларте» («Свет»), выступившего за консолидацию антивоенных сил, он призывал поддержать Советскую республику, сорвать происки интервентов. В статье «Мы обвиняем» Барбюс писал в 1919 году: «Спасите человеческую правду, спасая правду русскую. Знайте, что будущие поколения будут судить о честности людей нашего времени в зависимости от того, сумели ли они подняться в этот момент, чтобы заявить: Нет!»

Разве не символично, что первый приезд его в СССР состоялся в 1927 году? Вспомним историю: официальные советско-французские отношения по вине тогдашних правящих кругов Франции были натянуты до предела, началась травля коммунистов и прогрессивных деятелей, готовится суд над М. Кашеном, Ж. Дюкло и другими патриотами, правая печать, улавливая настроения в верхах, настаивает на разрыве, провоцирует отзыв советского посла из Парижа. Обстановка для визита в Москву явно неблагоприятная. Но надо было не быть Анри Барбюсом, чтобы именно в этот момент не поехать в СССР. Он поступил так, как поступают истинные друзья.

Примеру Барбюса следовали многие. Организованный в Париже «Комитет по празднованию 10-летия Октябрьской революции» призвал всех честных французов умственного и физического труда не поддаваться обработке реакционной прессы: «Для того, чтобы оценить русскую революцию, надо оценить ее на месте. Нужно установить контакт с нею через делегатов, которые могли бы нам сообщить точную картину гигантской работы, осуществленной в СССР». Деньги на поездки собирали по подпискам...

За несколько часов до отъезда в Россию Барбюс посещает заключенного в тюрьму Поля Вайяна-Кутюрье и говорит ему, радостный:

— Я еду на родину, Поль, я еду на нашу родину...

Позже он скажет в том же 1927-м своим новым товарищам, которых приобрел в СССР, что «приехал в качестве друга, любящего вас, и, смею выразиться, в качестве вашего соотечественника, который гордится вами».

Впечатления от первой поездки у него огромны, времени не хватает. Барбюс ездит по заводам, выступает в школах профдвижения, воинских частях. В Москве и других городах России много интересного, но у писателя сейчас главная цель — поездка в Грузию. Дома, во Франции, в хоре правых газет, клевещущих на СССР, на социализм, громче всех голоса о мнимом закабалении и дискриминации национальностей Кавказа, о развале экономики края. Барбюс решает ехать, чтобы дать отпор клеветникам. Но огромна страна Советская, и всюду хотят встречи с видным французским писателем, одним из первых поверившим в силу идей социализма, вступившим недавно в ряды коммунистов. Интерес к Барбюсу растет. «Правда» сообщала о каждом дне пребывания его в СССР. Вот заголовки кратких репортажей: 4 октября — «Анри Барбюс в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса» (Москва), 5 и 6 октября — «Анри Барбюс в Харькове», 7 октября— «Анри Барбюс в Ростове-на-Дону», 8 октября — «Анри Барбюс во Владикавказе», 9 октября — «Приезд Анри Барбюса в Грузию», 26 октября — «Барбюс в Армении», 27-го — «Анри Барбюс в Баку»...

Он ездит по республикам Закавказья, смотрит и, восхищенный, пишет книгу «Вот что сделано в Грузии», которая выйдет через год в Париже. Не меньшее впечатление на него произвели и другие республики Закавказья — Армения, «страна, находившаяся в агонии и являющая ныне цветущий вид», Азербайджан. Ознакомившись с нефтяной промышленностью Баку, он говорит:

— Живя во Франции, я все время следил за вашим ростом. Я жил вашими победами, поражениями, радостями и страданиями... Уезжая из Советского Союза, я везу с собой так много сильного и бодрящего, что не под силу одному человеку.

Барбюс присутствует на празднестве в честь 10-летия Великого Октября, видит огромный энтузиазм народа, его единение с партией большевиков. 10—12 ноября 1927 года в Колонном зале Дома союзов работает Всемирный конгресс друзей СССР. На нем с речью выступил Барбюс. «Над СССР висит страшная угроза империалистической войны,— сказал он.— Многие не верят в возможность войны в ближайшем будущем. Это происходит инстинктивно: люди не хотят войны, но ведь это не доказательство». «Наш долг,— заключает А. Барбюс,— защищать социалистическое строительство от его клеветников и его разрушителей».

27 ноября в «Правде» опубликовано письмо Барбюса «Привет русским друзьям», в котором писатель благодарит за радушие, просит извинить за то, что не успел побывать у всех, кто приглашал его. «Мне трудно расстаться с массой друзей и братьев, которых я нашел здесь»,— пишет Барбюс, прощаясь с гостеприимной Советской страной.

Он уехал, чтобы и дальше работать на дело мира и защиты первой Страны Советов, защиты социалистических завоеваний в экономике и культуре. В книге «Россия» (1930) он пишет для рабочих Европы правду о СССР. Он участвует в организации целого ряда антифашистских комитетов и съездов — Антивоенного конгресса (Амстердам, 1932), Конгресса в защиту культуры (Париж, 1935), активно сотрудничает в работе Комитета по защите Тельмана...

Вновь и вновь приезжает он в нашу страну. Особенно напряженны и содержательны визиты 1932 и 1935 годов. Барбюс много ездит по Москве, интересуется буквально всем. Его телефон в номере «Савоя» звонит не переставая: его приглашают, договариваются о встречах и выступлениях.

«Я нахожусь на территории СССР буквально считанные часы, я успел только бегло осмотреть Москву....— записывает Барбюс в 1932 году.— Как неузнаваемо изменилось лицо столицы! Сегодня я был на Воробьевых горах, и когда я увидел бесконечные леса новостроек, которые поднимаются ввысь над горизонтом, я сразу почувствовал весь колоссальный размах строительства, охвативший рабочую страну».

Приехав в последний раз в СССР в конце июля 1935 года, Барбюс, несмотря на тяжелую болезнь, давно мучившую его, сразу включается в работу — присутствует на заседаниях VII конгресса Коминтерна, пишет предисловие к биографической книге о В. И. Ленине, создает черновой вариант киносценария об Октябрьской революции. Он полон энергии, следит за всеми событиями в мире. В Москве его снова можно видеть на многочисленных стройках, он в восторге от только что открытого для эксплуатации метрополитена...

В «Правде» появился снимок: Барбюс, улыбающийся, сидит в вагоне метро на станции «Дзержинская» в окружении приветливых пассажиров. Под снимком слова писателя о «полных воздуха и света дворцовых просторах московского метро».

12 августа он присутствовал на конно-спортивном празднике РККА. Никто из гостей не думал, что видит Барбюса в последний раз.

В конце августа Барбюсу стало внезапно плохо — лучшие врачи боролись за его жизнь. Но слишком много сил унесла война, слишком велико было напряжение последних лет. 30 августа 1935 года в 8 часов 55 минут утра сердце Барбюса остановилось. Глубокой болью отозвалась в душе советских людей весть о смерти Барбюса. Три дня шли москвичи нескончаемым потоком к зданию Московской консерватории—страна прощалась со своим верным другом. Со словами скорби в «Правде» выступили Е. Стасова, Г. Димитров, М. Горький, Луи Арагон, Л. Соболев, Мих. Кольцов, писатели Украины, Грузии, других республик СССР...

Его прах перевезли в Париж, захоронили на кладбище Пер-Лашез, у стены Коммунаров.

«Свет из бездны», «Ясность», «В огне» — уже названия его книг и яростных манифестов говорят за себя. Он сам был как факел, освещавший путь к правде, разгонявший мрак недоверия и подозрительности. Еще в конце двадцатых годов Барбюс поднял голос протеста против наращивания сил милитаризма, он предупреждал об опасности недооценки фашизма, угрожающего миру и всему человечеству. Время подтвердило его правоту.

Ю. НОВИКОВ

ВЕСТИ

В эпоху социализма наука превратилась в непосредственную производительную силу. Прошло то время, когда многие десятилетия отделяли фундаментальные открытия от их внедрения в жизнь. Научные центры выросли во всех республиках нашей страны, в городах Сибири и Дальнего Востока.

«Вести из академий» — под этой рубрикой «Огонек» будет регулярно рассказывать о поиске исследователей, работающих в разных концах страны, показывать достижения научно-технической революции.

АЗЕРБАЙДЖАН

КОРАБЛЬ ПЛЫВЕТ В МЕЗОЗОЙ

У этого поискового судна научное имя — «Гелиограф». В переводе с греческого оно означает «рисую солнце». Слабый взрыв у дна моря, приемники на корабле улавливают эхо, и после расшифровки сигналов на бумаге вырисовываются глубинные, подводные слои земли так, словно их и впрямь на миг осветило солнце. На корабле работают инженеры, ученые, сотрудники Института геологии АН АзССР.

«Гелиограф» ищет нефть. Вернее, те места глубоко под дном моря, где она может находиться. Задача ученых—получить всю возможную информацию о дне при помощи взрывов. Для этого звук эха записывается на широкую магнитную ленту аппарата. Его можно прослушивать, анализировать. Но главное, какое сообщение несет этот звук из морских глубин. А последнее зависит уже от искусства поисковиков: где выбрана стоянка корабля, как произведен взрыв и расположены приемники подводного эха. Ученые умудряются прощупывать даже не только складки, где залегает нефть, но и границы меж нею и газом. Рождается своеобразный подводный локатор, который как бы видит сквозь воду и слои дна.

...Огромное море и маленький корабль. Люди на нем шаг за шагом прозвучивают дно Каспия. Их корабль не просто совершает каботажное плавание, он плывет в мезозой, к запасам древней нефти...

ЛАТВИЯ

КИБЕРНЕТИКА И ОТОПЛЕНИЕ

Кибернетика и отопление городов... Казалось, что между ними общего? Иначе отвечают на этот вопрос ученые Физико-энергетического института Академии наук Латвийской ССР.

Теплоснабжение города ученые приравняли к кровеносной системе организма. Известно, что если какой-то орган человеческого тела охладился, информация об этом передается по нервным волокнам, и туда усиливается приток крови. В тепловой системе такой сигнальной связи нет: на ТЭЦ не знают, какова в данный момент температура тех или иных клеточек — квартир.

Теплофикация города — это как бы река наоборот. Начинается она быстрым и мощным потоком энергии, который, разветвляясь, все больше и больше смиряет свой бег и, отработав в двигателях, отдает тепло радиаторам.

От ТЭЦ идет горячая линия, температура воды около 180 градусов. На модели, которую создали ученые, ее изобразили в виде источника электроэнергии. Такой поток в дом пускать нельзя — к радиаторам пригорит пыль. Поэтому на модели появились смесительные подстанции, где вода охлаждается. И, наконец, точки потребления — сами здания: вода приходит туда при температуре 95 градусов и уходит, охладившись примерно на четверть. Остальные 70 градусов тепла идут, по сути, на обогрев улицы, что совершенно не надо. Такова модель существующей системы отопления.

Изменяя в цепи напряжение, силу тока, сопротивление проводов, ученые изучали параметры водяного потока — его давление, расход воды, сопротивление в трубах. За считанные часы проходили времена года, по многу раз менялось направление ветра, всходило и заходило солнце. Электролампы, имитирующие радиаторы, отключались, как только «теплоноситель» нагревал «комнаты» до 20 градусов.

Но что это? Физики увеличивают температуру потока воды, а «радиаторы» не пригорают. Правда, они отключаются, когда стрелка термометра переходит за 20. Поток воды покидает здание, имея те же 70 градусов, но каждый куб отдает тепла в 2,5 раза больше, то есть он стал в энергетическом смысле более весомым!

Мелочь? Как бы не так. Введение «кибернетического отопления» только в Риге будет экономить миллион рублей в год. И это при существующих, низкотемпературных водяных потоках. Но у латвийских ученых большие планы. А почему бы не заменить воду другим, более горячим теплоносителем, который не превращается при 100 градусах в пар?

Новая система пока включает лишь несколько домов. А в будущем все клеточки — квартиры будут управляться с помощью автоматов. Солнце тоже впишется в новую систему: нагревая дома, оно будет экономить нам топливо. Все это учтут кибернетические приборы, своеобразные диспетчеры тепловых потоков.

БЕЛОРУССИЯ

ДРЕВЕСИНУ СУШАТ В... ВОДЕ!

Парадоксальный случай: древесину сушат в воде!

Как известно, современные методы производства требуют огромного количества сухой качественной древесины. Медленная, постепенная сушка тормозит производство.

В Институте тепло- и массообмена Академии наук БССР создан новый способ сушки... в воде!

В ванну с водой опускаются стальные пластины — электроды. Штабелями загружается древесина. Под действием тока выделяется тепло, равномерно, по всей поверхности и толщине, обогревающее подопечное сырье.

Вынутая из ванны древесина быстро отдает тепло, а следом за ним уходит и влага. Материал как бы высыхает изнутри и делает это в 50 раз быстрее, чем при сушке на воздухе.

ГРУЗИЯ

РАЗУМ ПРОТИВ СТИХИИ

На огромных виброплатформах, имитирующих подземные толчки,— модели зданий, плотин, мостов. Чутние датчики улавливают поведение конструкций во время землетрясений и «доносят» об этом по проводам регистрирующим приборам.

В Институте строительной механики и сейсмостойкости Академии наук Грузинской ССР впервые в мире появился преднапряженный железобетон, определивший целую эпоху в строительстве. Здесь создавались антисейсмические нормы, на которые опирается и 20-этажная тбилисская гостиница «Иверия» и высокогорная Ингурская плотина. Возглавляет институт старейший строитель академик Груз. ССР К. С. Завриев. Недавно в жизни ученого произошел знаменательный случай.

Над железной дорогой в Боржоми нависает скала. Перед строителями давно уже стоял вопрос, взрывать ее или не взрывать. «Взрывать,— заявляли одни,— скала дала трещину и может не сегодня-завтра рухнуть». «Нет, скала простоит еще долго, а вот если взорвать, то изменится ход подземных вод; вред будет нанесен знаменитым боржомским источникам».

Положение серьезное. По дороге идут поезда. Кто же в таких условиях поручится за прочность скалы? И тогда Госстрой пригласил в Боржоми директора Международной ассоциации сейсмостойкого строительства К. С. Завриева.

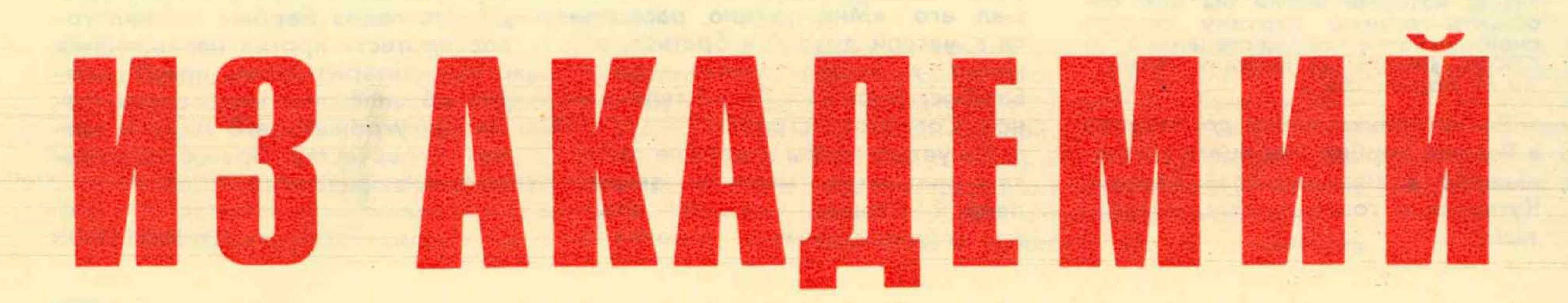
Прилетев после осмотра скалы, ученый сделал интересный вывод: даже самый сильный взрыв только расшатает скалы, а не свалит их и создаст опасную ситуацию, а так скала простоит еще не один десяток лет. «Я ручаюсь за прочность скалы»,— заявил Завриев. Взрыв был отменен. А год спустя в Боржоми произошло сильное, восьмибальное землетрясение. Ученый выехал к своей подопечной, осмотрел ее, выслушал. Из Москвы позвонили:

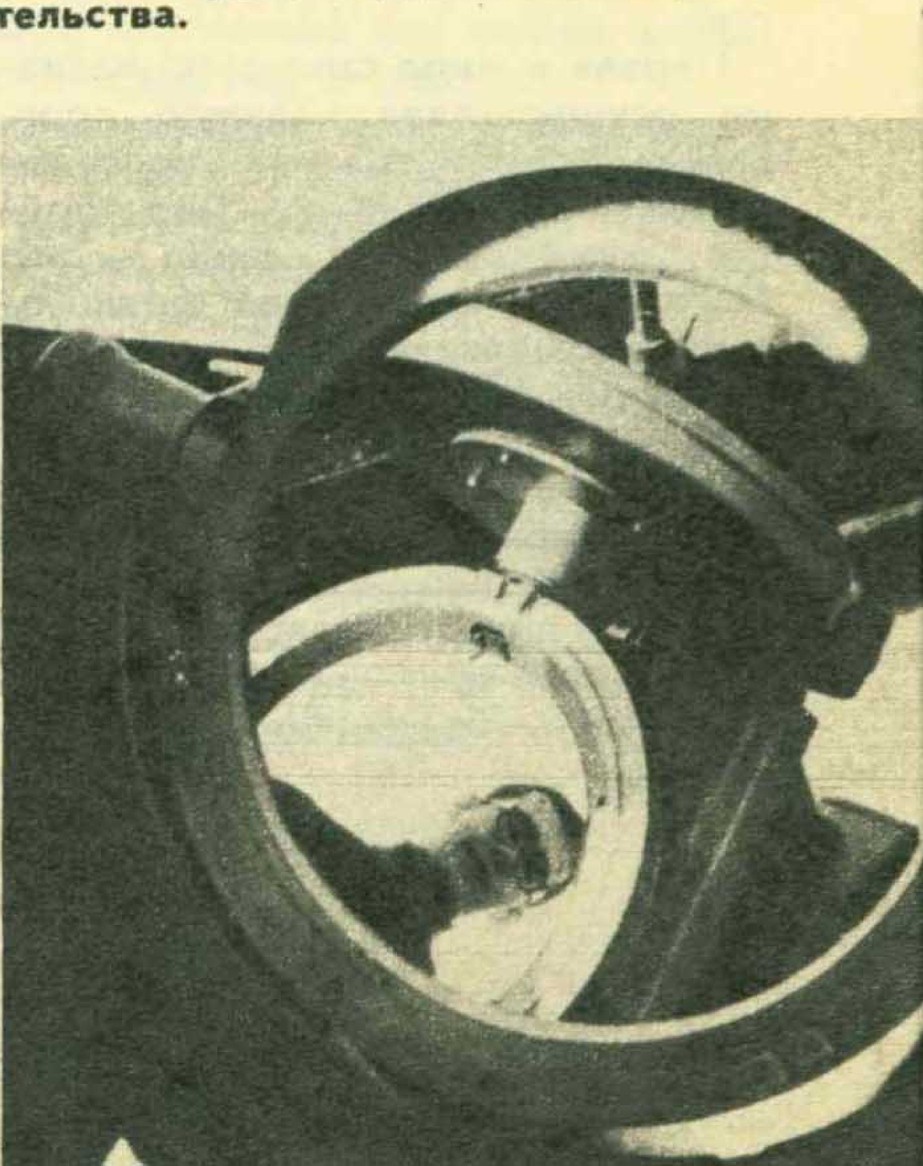
— Ну, как скала?

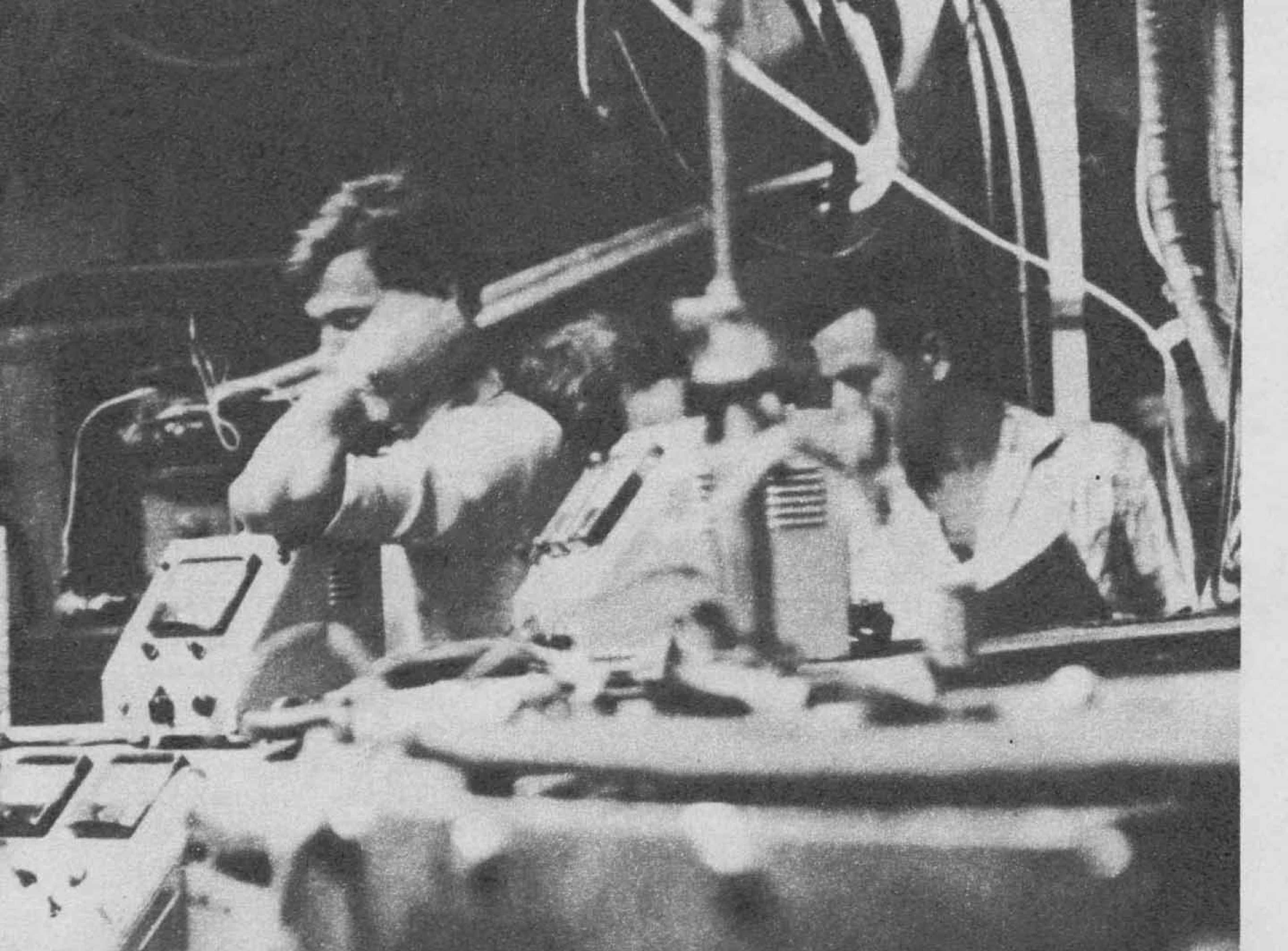
— Жива-здорова. Даже новые трещины не появились.

За этой уверенностью ученого— расчеты и эксперименты, вся мощь теории антисейсмического строительства, которую он создавал на протяжении полувека.

Теперь «сейсмически опасный» Кавказ — район высотного строительства.

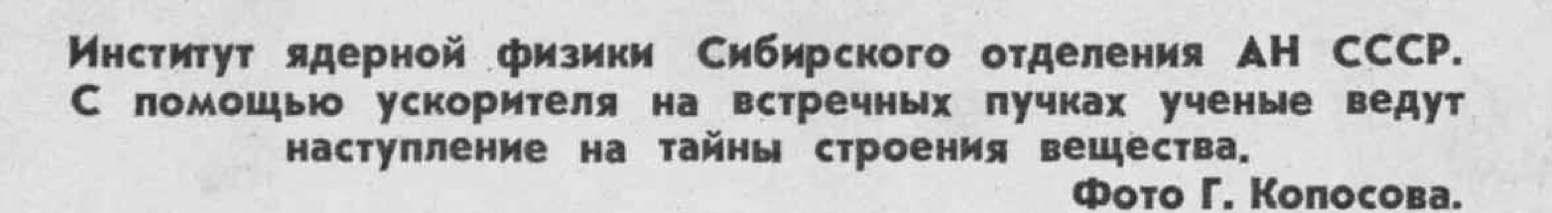

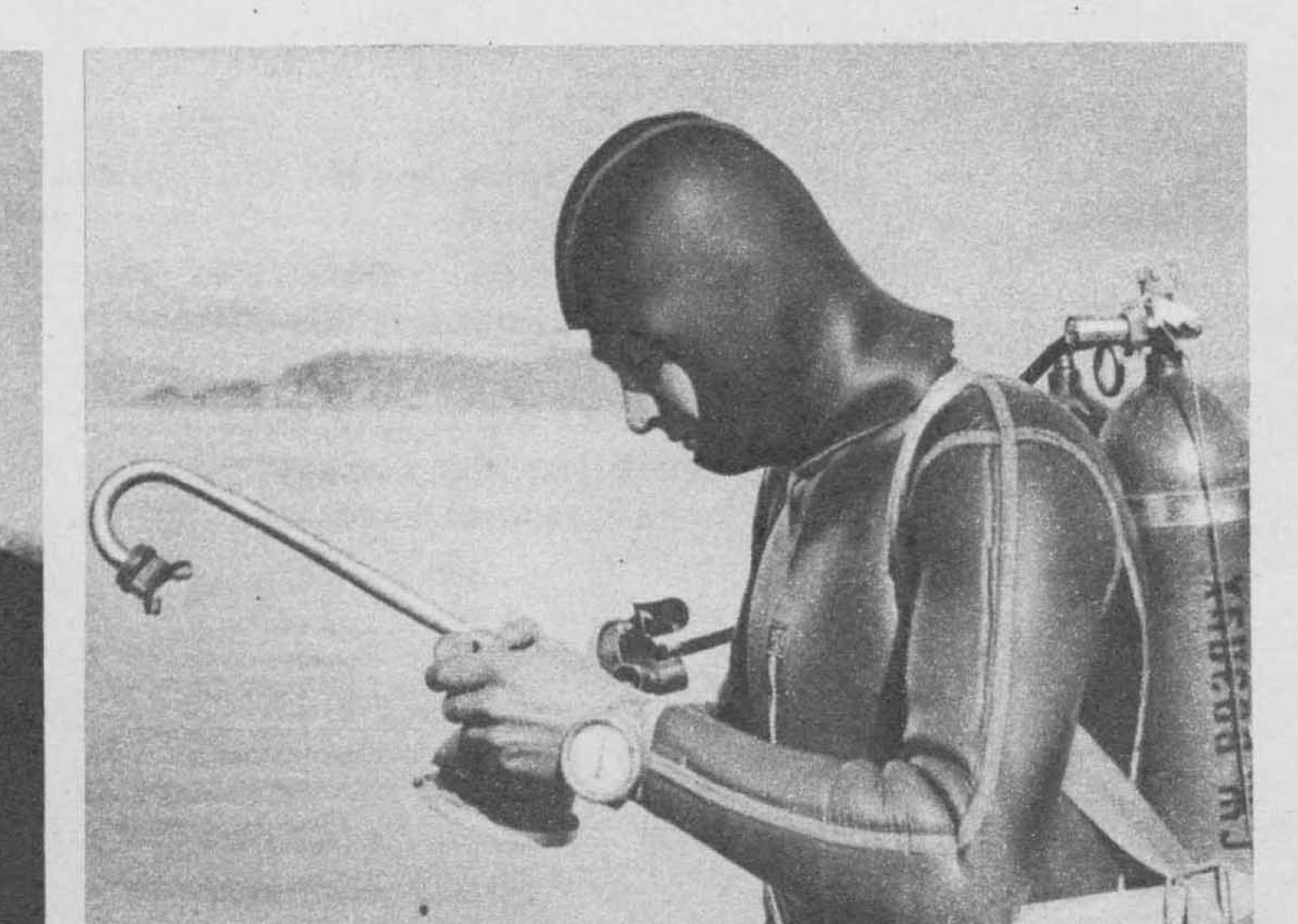
Институт ядерной физики Сибирского отделения АН СССР. С помощью ускорителя на встречных пучках ученые ведут наступление на тайны строения вещества.

Фото Г. Копосова.

Вспышки на Солнце и жизнь в океанских глубинах — предмет изучения сотрудников молодого Дальневосточного Научного Центра.

Фото А. Гостева.

КАРЕЛИЯ

БЕРЕГИТЕ ПНИ!

Канифоль, скипидар и некоторые другие ценные продукты содержатся в обычных... пнях, десятки тысяч которых выкорчевываются при лесоразработках. Как сделать, чтобы пни вынимались из земли без повреждений? Оригинальную машину для бережного корчевания пней создали в Карельском научно-исследовательском институте лесной промышленности.

Челюсти машины врезаются в грунт и захватывают пень. Но земля тоже держит его мощными корневищами. Автоматически включаемый вибратор аккуратно, как говорят, «без сучка и задоринки», вынимает пень из грунта и отряхивает его от облепивших комков земли. 16-метровая телескопическая стрела позволяет аппарату двигаться в определенной полосе, извлекая пни «справа и слева».

Агрегат заменяет опасный ручной труд взрывника. Кроме того, такое безвзрывное удаление пней позволяет сохранить молодые деревья, будущий лес.

ЛИТВА

КОЛЬЧУГА ДЛЯ МЕТАЛЛА

Институт химии Академии наук Литовской ССР. Здесь под руководством президента республиканской академии Героя Социалистического Труда Ю. Ю. Матулиса решается сложная, чуть ли не фантастическая проблема: конструировать детали из атомов и молекул так же, как строители собирают дома из панелей. Путь к этому — электрохимия.

Литовские ученые с помощью специальных, изобретенных ими добавок — блескообразователей осаждают на катоде мелкие, одинаково ориентированные кристаллики металла, которые отражают свет наподобие зеркал. Но как сделать поверхность изделия не только гладкой, но и прочной?

Исследования, проведенные под руководством академика Ю. Ю. Матулиса, позволили по-новому взглянуть на привычное явление. Так, до сих пор считалось, что выделение водорода при электролизе — неизбежное зло: расходуется зря энергия, нужная на осаждение металла. Кроме того, атомы водорода, проникая в деталь, делают ее пористой и хрупкой. В институте же отнеслись к этому веществу как к яду, который в малых дозах может быть и полезен. Оказалось, что небольшое число атомов, внедряясь в кристаллическую решетку, создает в металле внутренние напряжения, которые придают ему твердость.

Так в институте были созданы трехслойные покрытия: наверху — микронные доли хрома, он придает детали твердость и износоустойчивость. На пути молекул кислорода, атакующих деталь, оказываются, помимо хромовой сетки, два слоя различного по активности металла. Защищая стальную деталь от коррозий, такая поверхность как бы «принимает огонь на себя».

ТУРКМЕНИЯ

САДЫ НА ПЕСКЕ

У Ганса Христиана Андерсена есть сказка о том, как розовый куст расцвел среди зимы, потому что к нему прикоснулась добрая рука человека. Эту поэтичную и мудрую сказку вспоминаешь в Ботаническом саду Туркменской Академии наук.

Тяжел климат Туркмении. Тропические растения здесь зимой замерзают (ведь два месяца морозы доходят до 20 градусов); любящие влагу задыхаются от жажды; деревья и кустарники средней полосы не выдерживают жару. И все-таки туркменские ученые своим трудом создали огромный ботанический сад, где начиная с января и кончая декабрем цветут деревья и цветы, где можно совершить путешествия по всем странам мира. Тюльпанное дерево, ветви которого усеяны желтыми крупными цветами, уроженец Америки, перекочевавший в засушливую Среднюю Азию, японская айва, финиковая пальма. Туркмения — единственное место у нас в Союзе, где плодоносит этот капризный представитель тропиков. И целое море цветов: тюльпанов, роз, ирисов, крокусов. Недавно туркменские ботаники получили новую громадную территорию в зоне Каракумского канала, которую тоже начали превращать в цветущий сад.

Не надо объяснять, как важна работа по акклиматизации растений, по созданию новых засухоустойчивых сортов деревьев и цветов именно тут, в Туркмении, где города возникают среди пустыни.

Помимо научных исследований, сотрудники Ботанического сада ведут работы, непосредственно связанные с хозяйством республики. Здесь можно увидеть плоды необычного растения: гигантский стручок величиной с длинную саблю. Это плод бобового растения канавалия. Сотрудники Ботанического сада ведут исследования с тремя тысячами кормовых растений тропических стран. Это бобовые — долихос, вигна, канавалия, вывезенные из Африки, очень неприхотливые и богатые белком. Работа с кормовыми растениями особенно важна потому, что бобовые средней полосы плохо приживаются в условиях жары и засухи.

Более тысячи видов деревьев растет сейчас в Туркменском ботаническом саду. 500 видов уже озеленили улицы Небит-Дага, Навои и других молодых городов, возникающих в пустыне, украсили их, дали спасительную тень. На вопрос: «Какой вы представляете Туркмению в будущем?» — ботаники и селекционеры отвечают лаконично: «Как наш Ботанический сад».

ЯКУТИЯ

В ЦАРСТВЕ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

Обледенелые ступеньки ведут в подземелье. Холод все явственней дает о себе знать. Плотно захлопывается дверь, чтобы теплый воздух не проник в царство вечной мерзлоты — одну из лабораторий Института мерзлотоведения Сибирского отделения Академии наук. В этой лаборатории изучают законы, по которым живут мерзлые грунты. Рядом другая лаборатория, также похожая на ледовую пещеру. В ней стоят «печи», но они не греют. У них другая задача: тут при помощи радиоуглеродного анализа определяется абсолютный возраст горных пород.

Исследования института охватывают буквально все стороны жизни огромнейшей территории — почти в десять миллионов квадратных километров, где находятся многолетние мерзлые породы. Без рекомендации института в Заполярье не могут работать строители, инженеры, энергетики и геологи, археологи и шахтеры.

Все, вероятно, знают об одной из самых северных гидроэлектростанций — Вилюйской ГЭС. Это практически первая станция, построенная на вечной мерзлоте. И строительство ее стало возможным только при участии ученых-мерзлотоведов.

Работы не прекращаются и теперь. В районе Вилюя находится исследовательская станция института. Ученые изучают те изменения, которые происходят в мерзлых породах, в водохранилищах и на месте самой ГЭС. Это необходимо для эксплуатации гидроэлектростанции и для строительства ее будущих сестер. Исследования продолжаются.

ПАКИСТАН В ПУТИ

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

ХЛЕБ И АТОМ

Поджаристый русский каравай по-восточному разламывается руками, и каждый бережно подносит ко рту рассыпчатый хлеб. Он только что выпечен из первой партии муки, которую намололи на мельнице. Она построена близ Карачи с помощью советских специалистов. В торжественной дегустации принимают участие мукомолы Абдул Гани, Салим Дада, Владимир Иващенко и Петр Юрочкин.

Это вполне современные мельники с дипломами инженеров и техников. Их мельница ушла далеко вперед от стародавних ветряков и примитивных сооружений по берегам рек. Мельница являет собой пятиэтажную каменную громаду. Каждый этаж — это высоченный цех, заставленный современной техникой и наполненный машинным гулом. Идешь по ним и видишь, как налитое зерно превращается в белую муку. Очень наглядный производственный процесс.

И вот результат — хрустящая, свежевыпеченная корочка и пышные белые куски хлеба. Его творцы довольны. Мне тоже по вкусу этот каравай.

Владимир Иващенко и Петр Юрочкин рассказывают мне о сооружении этой мельницы, о строительстве других таких же мельниц в Пакистане. Их коллеги, Абдул Гани и Салим Дада, дополняют рассказ, говорят о том, как важна для Пакистана техническая помощь Советского Союза в этой отрасли хозяйства страны. Они подчеркивают высокое качество и надежность всех агрегатов, всего цикла производства. «Иначе и быть не может! — говорят наши специалисты.— Ведь точно такие же мельницы повсюду строят и у нас в стране».

Мы стоим во дворе мельницы. Отламываем куски от одного каравая и, довольные, жуем их. И мне думается, что в этой картине еще больше глубокого смысла и символики, чем в пущенной по кругу «трубке мира».

Та же мысль пришла ко мне и на текстильной фабрике, одном из предприятий компании «Сабина коттон милз лимитед». Вся она оборудована советской техникой, которую здесь помогают осваивать наши специалисты.

Начальник цеха Аббас Мустафа и наш инженер из Иванова Михаил Торопов знакомят меня с производством. В цехах я вижу, как обучают пакистанцев механик Николай Ващенко, слесарь-сборщик Евгений Андреев и другие наши специалисты. В их взаимоотношениях та же деловитость и дружелюбие, что и на мельнице между русскими и пакистанскими мукомолами.

Мукомолы кормят страну. Ткачи ее одевают. И приятно сознавать, что и в том и в другом случае советские люди помогают пакистанским труженикам.

Помогают, к слову сказать, на равноправных, взаимовыгодных основах. На эту тему мы долго беседовали с бизнесменом из Карачи Амиром Даррани. Его предприятия производят обувь, немалую часть своей продукции он продает в нашу страну.

— Я с большим удовольствием смотрел в Москве на то, как ваши покупатели охотно приобретали мою обувь,— с гордостью говорит он.— Мы знаем,— продолжает Даррани,— что торговые отношения играют важную роль в укреплении дружественных отношений между странами. Развитие торговли между Пакистаном и СССР в последние годы доказывает, что обе соседние страны хотят еще больше расширять эти отношения. Пакистанский народ искренне желает укреплять дружбу и мир с Советским Союзом.

Это мысли трезвого, делового человека. Не случайно Даррани — активист Пакистано-советского общества культурных связей. Я и познакомился с ним на вечере в Советском Доме дружбы, где собрались наши специалисты и члены общества. Дом этот привлекает немало пакистанцев, причем многие из них занимаются здесь на курсах русского языка под руководством наших преподавателей. Сам Даррани вполне прилично изъясняется по-русски, недавно послал в Москву на учебу своего сына, который тоже учился на курсах русского языка при нашем Доме дружбы в Карачи.

На вечере в том же Доме дружбы я познакомился с молодым филологом Абдулом Вахидом. Его специальность — русская литература. Он начал с тех же курсов русского языка, потом учился в Москве, только что вернулся на родину. С большой сердечностью вспоминает Абдул веселую студенческую семью, Москву, московские зимы со снегом и лыжами. Его заветная мечта — продолжить учебу в московской аспирантуре.

Познакомившись со многими друзьями Советского Союза, членами общества, я, естественно, решил нанести визит президенту общества, Сибте Хасану. Он бизнесмен и принял меня в своем издательском кабинете. Сибте Хасан рассказал об истории общества, существующего уже десять лет, о его работе и подарил мне специальный журнал, изданный обществом в честь 50-летия со дня образования СССР. Это богато иллюстрированное, красочное издание насчитывает семьдесят две страницы. Сибте Хасан убедительно говорит о конкретных проявлениях крепнущей дружбы между Пакистаном и нашей страной:

«Это очевидный факт, что соглашение с Советским Союзом о разведке в Пакистане нефти и газа с помощью советских специалистов открыло новую эру взаимопонимания и сотрудничества между двумя нашими странами. Это, несомненно, заслуга тогдашнего министра промышленности Бхутто, который был инициатором этих переговоров, и советской стороны. Сегодня мы с удовлетворением отмечаем, что после этого соглашения дружеские связи между Пакистаном и СССР значительно укрепились. Великодушное предложение Советского Союза помочь основать сталелитейную промышленность в Пакистане также высоко оценено во всех слоях нашего народа, ибо мы понимаем, что экономика страны в целом не может быть подлинно самостоятельной без существования ее важнейших национальных отраслей».

Сибте Хасан очень тепло вспоминает свою недавнюю поездку по нашей стране, в том числе по республикам Средней Азии. Он так заключает нашу беседу: «Во время нашего недавнего визита в Советский Союз мы были приятно поражены дружеским приемом со стороны советских людей, их глубокой заинтересованностью в будущем

Продавец шаров.— Реклама Аэрофлота в Карачи.— На столичном текстильном комбинате «Сабина коттон милз лимитед» работают советские станки.— Стюардесса. — Уличный ресторанчик.
На развороте вкладки: Древние стены Лахора.— Студентки столичного университета.

Fly
AEROFLOT
Soviet Airlines
see MOSCOW free
on your way to EUROPE

Пакистана. Мы надеемся, что этот дух дружбы и доброй воли будет крепнуть».

Еще одним из многих конкретных и весьма ощутимых символов дружбы и сотрудничества между СССР и Пакистаном является, несомненно, наисовременнейший медицинский центр близ города Хайдарабада. Здесь на службу человеку, на борьбу за его здоровье поставлена энергия атома. Все оборудование советское. Наши же специалисты монтировали его и обучали работать на нем своих пакистанских коллег. Сегодня здесь уже все управление в руках местных ученых и врачей.

С медицинским центром меня знакомит его директор Малик Ахмед Сиддики. Лаборатория за лабораторией, кабинет за кабинетом... Кобальтовая пушка... Новейшая рентгенологическая техника... И на мудреных аппаратах и приборах фабричные марки: «Киев», «Рига»...

С Маликом Ахмедом Сиддики проходим по палатам клиники. Пациенты не избранные члены общества, а простые труженики. Немало очень тяжелых случаев, на некоторые опухоли нельзя смотреть без содрогания. Но вот мы проходим в небольшой кинозал, и Сиддики комментирует кадры на экране. Такие же опухоли, какие я только что видел в палатах, показаны до лечения и после него. Вернее, после лечения их просто-напросто нет. Эффект поразительный!

Важным вкладом в дальнейшее укрепление деловых и дружеских связей между нашими странами, в успешное движение Пакистана по новому пути стал недавний визит президента Бхутто в Советский Союз. Наша страна проводит в отношении Пакистана последовательную дружественную политику. В течение многих лет крепли и расширялись наши экономические и культурные связи с этой соседней страной. Еще в 1966 году я видел, как успешно работали в Пакистане наши геологи, помогавшие найти нефть и газ. Сегодня эти традиционные связи развиваются на новой, еще более прочной основе: недавно в Исламабаде было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Пакистаном. По этому соглашению Советский Союз окажет содействие в строительстве металлургического завода в Карачи, теплоэлектростанции в Гуду, линии электропередач, в расширении геологоразведочных работ. Уже этот простой перечень говорит о том, что содействие оказывается по самым существенным направлениям развития экономики. Вот почему пакистанская газета «Доон» приводит такие слова министра промышленности и природных ресурсов:

«Мы глубоко благодарны Советскому правительству за щедрую помощь в выполнении задач, которые были поставлены перед «Ойл энд гэс дивелопмент корпорейшн» (корпорация по добыче нефти и газа.— В. Н.). Принимая во внимание результаты деятельности этой компании, мы выражаем надежду и уверенность, что вложенные в нее средства и труд не пропадут даром и в будущем мы сможем обходиться без импортной нефти».

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Впервые я приехал в Пакистан в 1966 году, вскоре после исторической встречи руководителей Пакистана и Индии в Ташкенте. Много воды утекло с тех пор. Но ситуация в то время и сейчас в чем-то схожа: от политики конфронтации между Пакистаном и Индией дело идет ко все более стабильному миру. Путь мира и сотрудничества на Индостанском полуострове — единственно верный и приемлемый для всех трех его государств — Индии, Пакистана и Бангладеш.

Чуть более четверти века назад, в августе 1947 года, на карте мира появилось новое независимое государство — Пакистан. За эти двадцать пять лет путь его развития был сложным, подчас противоречивым. Были предприняты немалые усилия для развития экономики страны и ее культуры. В то же время в стране были сильны позиции внутренней реакции, местного и иностранного капитала. Ситуация в Пакистане осложнялась и тем, что там господствовала военная диктатура. Все это привело в 1971 году к глубокому политическому кризису. Военная диктатура пала. Впервые за много лет к власти пришло гражданское правительство во главе с президентом Зульфикаром Али Бхутто, лидером Пакистанской народной партии.

Сегодня Пакистан вступил в период реформ. Одна из них — начало национализации ряда предприятий. Она проводится в важнейших отраслях промышленности. Провозглашена земельная реформа.

Много нового предпринимается и в области внешней политики. В июле прошлого года премьер-министром Индии и президентом Пакистана было подписано важное соглашение. Обе стороны отказались от применения силы в решении любых спорных вопросов и высказали готовность урегулировать свои разногласия мирными средствами. Другим важным актом в сфере внешней политики стал разрыв Пакистана с агрессивным блоком СЕАТО. О позитивных устремлениях Пакистана свидетельствует признание ГДР, ДРВ, а также повышение уровня дипломатических отношений с КНДР.

Проведение новой политики внутри страны и за ее пределами наталкивается в Пакистане на сопротивление реакции. Осложняет обстановку все еще нелегкое положение широких трудящихся масс, жаждущих коренного улучшения условий жизни.

Когда сегодня приезжаешь в Пакистан, то сразу попадаешь в накаленную атмосферу политических дискуссий и массовых выступлений, не всегда заканчивающихся мирным исходом. Улицы и площади городов и селений, полосы журналов и газет наполнены гулом многотысячных толп и ораторскими призывами.

Характер массовых выступлений населения по самым разным поводам здесь невольно обращает на себя внимание. Прохожу по улице и вижу большой современный кинотеатр с внушительным названием «Тадж Махал». На следующий день случайно оказываюсь на том же самом месте и вижу обгоревшие развалины того же здания. Что случилось? Оказывается, накануне вечером не хватило билетов на очередной сеанс. Те, кто не попал на этот сеанс, ворвались в кинотеатр, учинили погром и, наконец, подожгли здание.

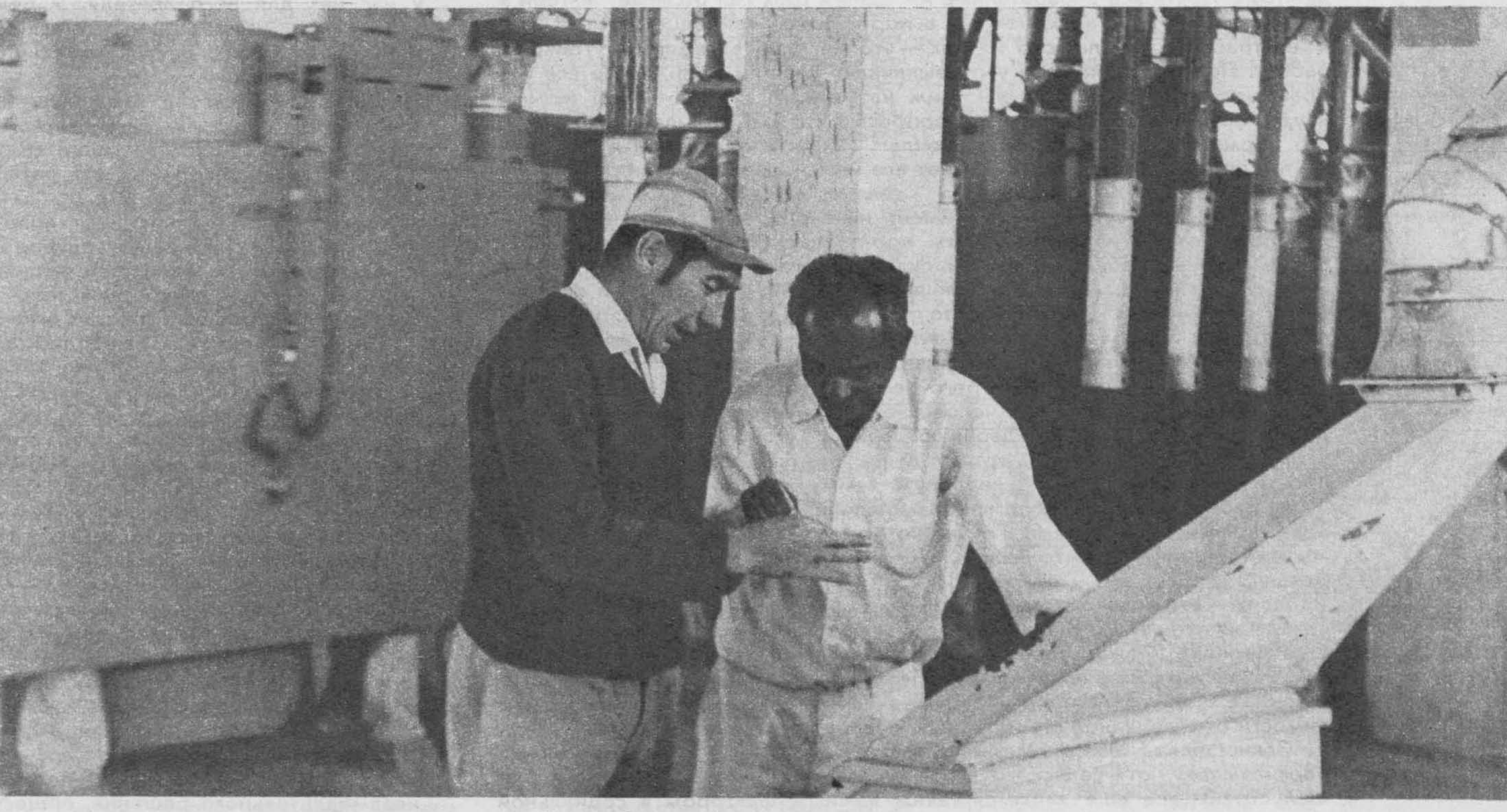
Частный случай, но за ним, как это здесь обычно и бывает, стоит не только буйный темперамент толпы. Говорят, билетов не было, потому что их, не без помощи администрации кинотеатра, скупили, а затем продавали из-под полы спекулянты. К тому же фильм на том сеансе шел на одном из местных языков, и у собравшихся на него была особая заинтересованность.

Другой пример. Недавно в Карачи были ожесточенные столкновения между теми, кто говорит на синдхи, и теми, кто говорит на языке урду. И снова, если разобраться, найдешь немало стоящих за этим конфликтом явлений, которые с первого взгляда не заметишь. Дело в том, что население Карачи состоит главным образом из двух групп. Одна говорит на синдхи, другая — на урду. Причем первая группа — это коренные жители, вторая — переселенцы из других районов. Реакционные элементы убеждали синдхов в том, что общая нелегкая ситуация объясняется наличием в городе большого количества «пришельцев». Тех же, кто говорит на урду, подстрекатели запугивали тем, что их собираются изгнать из города. Спровоцированы столкновения были в точно выбранное время, то есть тогда, когда было подписано соглашение в Симле, способствующее разрядке напряженности между Индией и Пакистаном. Реакцию же такая разрядка не устраивает. Этим вот и объясняются, казалось бы, нелепые на первый взгляд столкновения в Карачи, причем столкновения яростные.

О некоторых причинах такого накала человеческих и политических страстей пишет издающийся в Карачи еженедельник «Аутлук»:

«Волнения и конфликт в промышленности (речь идет о забастовке столичных рабочих.— В. Н.) в тех масштабах, которым мы стали свидетелями в Карачи, не были для нашей страны громом среди бела дня. Это неизбежный результат, очевидно, несправедливого порядка,

Воду здесь продают за деньги.— В парке в праздничный день.— Цирк одного актера.

Владимир Иващенко и Абдул Гани на мельнице.

бесконтрольно существующего слишком долго, и ожиданий, порожденных новым режимом, которому еще предстоит определить черты его собственной концепции социализма. Необходимы гигантские усилия, индивидуальные и коллективные, чтобы вытряхнуть больное общество из мерзкой колеи. Это легче сказать, чем сделать. Но процессы перемен уже идут. Режим с тех пор, как он пришел к власти, сделал достаточно много, чтобы улучшить положение городских рабочих. Многое из того, что сделано, сведено, однако, на нет ростом стоимости жизни и последствиями девальвации. Растущая безработица уменьшила размер семейного пирога».

ТРУДНЫЕ СУДЬБЫ

От стерильно чистого и космически дорогого отеля «Интерконтинентал» по широкому проспекту Клифтон-роуд можно на машине быстро добраться до морского пляжа, где тончайший и нежный, как шелк, песок и пьянящая морским ароматом водная гладь переносят тебя прямо-таки в райское блаженство. А неподалеку шумит и гудит огромный порт Карачи. В нем, в судьбах многих тысяч его тружеников, отражаются сложные хитросплетения больших и малых человеческих и политических проблем.

Здесь тысячи докеров. За сотни километров от порта живут в деревнях их жены, дети, родители. Они живут там в ожидании денег из Карачи. Поэтому уже сам факт получения работы так много значит для докеров.

Шах Гал — один из портовых тружеников. Десять лет назад, еще мальчишкой, он впервые увидел в своей деревне автомобиль. Вне себя от переполнявших его впечатлений парнишка прибежал в поле к отцу, и тот сказал, что, бог даст, он еще, может быть, увидит паровоз и пароход. Отец оказался прав. Сын увидел столько пароходов, что и не сосчитать. После внезапной смерти отца он ринулся в Карачи, на работу в порт, чтобы прокормить свою семью.

Когда ему исполнилось двадцать, он успел уже отработать в порту два года. Почти все заработанные им деньги Шах Гал отсылает матери в деревню. Сегодня таких, как он, в порту более тринадцати тысяч. Самое страшное для любого из них — это не быть вызванным утром на работу. Подрядчик каждое утро выкликает десятки имен, но не все собравшиеся вокруг него бывают им названы. И тут же перед такими неудачниками встают страшные вопросы: что же посылать домой, на что кормиться, чем платить за ночлег? И никто не уверен в том, что завтра подрядчик все же выкликнет его имя. Три рабочих дня в неделю считаются здесь удачей.

Впрочем, слово «удача» не имеет никакого отношения к судьбам докеров. За многие годы работы порта здесь сложились свои неписаные законы. Избыток рабочей силы и ограниченное число рабочих мест позволяют подрядчику наживаться за счет докеров. Он обычно берет взятку-аванс с докера за то, что гарантирует ему работу в течение долгого периода времени. Другой способ нажиться на докерах тоже чрезвычайно прост и эффективен. Подрядчик получает от заказчика задание, для выполнения которого необходимо нанять, скажем, двадцать докеров. На двадцать человек он и получает деньги, а нанимает десять, которые и делают двойную работу, а подрядчик кладет в свой карман зарплату десяти «мертвых душ». Наконец, работодатель может просто выплатить докеру неполную сумму, присвоив себе разницу.

А работа докеров нелегка! Изможденные, худые, жилистые тела едва прикрыты тряпицами. Грузы, которые они таскают, делают их похожими на цирковых трюкачей. Но грузы, увы, настоящие, многопудовые...

Порт — это только одна капля, в которой столь выпукло отражаются страдания трудового люда. Не легче живут родичи докеров, оставшиеся в деревне. Можно себе представить, в какой зависимости находятся там от местных богачей миллионы безземельных и малоземельных крестьян! И, с другой стороны, будущее самой страны находится в зависимости от того, какой станет теперь судьба крестьянства.

Пакистанская газета «Морнинг ньюс» так пишет об этой проблеме: «Зависимость от сельского хозяйства большинства населения нашей страны все еще является таким важным фактором в социальной структуре нашего общества, который всегда должен учитываться при анализе социальных проблем. Сельское хозяйство — это главная пружина пакистанской экономики, основа внешней и внутренней торговли, промышленности, финансов, благосостояния общества, его культуры, образа жизни и мыслей пакистанцев, их обычаев и традиций. Все это, без преувеличения, зависит главным образом от сельского хозяйства. Безземельные крестьяне, арендаторы и малоземельные крестьяне нуждаются сегодня в особом внимании. Совершенно очевидно, что процветание страны в целом неотделимо от благополучия **крестьянина** (подчеркнуто в газетном тексте.— **В. Н.**). Вот почему **крестьянин** должен быть первой целью всех планов развития страны».

Правительство страны пытается улучшить положение в сельских районах, где живет основная часть населения. В принятой недавно новой программе развития сельского хозяйства особое внимание обращено на увеличение производства продовольственных культур. Главная цель — уже к 1974 году отказаться от необходимости импортировать пшеницу. Правительство направляет значительные средства на строительство ирригационно-оросительных систем, предприятий по производству сельскохозяйственной техники и удобрений. Очень важно и то, что создается государственная корпорация по закупкам сельскохозяйственной продукции. Ее задача будет состоять в том, чтобы вытеснить из деревни перекупщиков и спекулянтов и помочь крестьянам в реализации их продукции.

И, наконец, по объявленной «коренной земельной реформе» земельная собственность ограничивается теперь 150 акрами орошаемой земли (вместо 500 раньше) и 300 неорошаемой (вместо 1000). Излишки земли должны изыматься и бесплатно распределяться между безземельными крестьянами. Отменена такая феодальная повинность, как отработка на полях богатеев или «домашняя служба».

Естественно, что земельная реформа вызывает сопротивление со стороны сельских богатеев, которых поддерживают реакционные политические силы. Борьба разворачивается. Исход ее — впереди.

Но не хлебом единым жив человек. А потому несколько слов и о хлебе духовном.

Выше я упомянул о разгроме столичного кинотеатра «Тадж Махал». Как это ни парадоксально, но пример этот говорит и о популярности искусства кино в Пакистане. Только горячая привязанность к белому экрану могла вызвать такую бурную вспышку ненависти, когда люди увидели несправедливость по отношению к ним как к зрителям.

Кино, пожалуй, здесь единственное широкодоступное зрелище, ибо другие достижения современной культуры (телевидение, радио, книги, театр) большинству населения не по карману. И тем более обидно и горько смотреть на то, что в Пакистане показывают на экране. С Запада сюда широким потоком идет детективно-ковбойская продукция, оглушающая и оглупляющая зрителя. Выстрелы, кровь и дешевая «красивая» любовь.

В стране выпускается немало и своих фильмов (в 1972 году их было около ста), но, видно, западные «образцы» настолько уже развратили вкус зрителя, что местным кинопромышленникам приходится подлаживаться под этот вкус, чтобы не прогореть. Недаром большая статья в столичном журнале «Геральд», посвященная 25-летию пакистанского кино, называлась так: «Когда мы покончим со «счастливым концом»?». Один из видных деятелей пакистанского кино, Кардар, так цитируется в этой статье: «Я бы отдал все за фильм, в котором главное — идея. Именно реалистических тем катастрофически недостает нашим фильмам. Назовите хотя бы один фильм, который был бы посвящен движению за независимость. Наше кино — коммерческое предприятие. Мы производим фальшивую романтику. И мы не можем иначе. У нас нет традиции серьезного кино. В Индии, например, есть группа киноработников, которые зарабатывают себе на хлеб с маслом, производя реалистические фильмы, потому что у них есть своя аудитория. Здесь же режиссер не рискнет на постановку серьезного фильма, потому что у нас нет для него зрителя. У режиссера должно быть две задачи: воспитывать и развлекать. И если серьезное кино появится в Пакистане, то только в результате общих усилий, в том числе и на правительственном уровне».

Даже такой сугубо национальный элемент пакистанского кино, как танцы, и тот предстает на экране в искаженном виде. В нем есть что-то и от твиста, и от шейка, и еще неизвестно от чего. Видный хореограф Кумар, ставивший танцы в ста пятидесяти пакистанских фильмах, говорит: «Это танец-гибрид. И я сам виновен в этом. Но я ничего не могу поделать. Режиссер подчинен воле распространителя фильма, а значит, обязан максимально эксплуатировать секс».

Кинодурман не единственный «подарок» западной цивилизации Пакистану. Но этот конкретный пример, раскрытый устами самих пакистанцев, красноречиво говорит о качестве такого рода «подарков».

Передовые деятели пакистанского кино недаром так страстно желают того, чтобы кино помогало воспитывать массы. Говоря о проводимых правительством реформах, газета «Морнинг ньюс» пишет, что их никогда не претворить в жизнь «без тесного взаимодействия с массами, без концентрации личных усилий миллионов людей». При этом газета справедливо пишет о необходимости колоссальной воспитательной работы в массах, которые, «живя веками в нищете и невежестве, свыклись с таким своим положением, и любая идея о каких-то переменах кажется им неосуществимой. Устоявшийся образ жизни, привычки и образ мышления, традиции, консерватизм — все это не способствует их политической активности. И эта проблема серьезнее и опаснее, чем все другие, стоящие перед страной. Ее решение — обязательное и предварительное условие при проведении в жизнь всех намечаемых сегодня перемен».

И газета восклицает, набирая нижеследующее жирным шрифтом: «Надо что-то сделать, чтобы преодолеть предрассудки людей, чтобы зажечь в них страстное желание идти вперед».

Проблемы, проблемы... И все важные. Их перед Пакистаном, страной нелегкой судьбы, действительно немало. Среди задач, требующих незамедлительного решения, общественность и пресса называют проблему перенаселенности. Вопрос сложный, особенно для стороннего наблюдателя. Поэтому предоставим еще раз слово пакистанской печати:

«Для такой перенаселенной страны, как Пакистан, дополнительные миллионы душ к уже имеющимся полуголодным людям, полураздетым и зачастую без крыши над головой, всегда будут серьезным препятствием на пути к повышению общего уровня жизни. Население уже достигло такой численности, какое не может быть обеспечено естественными ресурсами страны. Пропасть между этими ресурсами и требуемым производством продуктов ужасающе расширяется с каждым годом. Если даже все планы развития на ближайшие пятнадцать лет будут успешно выполнены, то прирост продукции будет сведен на нет приростом населения».

Кстати, решение и этой проблемы невозможно без обращения к сознанию масс, которое при этом, разумеется, должно быть поднято на более высокий уровень. Вот в чем вопрос вопросов.

...Республика переживает нелегкие дни. Страна на трудном марше. Симпатии советских людей на стороне трудового пакистанского народа. «...Для развития добрых отношений между нашими странами есть необходимые предпосылки»,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на XV съезде профсоюзов СССР.

В мае этого года исполнилось 25 лет со дня установления дипломатических отношений между Пакистаном и Советским Союзом. Наша страна всегда стремилась строить советско-пакистанские межгосударственные связи на основе дружбы, полного равенства и взаимной выгоды. Этот принцип с новой силой подтверждается и сегодня. Таково главное впечатление от встречи с Пакистаном в 1973 году.

МЫ СТРОИМ КАМАЗ!

Начало см. на 6 стр.

отрывки из дневника Рашида. Последняя запись сделана накануне открытия XXIV съезда КПСС, 21 марта.

И вот снова весна, четвертая весна стройки. Несутся, как и два года назад, взламывая на Каме лед, вешние воды. Плывут под сияющей лазурью легкие облака, вот-вот зацепятся за макушки белокаменных башен. Два года назад этих башен еще не было. На проспекте Джалиля, современный профиль которого можно было тогда только угадывать по макетам, в гордом одиночестве маячило над деревянными домишками, прижатыми к земле, всего лишь одно-единственное многоэтажное здание. Сегодня по шестирядной глади асфальта мимо панельных и кирпичных громад струится нескончаемый поток машин, и совсем как в давным-давно обжитом большом городе, толпятся на автобусных остановках люди.

Мне нужна двойка, та самая, которая ходила на поселок Зяб. В этом поселке в старом двухэтажном бараке уже много лет жил со своей семьей Рашид Якупов. Жил, ожидая квартиру в новом благоустроенном доме. Там ли он, снова ли уступил свою очередь какому-нибудь приезжему человеку, которому, как он считает, жилье нужней, или переехал?

Поселок Зяб расширился, разросся пятиэтажными домами, и двадцать седьмой квартал деревянных построек выглядит в нем временной приживалкой. Прямо в бараки врезались трамвайные пути. Звоню в квартиру номер восемь. Никто не отзывается. Наконец дверь открывает заспанный человек, с ночной, видимо, пришел: «Рашид? Они переехали на проспект Джалиля. Рядом с уфимским домом живут»...

Увидела я Рашида на лестничной площадке, стоял, курил. «Салям! — обрадовался он.— К нам? Эйде, эйде!» — услыхала я знакомое. И вот уже мы ходим с ним по комнатам. Он за хозяйку, Фания, жена, на работе, дочки в школе. Рашид доволен новой квартирой. Комнаты изолированные. Большой балкон, прихожая, светлая кухня. А самое главное: «Угля не надо, дров не надо, печки не надо! Горячая вода есть, ванна есть! Электрическая плита есть. Яхшы! Очень хорошо!» Замечаю новое в новой квартире: большой холодильник, радиола (телевизор и раньше был), традиционные для любого татарского дома ковры. Один во всю стену над диваном, другой—во всю комнату на полу, ворсистый, очень красивый, темно-красный. Но что это за пятно посередине? Рашид хмурится, смотрит наверх. А наверху в полпотолка лиловый подтек.

— Сколько раз ходил в жэк, не ремонтируют,— расстроился Рашид.— Писать в городскую газету буду. Выясню, кто этот дом так строил.

Новоселье Якупова — одно из многих тысяч, свершившихся в прошлом году. Растут старые Набережные Челны, растет и новый район города — автоград...

Совсем, кажется, недавно, в свой первый приезд на Каму, я видела, как забивали первые сваи в безбрежной степи, там ходили геодезисты с теодолитами и нивелирами. На перекрестке дорог стояла решетка с многозначительными метровыми буквами: «Здесь будет город»... Это место показывали гостям, сюда ездили репортеры, фотографировали сквозь буквы на решетке рыжую степь и вежливо улыбались: когда он, мол, будет еще, этот город?..

И вот сегодняшняя явь... Если отправиться ранним утром по главной рабочей дороге на будущий завод, в туманной розовеющей дали непременно увидится справа белокипенное сияние. Оно возникнет неожиданно, как мираж в знойном степном мареве. Чем ближе, тем явственнее предстают громады кварталов. Город уже есть! В отличие от старой, юго-западной части Набережных Челнов,— а она тоже, как я уже писала, бурно развивается — его называют Новым. И поэты в «Орфее», литературном объединении, посвящают ему свои стихи.

Сорок восемь зданий улыбаются солнцу, они уже приняли пятьдесят тысяч новоселов. Комсомольцы КамАЗа заложили в Новом парк и построили в нерабочее время кинотеатр с романтическим названием «Гренада». Подумать только, и все это за два года! Новый возник всего за два года! Однако спрос на жилье еще намного опережает высокие темпы строительства. С тех пор, как заработали станки в корпусе вспомогательных цехов Ремонтно-инструментального завода — РИЗа,—с него-то и начинается настоящий КамАЗ,— камазовцы предъявляют все больший счет строителям. Он как аванс на будущее: до сих пор главной профессией Набережных Челнов была строительная, в дальнейшем городу суждено переквалифицироваться. Уже сегодня на автозавод приняты тысячи сборщиков, наладчиков автоматических линий, станочников, инженеров и техников. Им надо устраиваться тут не под временной крышей, а основательно, навсегда.

Но вернемся к Рашиду Якупову, к страницам из его жизни. Пусть снова, подобно путеводителю, сопровождают они нас на стройке. Итак, долгожданное новоселье — одно из многих тысяч семейных новоселий прошлого года — состоялось. Якуповы переехали в новый дом 18 февраля 1972 года. Какие же еще произошли события в тот год?

30 ЯНВАРЯ. Вчера на стройке бригада монтажников Злобина, не московского, а нашего, челнинского Юрия Злобина, положила на крышу главного корпуса автозавода первый блок. В этом корпусе будут собираться КамАЗы. Мороз стоял крепкий, под тридцать, однако не помешал. Митинг был. По радио передавали. А на литейном, где мы котлован делали, я все колонны считаю. Сбился со счета, запутался, как в лесу. Много поставлено колонн. Глаза не верят: неужели мы тут ковырялись? Теперь и не видно наших следов, все засыпано, застроено. Мы с Толей Стрелковым ворочаем землю на кузнечном.

Земля — бетон — металл... Таковы главные этапы строительной технологии. Фронт работ двигается от корпуса к корпусу, от завода к заводу. Но неизменно открывали его скреперисты, экскаваторщики, бульдозеристы. Подобно саперам, они окапывались в земле, подготавливая фортификации перед генеральным наступлением. Так было всегда и везде, на строительстве всех больших и малых заводов. Так, как начинал строиться, например, еще совсем недавно Волжский автомобильный. Землеройные машины снимали слой грунта толщиной в несколько метров. В образовавшихся гигантских «кратерах» бетонщики устанавливали монолиты фундаментов. Затем котлован засыпали. И только после этого ставили колонны и начинался монтаж каркаса.

В Набережных Челнах инженеры сломали классический способ ведения работ — осмелились отказаться от сооружения котлованов и поставить заводские корпуса на буронабивных сваях. Были, конечно, противники. И была, конечно, борьба, которую выиграл «Камгэсэнергострой». И вот итоги: можно избежать перевороченных кубометров земли, исчисляемых астрономическими, восьмизначными цифрами. Только по двум заводам — двигательному и автосборочному — экономический эффект составит миллионы рублей. И, конечно, будет огромный выигрыш во времени! Самый главный, ни с чем не сравнимый выигрыш для стройки! Время тут в буквальном смысле слова — бешеные деньги. В сутки осваивается на строительно-монтажных работах свыше миллиона рублей. Не было в мире еще стройки, равной по масштабам Камской.

Земля — бетон — металл... Первые два года строители сидели в земле. Осуществлялся нулевой цикл работ. На третьем году властвовал бетон. Бетон и каркас. Корпуса стремительно взметнулись в небо. Четвертый, 1973 год,— монтажный. Главные заводы комплекса должны в этом году одеться панелями, то есть быть готовыми принять тепло и приступить к монтажу оборудования. Все зависит от монтажников. И монтажники доказали, на что они способны. Установку металлоконструкций они уже доводили до пятнадцати тысяч тонн в месяц — чуть ли не вдвое больше, чем в месяцы «пик» на автозаводе в Тольятти. Но кто может поручиться, что это было их последнее слово?

3 МАРТА. Встретил Виктора Герасименко. Он тоже экскаваторщик, работает в нашем управлении. Виктор — знатный человек, Герой Социалистического Труда; звездочку получил на Севере, электростанции там строил, и эту самую, знаменитую, которая на морских приливах работает. К нам вообще с очень многих строек лучшие люди прибыли. Виктор рассказывал вчера про первый слет бригадиров, на котором был в «Чулпане», — так кинотеатр наш называется. Говорит, завидно было слушать монтажников. Вот у них размах! Работа ладится. А у нас? Стоим, ждем, пока КРАЗы пожалуют. Мы сами по себе, а шоферы сами по себе. Случится поломка на экскаваторе, стоят, ждут. Нет, чтобы подойти к другому экскаватору. Я согласен с Виктором, кишмиш получается. Виктор говорит, что, если положение не изменится, пойдет работать на кран. Краны он хорошо знает...

Что-то, видимо, не ладилось у Якупова и Герасименко на работе. Посмотрим другие записи по этому поводу. Они расскажут о том, как будут развиваться события дальше.

6 АПРЕЛЯ. Старшая дочка достала из ящика «Советскую Татарию». Она вроде политинформатора дома. «Эпием (папа.— Г. К.).— спрашивает Фануза,— ты Магнитку строил?» Ну и дети пошли, родители им всегда кажутся стариками. Меня и на свете тогда еще не было. Что там, однако, про Магнитку? Читаю: «Мы, ветераны труда, металлурги и строители Магнитки, пристально следим за ходом строительства камского гиганта. Магнитка показала в свое вре-

мя невиданные темпы строительства. Теперь слово за КамАЗом...» Яхшы! Спасибо Магнитке за металл! Добрый она шлет металл. А мы уж, со своей стороны, постараемся...

Четыре года назад, будучи в Тольятти, я видела, как на кромке главного корпуса автозавода пламенеет: «Магнитку отцы строили, а мы—автозавод!» Эти слова окрыляли, звали на подвиг. Сегодня на стройке нового гиганта советской промышленности читаешь: «ВАЗ есть, КамАЗу — быть!» А вот и прямая связь отцов и сыновей: к молодежи обратились с письмом герои первых пятилеток и зачинатели стахановского движения: Стаханов, Кривонос, Бусыгин, Виноградова, Гудов. Не случайно здесь и ныне трудится прославленный ветеран строительного дела, дважды Герой Социалистического Труда Алексей Александрович Улесов. Страна узнала это имя в дни штурма Волго-Дона, потом Улесов строил Куйбышевскую ГЭС и плотину в Асуане. Вернулся и стал обучать искусству сварки монтажников ВАЗа. А сейчас наставник строителей КамАЗа. Не в этой ли зримой преемственности поколений ключ наших успехов!

6 МАЯ. В Новом Зае, километрах в пятидесяти от нас, начались работы на площадке колесного завода. Первыми пошли скреперисты Наурбиева. Этот завод — спутник КамАЗа. Еще один спутник по соседству в Нижнекамске строится, там будут делать обувку тягачей — шины.

20 ИЮНЯ. Жара! В кабине экскаватора, как в духовке. А выйдешь — туча рыжей пыли. И на стройке горячее времечко, особенно на РИЗе, пусковом объекте. По крыше носятся девчонки на мотороллерах, развозят битум и рубероид.

30 АВГУСТА. Сегодня выходной. Вышел на балкон, улицу не узнал. Цветы плывут. И я заторопился. Надел свой новый костюм, пошел с дочками в школу. У дочек в руках тоже цветы. Как же, сегодня в нашем районе, в десятом комплексе, новая школа открывается. Красивая, окна, как зеркала. Говорят, другой такой большой школы в Набережных Челнах нет. Теперь дочкам не придется ездить на Зяб — прошлый год они еще там учились...

В Большой Советской Энциклопедии про Набережные Челны сказано: «Имеются три средние, две семилетние и одна начальная школа, училище сельского хозяйства». Так было еще сравнительно недавно. Сегодня здесь четырнадцать общеобразовательных школ, техникум, два училища, филиал вуза. Только в прошлом году вступили в строй четыре новых школы и четыре детсада. Как будто немало. А на самом деле еще далеко до удовлетворения потребностей малолетнего населения. Средний возраст жителя Набережных Челнов — двадцать три года, самый подходящий для создания семьи. И двери загса на проспекте Мусы Джалиля не закрываются: идут пара за парой. Только в прошлом году появилось на свет три тысячи новых челнинцев. Много же для них надо приготовить яслей, детских садов и школ!

ДЕКАБРЬ. В этом месяце очень много было событий — конец года. «Сдали первую очередь КВЦ ремонтно-инструментального завода. Монтажники жмут на все педали». «От Зяба до площади перед горкомом партии прошел первый трамвай. Прошел и стал. Говорят, плохой вагон». «Салям, литейка! Я снова перебрался к тебе из кузнечного. Тебя теперь не узнать. Заводом оборачиваешься: один корпус, другой, третий, четвертый. Я на литейном буду канал строить. По нему отведут речку Шильну, чтобы она не мешала, а то больно весной разливается. Шесть миллионов кубов, слышал я, вынуть надо». «Недалеко от нашего дома открывается под Новый год большой продовольственный магазин. Хороший подарок! А напротив, говорят, столовая будет, кафе и ресторан. Отдельный дом для них строится. Яхшы! У Фании забот убавится, реже на кухне придется бывать».

15 ФЕВРАЛЯ 1973 ГОДА. Черный у меня день. Ушел на кран Толя Стрелков, мой сменщик. Два года с ним работали, в партию его рекомендовал. Жили душа в душу, «Уральца» друг другу с рук на руки передавали. Кто теперь будет? Помощник у меня тоже новый — Остапенко Валерий. Из Ростова-на-Дону приехал. До него были у меня Николай Назимкин и Раян Галлиулин. Начинали помощниками, вывел в машинисты. А они взяли и рассчитались. Почему? Женились тут, а жить негде. Очередь в управлении механизации длинная. Теперь квартиры дают чаще камазовцам, чем нам, строителям.

4 МАРТА. Ну и рад же я! В нашем полку прибыло. Теперь мой сменщик — Виктор Герасименко. Работа пойдет живей. Он напористый, принципиальный, выступал у нас на собрании, говорил с Камышниковым, начальником СМУ, критиковал. Все у нас упирается в организацию труда. Можно устроить так, чтобы не стояли ни экскаваторы, ни самосвалы. Виктор поделился со мной своим замыслом. Он считает, что надо создать комплексную бригаду из шоферов и экскаваторщиков и взять план на целый месяц вперед. Геодезист придет в конце месяца, замерит объем работ, и все будет ясно. И учетчицы нам не понадобятся. Бригадиром надо избрать шофера, чтобы он был заинтересован не только в рейсах, но и в кубометрах земли. Ай, верно говорит Герой Социалистического Труда! Светлая у Виктора голова! Даешь комплексную!

Бригада, бригадиры... Какова их роль, каков их удельный вес на стройке?

Раис Киямович Беляев, первый секретарь горкома партии в Набережных Челнах, в беседе со мной рассказал:

— Бригада — первичное и главное звено на стройке. Наша опора. Бригада делает план. Она неоднократно доказала, что ничего нет невозможного для человека, все преодолеет человек. Успех же всякой бригады прежде всего зависит от бригадира, от его организаторских способностей, умения работать с людьми и сплотить их в боеспособный коллектив, отвечающий за порученное дело. Вот почему бригадир у нас поднят на очень высокую ступень. Он главная фигура на стройке, он задает и тон и темп. Вот такой факт. Год примерно тому назад на литейном заводе обнаружилось резкое отставание по бетонированию фундамента. Руководство «Металлургстроя» собрало бригадиров. (Позже такие встречи обрели организационную форму. У нас работают теперь советы бригадиров в управлениях и трестах.) Стали думать, что предпринять, и решили организовать комплексные бригады, которые бы включали и плотников-бетонщиков и сварщиков-монтажников. Результаты сказались в первый же месяц: программа была выполнена.

С тех пор у нас стал крылатым лозунг «Бригадиры — вперед!». И он срабатывает в самых «узких местах», в самой трудной обстановке. Огромным авторитетом пользуются у нас такие бригадиры, как Герой Социалистического Труда Алексей Новолодский. Он, кстати, руководитель одной из лучших комплексных бригад, тех самых, которые были созданы на литейном заводе. Он опытный бригадир — за его плечами Иркутская и Вилюйская ГЭС. Ничего не умеющим парнишкой приехал к нам Виктор Шатунов. Теперь он признанный вожак бригады и специалист по устройству коммуникаций. Стал коммунистом. Вазых Мавликов жил в Казани. Все у него было там, оставил столицу республики, строит здесь дома. Виктор Филимонов... Недавно мы принимали здание своего первого вуза — филиала Казанского строительного института. Мне поручили разрезать традиционную ленточку, но я передал ножницы Филимонову: «Вы строили, Виктор, вы и разрезайте!» Кстати, Филимонов и сам студент этого же института... Очень долго пришлось бы мне называть командиров главного звена, если бы понадобилось перечислить только лучших: на стройке более полутора тысяч бригад.

18 МАРТА. В прошлый раз в «Огоньке» про меня написали: «Я строю КамАЗ». Задумался я тогда. Почему это «я»? Не могу согласиться. А Виктор Герасименко разве не строит? А Валера, мой помощник? А Миша Носков? А Новолодский?.. Нас много — тысячи. На последнем собрании актива городской партийной организации была названа такая цифра: 80 тысяч. Не каждый по отдельности, а мы все вместе строим КамАЗ! Так и скажу корреспонденту, когда снова к нам приедет.

Правильную поправку внес Рашид! Хочу развить его мысль. Не только тысячи строителей крупнейшего в Советском Союзе производственного объединения «Камгэсэнергостроя» —так сейчас называется оно после реорганизации— строят КамАЗ! На автогигант работают сотни, тысячи заводов десятков городов многих стран мира. Значительное количество оборудования поступит из стран СЭВа, из ГДР — для прессоворамного завода, из Чехословакии — для кузнечного; из Болгарии — погрузчики и электрокары. Известнейшие фирмы капиталистических государств изъявляли желание разработать проекты и изготовить оборудование для заводов комплекса. Французская «Рено» и американская «Свиндел Дрейслерр» выполняют проекты по технологической части, а также поставляют оборудование по заводам двигателей и литейному. Итальянская фирма «Пианелли Траверса» поставит подвесные толкающие конвейеры. Огромное количество автоматических линий, агрегатов, автоматов и станков отечественного производства.

Каждый день прибывают в Набережные Челны тяжелые контейнеры. Для приемки оборудования на Каме сооружается мощный современный причал. Тут будут установлены уникальные портальные краны, способные принимать груз весом в 320 тонн. Тяжелые КРАЗы, МАЗы на специальных трайлерах доставят его на заводы.

Примечательно, что первый станок, смонтированный в первом цехе ремонтно-инструментального завода КамАЗа, прибыл из Москвы. Любовно, собрали его рабочие «Красного пролетария». Вскоре после того, как он был смонтирован, в ряд к московскому «1К-62» выстроились станки Горького и Воронежа, Гомеля и Новосибирска. Они уже работают на КамАЗе.

До рождения первого автомобиля новой марки осталось меньше двух лет!

В первом магазине нового города.

Первый секретарь горкома партии в Набережных Челнах Р. К. Беляев на стройке.

Корпус вспомогательных цехов ремонтно-инструментального завода вступает в строй.

Геннадий **СЕРЕБРЯКОВ**

ПЕРВОПРОХ

ДУМА

Памяти Феликса Овчаренко.

1

Я вновь грущу по северным лесам,
Пронизанным спокойным
белым солнцем,
По долговязым корабельным соснам
И птичьим осторожным голосам.
Там все неброско.
Все в полутонах,
Исполненное тайного значенья...
В то лето, не припомню, и зачем я
Туда уплыл на медленных
плотах.
Наверное, за синей тишиной,
Настоянной на травах
и былинах,
За горьковатым запахом калины,
За брошенной плашмя в реку
луной.
Умеющая воду засветить,
Она качалась близко,
Выгнув спину,
И даже можно было,
Бросив спиннинг,
Ее крючком случайно зацепить.
Сквозь северные русские леса,
Сквозь дни и ночи
плыл неторопливо
И был в то лето я таким счастливым,
В который раз поверив в чудеса.
Влекло плоты по медленной волне
За старым шепелявым
пароходцем.
Я чувствовал, как страсть
первопроходца
В дороге просыпается во мне.
Вокруг ни человека,
ни жилья.
И лишь от бревен веет свежим срубом.
Хотелось мне
на острогрудом струге
Вот так же плыть в далекие края.
Потом причалить, где подскажет взор.
На холм подняться,
захлебнувшись высью,
С размаху бросить наземь
шапку рысью
И неторопко взяться за топор.
И, прочно землю чувствуя ногой,
Работать так, чтоб пот катился
градом.
И в основанье будущего града
Вбить первый кол,
смолистый и тугой.
И вдруг топор тяжелый уронить,
Себя потешить роздыхом
немножко,
Упасть в траву
и спелою морошкой

Поэма печатается в сокращении.

Запекшиеся губы кровянить...
И снова плыть на зов
упрямой страсти
Сквозь дождь и снег,
Сквозь бурю и туман.
Из всех богатств иметь один кафтан,
Подбитый беспокойным ветром странствий.
А впрочем, нет.
Еще иметь леса,
Моря и реки — целый мир
огромный.
Покрытый небом, как изба — соломой.
Им до краев заполнены глаза.

2

Первопроходцы,
Как канатоходцы,—
Они всегда у бездны
на краю.
Идут вперед без компасов,
без лоций,
Надеясь лишь на выдержку свою.
Есть право первых —
Взять себе на плечи
Всю тяжесть неизведанных путей.
Ну разве выбрать мог
судьбу полегче
Огонь
пронесший первым
Прометей?
А тот мужик,
И дерзко и крамольно
Раскинувший над Русью
два крыла?
Ведь ведал он,
бросаясь с колокольни,
Что проклянут его
Колокола,
Что сумрачно и зло нахмурят брови
На светлом государевом дворе,
А крылья, перепачканные
кровью,
Сожгут в острастку смердам
На костре...
А для чего сквозь снежные заносы,
Сквозь белую дорожную тоску
Идет помор Михайло Ломоносов
С обозом рыбным
в стольную Москву?
Ловил бы семгу, бил в заливе нерпу,
Спокойно б жил в родительском дому...
Или не знает, сколько сил
и нервов
Потребуется вскорости ему?
Идет помор. А мысли,
как колодцы,—
Прозрачны, и свежи, и глубоки.
Идет помор. И дух первопроходца
В нем медленно
сжимает кулаки.
Идет помор. Ему нельзя
быть слабым.
Он супротив шумахеров — один...
Идет к своей крутой и тяжкой славе
Отечества великий гражданин.

3

Гражданственность
Не терпит суеты,
Как самое высокое
искусство.
Гражданственность,
Она шестое чувство,
Ее слова
Весомы и скупы.
Гражданственность,
Она скорее боль,
Она остра,
Как резкий свет прозренья.
Она на смертный
Поднимает бой
И ложь клеймит
Позором и презреньем.
Ничто ее не может
Побороть,
Она велит
Всегда жить с веком вровень.
Гражданственность,
Она живая плоть,
А если уж точнее —
Свойство крови.
Гражданственность
Влечет неумолимо
Быть впереди,
На главном рубеже.
Гражданственность
Вовек неотделима
От Родины,
Что навсегда в душе.
Гражданственность,
Она призыв бороться,
Гражданственность,
Она тяжелый труд...
Гражданственность,
Твои первопроходцы
Сквозь времена
В грядущее идут.

4

Не вещее смиренное писанье —
Гражданственность, не вера в чудеса
Тому причина, что Иван Сусанин
Завел поляков в черные леса.

Когда Наполеон, ведомый чванством,
К Москве спешил под трубный зов полков,
То налетел на острия гражданства —
На вскинутые вилы мужиков.

Презрев чины, и славу, и богатство,
Не убоявшись орудийных дул,
Гражданский дух на площади Сенатской
На власть царя открыто посягнул.

Гражданственность — служение народу.
Ее, как знамя, Пушкин поднимал.
В свой век жестокий
славил он свободу
И милость к падшим призывал.

Летели бомбы в сильных
государства.
На месте зла опять вздымалось зло...
Неутоленной жаждою гражданства
Народовольцам губы обожгло.

Гражданственность в крови у поколений,
Крепка, нерасторжима связь времен...
И гением борьбы за счастье
Ленин
Во славу революции рожден.

5

Последние листья
Уже отпылали над садом.
Зима в наступление гонит белесую мглу.
Вновь вижу я:
Озимь
Зеленым пехотным десантом

ОДЫ

Одна остается
Во вражеском зябком тылу.
Ей круто придется.
Нашествие будет суровым.
И тускло сверкнет
На реке ледяная броня.
Как будто бы доты,
Вокруг взгромоздятся сугробы.
И, словно до звезд,
Далеко до победного дня!..
Под хохот пурги
Даже некому думы поведать.
Порыв свой зеленый
Нетрудно в снегах схоронить.
А надо, а надо
В грядущую битву поверить.
А надо, а надо
Себя для нее сохранить!
Но время придет —
И капели ударятся оземь,
И солнце взлетит
Полковою горящей трубой.
И первой в атаку
Упрямо поднимется озимь
И робкие травы
Она поведет за собой.
Не сдержишь ее,
Даже если навстречу,
Сходя от бессилья и злобы с ума,
Ударит
Летучею белой картечью
С последних своих бастионов
Зима.
Зеленое пламя
Сквозь снежную накипь прорвется...
И вздрогнут леса,
Отряхая свое забытье...
Учились терпенью
У озими первопроходцы,
Стремленью высокому
И солнечной вере ее.
И так же когда-то,
В студеную пору царизма,
Взметнулся упрямо
Весенний порывистый свет:
В рабочем Иванове
Символом будущей жизни
Впервые в России
Родился Совет.

6

Урядник на лошади.
В оскале рот.
На площади, на площади
Сидит народ[1].

Мужики и бабы —
За рядом ряд.
Сутулятся плечи.
Глаза горят.
Сидят — и ни слова —
На мостовой булыжной.
Урядник опасается
Подъехать поближе.
От этого молчания
Мурашки по коже.
Уж больно сидение
На бунт похоже.
Зябко и шпику —
Жмется в подворотню,
Шипит:— Астраханцев
Сюда бы сотню...
Плетьми да шашками
Всех бы сечь!..

[1] Волнения в Иваново-Вознесенске начались с сидячей забастовки ткачей.

Булыжник на площади
Тяжел и сер.
Пойдет и для казаков,
Для городской управы...
Сидят ткачи на площади
Хмуро и право.
Сидят ткачи на площади,
Каждый не прост...
Они еще поднимутся
В полный рост!
А земское собранье
На площадь глядит,
Ульем растревоженным
Оно гудит.
Фабрикант набычился,
Смотрит исподлобья:
В земском собрании —
Низшее сословье!
Лавочник мордастый
Лют, как опричник:
В земском собрании —
Люд фабричный!
Голова кру́гом,
Как же так?..
Поп волосатый
Вздернул кулак,
От злости затрясся,
Пыхтит, как паровик,
Выпрыгнуть из рясы
Норовит:
— Господи, помилуй...
Иже еси...
Что же это деется на Руси?
Этого не слыхивал
Белый свет.
Жили не тужили,
И вдруг — Совет...
Слово-то придумали:
Де-
пу-
тат!..
Всех вас, окаянных,
В ад, в ад!..
А над этой сворой
Четко по порядку
Выборный рубит
Правду-матку.
Про штрафы и поборы,
Про тяжкий гнет...
Пахнет порохом.
Пятый год.

7

Неужели когда-нибудь
Эта связь
В моем сердце прервется?..
Я в родстве изначальном
С российскою всей голытьбой.
Из нее выходили
Смутьяны и первопроходцы,
Что родимую землю
Упрямо влекли за собой,
На плечах подымали
К неведомым миру высотам,
Оступались и падали,
Умирали в горючей пыли,
Чтоб другие,
Вспоенные
Горьким березовым соком,
Путь в грядущее
Дальше
и дальше вели...
Шли они напролом
Сквозь годов дымовую завесу,
К неразгаданным тайнам
Подбирали на ощупь ключи.
Били их батогами,
Клеймили каленым железом,
Их петлею душили
В глухой казематной ночи.
Сквозь невзгоды крутые,
Сквозь ветер
Ревущий и лютый
Проходили,
Верша вихревые дела,
И сжигал им сердца
Краснокрылый огонь революций,
Расступались пред ними
Невежество,
злоба
и мгла.
Никогда, никогда
Легче доли себе не просили,
Никогда, никогда
За чужой не скрывались спиной.
Жили думой одной:
Лишь бы лиха не знала Россия,
Лишь бы горькое горе
Обходило ее стороной.
За нее по тревоге
Легко себя в седла бросали.
И врагов ее кровных
Наотмашь рубили сплеча.
За нее без приказа
По совести
Головы клали
Под призывным и ярым,
Летящим крылом кумача.
Наши сверстники шли
За высокую правду бороться.
И сердца их стучали
Суровому времени в лад.
И Гастелло и Зоя —
Из племени первопроходцев —
И в бессмертье шагнувший
Неизвестный солдат...
...Ясно помню тот день,
Он на счастье
Был людям подарен.
Как сияли глаза,
Как лучисто улыбки цвели!
Первой в космос
Отчизну
Стремительно вывел Гагарин.
Сын Отечества нашего —
Звездный посланец Земли!

8

Младенец народился...
Ишь ты!
Успел лишь воздуху вдохнуть
И тут же требует и ищет
Еще неведомую грудь.
Она наполнена,
как чаша,
Она округла,
как Земля...
Ребенок входит в мир
кипящий,
Уже губами шевеля.
И вот его ласкают руки,
Качают бережно, слегка.
И жизнь...
Жизнь держится на струйке,
На теплой струйке молока.
И этот миг пребудет
вещим!
И ты сквозь время погляди:
Не зря обожествляли женщин
С детьми, прижатыми к груди.
Изображали их, скорбящих,
На стенах храмов и церквей.
Но святость
матерей кормящих
Любой религии святей...
Ведь так заведено извечно:
Когда ворвется в дом
беда,
То падает она на женщин
Двойною тяжестью всегда.
Война — а на руках ребенок...
Ну разве было им легко?
От голодух и похоронок
Перегорало молоко.
А дети малые орали,
Худые груди теребя,
И вместе с молоком
вбирали
И горечь терпкую в себя...
Вот так нас матери растили,
Коварным недругам назло,
Чтоб чувство Родины,
России
В нас жило
горько и светло...

9

Взревело пламя, разгораясь,
Огромный вскинулся костер.
И разом вздрогнул,
расступаясь,
Ракетой вспоротый простор.
И нелегко осмыслить это,
Понять, какой вдруг взят разбег...
Впервые
за порог планеты

Шагнуть решился человек!
Еще гудит Земля. И гарью
От космодромных веет плит...
Над континентами Гагарин
Эпохой новою летит.
В нем дерзкий тот порыв — бороться
За торжество и честь страны.
Дороги всех первопроходцев
С его орбитой сплетены.
В нем все: и жажда
дальних странствий
И ум, пронзающий века.
В нем вечный
ярый дух гражданства
И мужество большевика.
Все это он в себе итожит,
Все это в сердце у него.
Смерть эту связь прервать не сможет
И не изменит ничего...

10

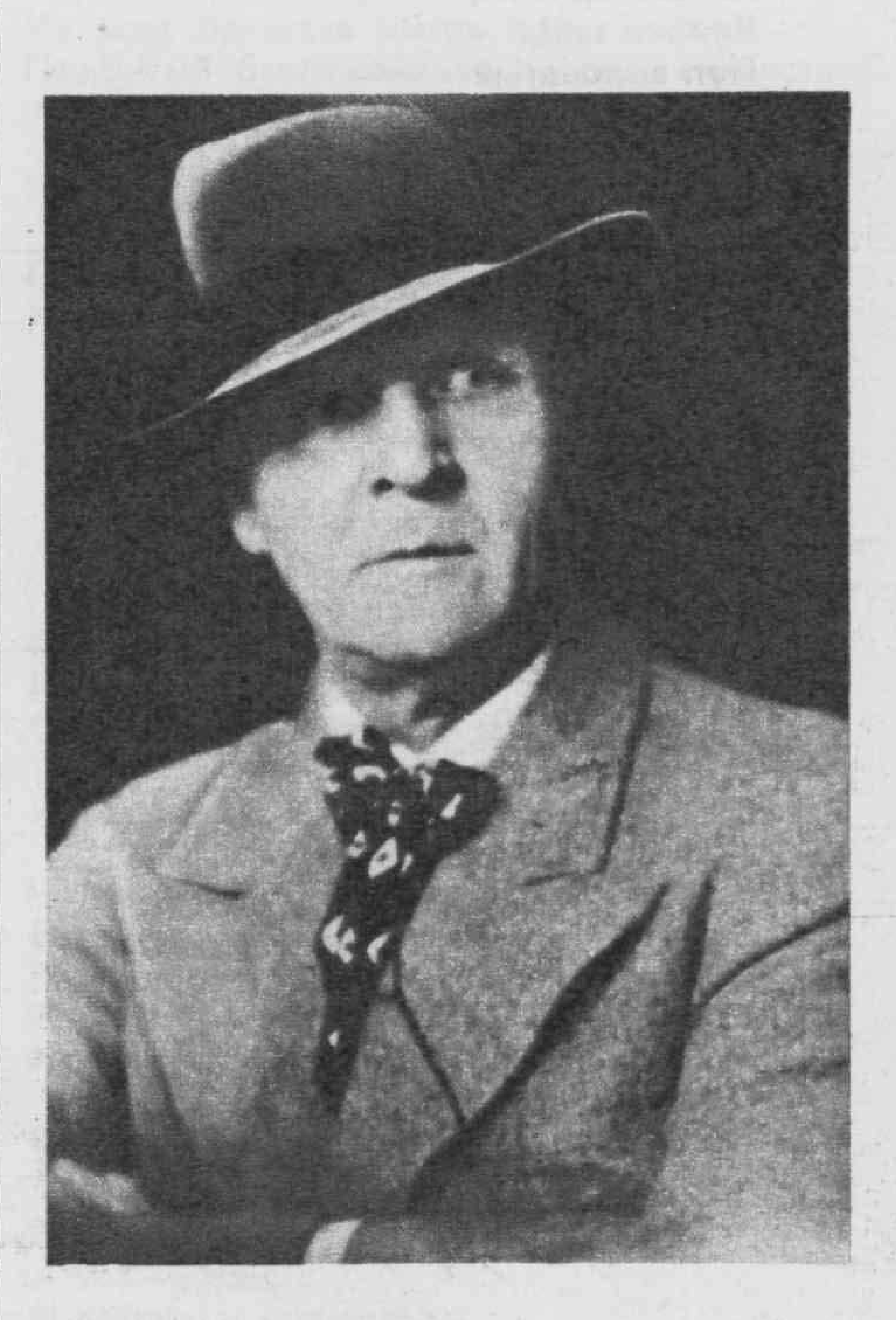
Шагая по памятным вехам
У времени на виду,
С веком,
Как с человеком,
Я разговор веду.
О век мой, крутой и трудный,
Полный противоречий —
То поющий в медные трубы,
То свистящий
стальной картечью,
То взлетающий в звонкое небо
Голубиных крыльев овацией,
То разящий жестоко и
немо
Смертоносною радиацией.
Век бунтующий
и покорный,
Век творящий
и разрушающий,
Век, сгибающийся в поклонах,
И все путы души
разрывающий.
То по солнечным зыбким пятнам
Ты идешь по траве росистой.
То костром, на кресте распятым,
Освещаешь мурло расиста.
То дождем
над землею древней
Пролетаешь — щедрым и плавным.
То беспомощную деревню
Выжигаешь дотла
напалмом...
Знать, самою судьбою велено
Мне твою многоликость видеть,
И любить тебя
беспредельно,
И до боли в глазах ненавидеть.
Заревого грядущего ради
Жить мне
высшей твоею сутью.
Словно с другом, с тобою
ладить —
И смертельно сшибаться грудью.
Сколько тайн,
Сколько пятен белых!
Сколько крови еще прольется!..
Но я знаю:
В твоих колыбелях
Подрастают
Первопроходцы.

11

Посмотрите на небо,
На озимь, что к солнышку
рвется,
На упругие почки,
Что нацелены дерзко в зенит.
Открывайте миры,
Беспокойные первопроходцы,
Зовом вечного странствия
Ветер над вами звенит.
Собирайтесь в дорогу.
Просторы распахнуты настежь.
Снова дальние дали
Необъятны вокруг и ясны.
Так шагайте навстречу
Большому
тревожному счастью,
Раздвигая плечами
Горизонты зеленой весны.

1969—1972 гг.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СНИМКИ ШАЛЯПИНА

Для тех, кто никогда не слышал и не видел Ф. И. Шаляпина, его образ возникает лишь по сохранившимся записям голоса, по киносъемкам и фотографиям. Вот почему каждая новая находка, восстанавливающая внешний облик великого артиста, представляет интерес для истории русского искусства.

Недавно приехавшая в Москву из Каунаса Зинаида Урбшене привезла неизвестные фотографии Шаляпина, снятые в мае 1936 года каунасским фотографом Карлом Бауласом... Во времена буржуазной Литвы фотоателье К. Бауласа, находившееся на улице «Вайс вес Аллея», считалось лучшим в городе. Шаляпина уговорил сняться в этом ателье известный литовский певец Кипрас Петраускас; он был давно знаком с Шаляпиным и пользовался его горячей симпатией.

Личность Кипраса Петраускаса сама по себе заслуживает внимания; он в 1911 году окончил Петербургскую консерваторию, дебютировал в партии Ромео в Большом театре, а с 1912 по 1920 год, под псевдонимом Пиотровский, работал в б. Мариинском театре в Петрограде, исполняя ведущие теноровые партии. Петраускас — один из создателей первого национального оперного театра в Литве и верный последователь реалистических традиций русской вокальной школы, в Советской Литве получил признание как активный общественный деятель, дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР; в 1950 году ему было присвоено почетное звание народного артиста СССР.

Шаляпин неоднократно посещал Литву, дважды гастролировал в Каунасской опере, и Петраускас был партнером великого певца, исполняя партии Фауста и Димитрия Самозванца.

Встреча русской волжанки, Зинаиды Урбшене (урожденной Медведевой), с Шаляпиным произошла в упомянутом мной фотоателье Бауласа. Она родилась в Нижнем Новгороде, но уже с детства проживала с семьей на территории Литвы, с ранней юности подружилась с Бауласами, у которых и произошло ее неожиданное знакомство с Шаляпиным.

В последние годы своей жизни артист охотно гастролировал в Прибалтике и Молдавии, составлявших еще до Октябрьской революции часть российского государства. Самая тяжкая из всех болезней — ностальгия, тоска по Родине,— влекла артиста туда, где он мог хотя бы услышать русскую речь. Вот почему он охотно разговорился с Зиной Медведевой, не скрывая радости от того, что встретил в Каунасе волжанку, уроженку Нижнего Новгорода, с которым была тесно связана и его молодость.

Шаляпин много расспрашивал Зину о жизни русских в Литве, о нравах и обычаях проживавших там русских старообрядцев... Он восторгался красотой стройной сероглазой девушки, ее любовным отношением к русской литературе и музыке, сохранившимся у нее чувством национальной гордости... Шаляпин сразу повеселел, по-доброму шутил, заразительно смеялся... Рассказывал, что его одолевают с просьбами о «благотворительных» концертах эмигранты, враждебно настроенные к Родине, но он категорически отказывает им.

Карл Баулас предупредил артиста, что будет снимать его в профиль и анфас, Шаляпин ответил, что согласится лишь при условии, что его снимки не станут предметом спекулятивной продажи; ему рекомендовали Бауласа как крупного художника, и он хочет получить снимки только для себя.

По окончании съемки Шаляпин просил вновь пригласить в студию русскую девушку Зину, просил и ей передать его фотографии в память о знакомстве в Каунасе.

Зинаида Медведева вскоре получила обещанные ей снимки. Она пронесла их через годы Великой Отечественной войны и сохранила до наших дней.

Борис ФИЛИППОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

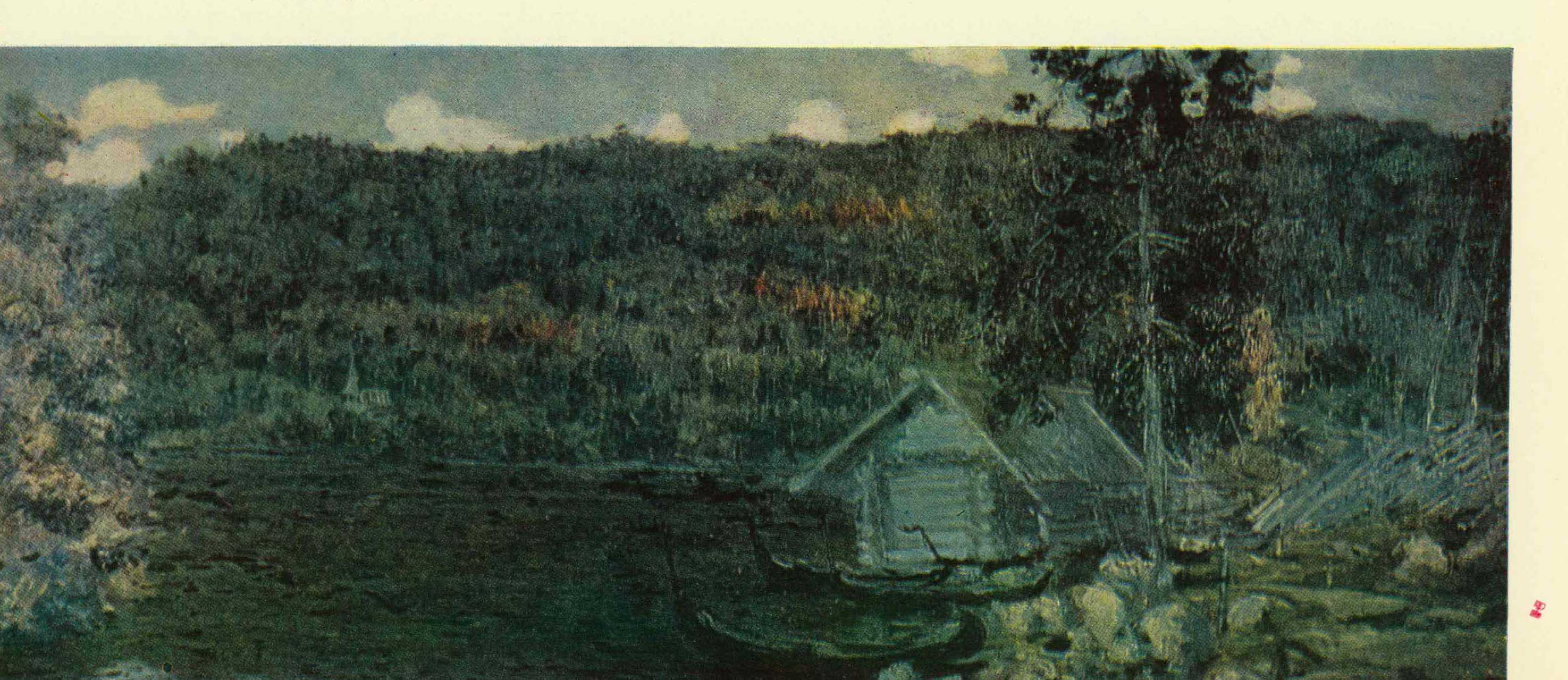

Н. Ромадин. ОЛЬХА. 1959.

Н. Ромадин. СЕВЕРНЫЙ ИНТЕРЬЕР.

КОНЧ-ОЗЕРО.

И. ИРОШНИКОВА

ГЕКАТОМБА-41

4. «Есть у него перед тобой одно преимущество...»

Об Алексее Сазонове нам известно лишь то, что запомнил Алекс. А узнать ему удалось немногое. Обстановка не располагала к расспросам. Разговоры между узниками, особенно разных национальностей, в лагере карались жестоко.

В ту пору, когда они познакомились, было Алексею Сазонову, по словам Кулисевича, семнадцать лет. Поэтому Алекс думал, что в армию Сазонов пошел «охотником», то есть добровольцем.

До войны Сазонов жил как будто в городе Горьком или же неподалеку от Горького. Как будто учился там — это Кулисевичу не запомнилось. А вот то, что Сазонов пел в молодежном хоре,— это запомнил.

Запомнилось также, что мать Алексея была родом из Белоруссии. И что там, в Белоруссии, в деревне — названия деревни он не сказал,— оставалась бабушка. В детстве Алексей подолгу жил у нее. Он рассказывал, что бабушка любила петь, знала множество песен, белорусских, украинских... Часто пела их маленькому Алеше и приохотила его к песне.

Еще рассказывал Алексей, что у бабушки перед домом росла какая-то необычная сирень— очень крупная, с тяжелыми лиловыми гроздьями. А рассказывая, повторял иногда, что ничего этого уже не осталось, наверное: ни сирени, ни дома. Что деревню немцы скорее всего сожгли. Видно, довелось ему повидать немало этих сожженных деревень.

Кулисевича познакомил с Алексеем Сазоновым чех Ян Водичка. В лагере был он мастером шухфабрик — обувной фабрики, где работал в то время Кулисевич, а в «цивили» — так называли они долагерную жизнь — заметным деятелем коммунистического движения, депутатом парламента от Коммунистической партии Чехословакии. Впрочем, и в лагере был товарищ Водичка не только мастером. Был он одним из деятелей общеславянской конспирации. Грандиозным, так говорит Алекс, организатором продовольственной помощи погибавшим от голода «советским». И был еще одним из сохранителей лагерной песни, лагерной поэзии, причем эта функция его была никак не менее опасной, чем обе первых.

Ян показал Кулисевичу Сазонова, сказав при этом: «Оба вы Алексы. Оба молоды, ты немногим старше его. Оба любите петь. Твои песни, Алекс, знают в лагере. Его песен никто не знает. Но есть у него перед тобой одно преимущество: ты поешь и при этом веришь, что выйдешь отсюда, а этот русский знает, что ему отсюда не выйти. Что смерть ему лишь отсрочена. Знает. И все-таки поет...»

Вот так они познакомились. И многое, о чем я рассказывала раньше, началось для Алекса с этой встречи, точнее, с песен Алексея Сазонова.

Ничего мы толком не знаем о военной судьбе Сазонова. С Кулисевичем он об этом не разговаривал — вопросы все отводил. Можем только предполагать.

Осень 41-го года. Из различных шталагов, офлагов, дурхлагов (сборных лагерей) уходят зловещие транспорты, везут в Заксенхаузен наших попавших в руки врага солдат.

В Заксенхаузене команда шрейберов — писарей-узников регистрирует прибывших. Среди шрейберов немец Эмиль Бюге — антифашист, сражавшийся в интернациональной бригаде в Испании.

Шрейберы оформляют списки прибывших — живыми ли, мертвыми, все равно. Списки эти совершенно секретны, как секретно то, что ожидает прибывших. Списки составляются под пристальным наблюдением облеченных доверием эсэсовцев. В пяти экземплярах: оригинал и четыре копии. И по мере готовности отбираются у писарей. Листы бумаги для списков выдаются писарям по строгому счету, чтоб никто не мог утаить и использовать. Эмилю Бюге, однако, удается «утаить и использовать». В прошлом художник, оформитель, рекламист какой-то торговой фирмы, он на крохотных листочках то ли папиросной бумаги, то ли кальки специальным пером и тушью бисерным почерком дублирует эти записи. А потом обклеивает ими изнутри четыре своих футляра для очков.

В официальные списки Бюге заносит дату прибытия и отправления. Пункт отправления транспорта. Количество прибывших — перечисляет их поименно. А в собственных записях, повторяя все это, отмечает из каждого списка лишь две фамилии, первую и последнюю,— больше не удается. Хочет оставить эти ориентиры. (Может быть, в этих списках значится и Алексей Сазонов, только не первым и не последним.)

Об Эмиле Бюге и о его записях нам известно из письма немецких товарищей. Это письмо было получено Советским комитетом ветеранов войны от Антифашистского комитета ГДР в 1964 году. Письмо и приложенные к нему страницы записей Эмиля Бюге, где рассказывалось о судьбах советских граждан — узников Заксенхаузена.

В письме говорилось, что эти материалы попали в комитет лишь недавно, много лет спустя после смерти Бюге, который по освобождении жил в Федеративной Республике Германии и умер там, покончив жизнь самоубийством.

...Транспорты прибывают в Заксенхаузен. Шрейбер Эмиль Бюге регистрирует прибывших.

«Пусть бы эта страшная драма прошла перед глазами всех!— так восклицает он в своих записях.— Вечером в закрытой машине стали вывозить группы прибывших на «индустриенхоф» — «производственный двор» — для уничтожения. Чтобы обреченные не догадались, зачем их туда вывозят, эсэсовцы включили по радио музыку так громко, что мы, узники, находящиеся в блоках поблизости от «производственного двора», не могли слышать выстрелы.

К полуночи все русские (прибывшие этим транспортом) были убиты. Сразу же после этого запылали четыре крематория, в которых стали сжигать трупы. Крематории стояли спрятанными неподалеку, за колючей проволокой, и хотя их почти не было видно, но часто вздымающееся к небу из коротких труб пламя дало возможность всем понять, что там происходит. Пронизывающий запах гари преследовал нас неделями и месяцами, в особенности когда ветер дул в сторону лагеря, неся этот запах на бараки...»

Такою была судьба первого прибывшего в Заксенхаузен транспорта. Такими же были судьбы последующих. По данным, фигурировавшим на Нюрнбергском процессе, за осенние месяцы 1941 года в Заксенхаузене было уничтожено 18 тысяч советских граждан.

В записях Эмиля Бюге есть заметка о том, что во второй половине октября маленькая вывеска над входом в «изолиерунглагер» — бараки, где ожидали своей очереди на уничтожение привезенные в лагерь советские граждане, была заменена огромным щитом с надписью: «Рабочая команда военнопленных».

Эмиль Бюге называет 16 октября 41-го года «примечательным днем», так как с этого дня в лагере вводится учет рабочей команды русских. Массовые убийства приостанавливаются. Для тех, кого не успели уничтожить, и для прибывающих вновь создается в пяти отгороженных от остального лагеря бараках рабочий лагерь.

Есть основания предполагать, что Алексей Сазонов был привезен в Заксенхаузен после 16 октября. Или же незадолго до этого.

Из опубликованных данных, из воспоминаний переживших Заксенхаузен чехов, немцев, поляков, однако, следует, что уничтожение «русских», то есть советских граждан, продолжалось и после 16 октября 41-го года и в 42-м году. Только происходило это не столь массово, не столь явно, не столь поспешно.

«Смерть ему лишь отсрочена...» — говорит об Алексее Сазонове Ян Водичка.

Впрочем, и сам Алексей, как помнится Кулисевичу, понимал это. Он не верил, что его и прибывших с ним оставят в живых, если тысячи были уничтожены.

Они просто устали и решили передохнуть, так говорил он Кулисевичу, имея в виду эсэсовцев — лагерных палачей. Предчувствие неизбежной смерти не покидало его.

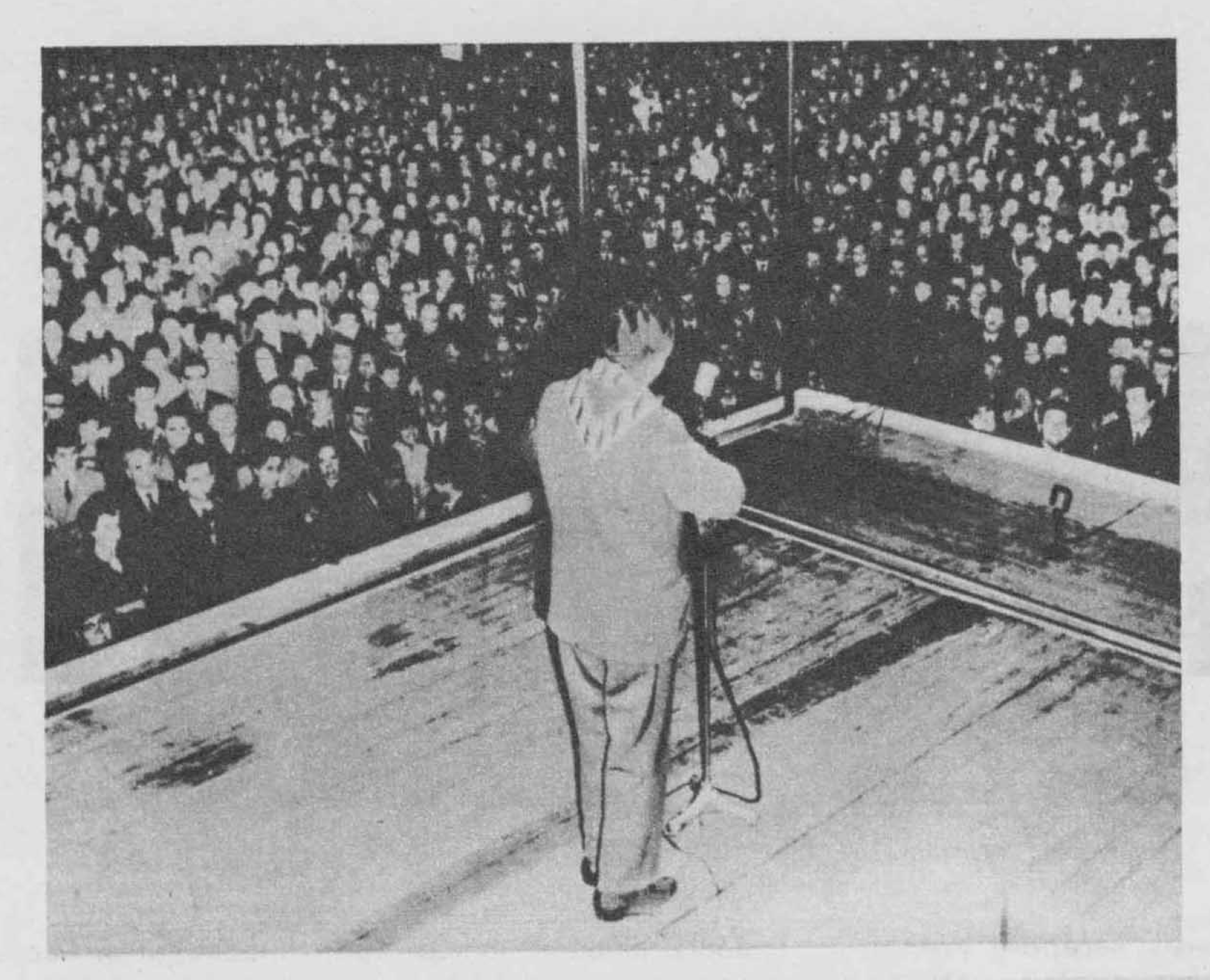
Сазонов работал в команде грузчиков, прикрепленной к обувной фабрике. «Абладерколонна» — так называлась его команда. Эта команда погружала, перевозила на фабрику, сгружала спиленные деревья, из которых делали деревянные лагерные башмаки для узников, перевозила на фабрику обувь, оставшуюся после уничтоженных в Заксенхаузене, и обувь уничтоженных в других лагерях.

Как грузчик, Алексей имел доступ на склад шухфабрик. Кулисевич же принимал на складе товар. Какая-никакая, но возможность общаться все-таки была. А позже Ян Водичка, использовав свои лагерные связи, устроил так, что Сазонова перевели работать «под крышу» — в один из отделов фабрики.

— Щуплый, загорелый, светловолосый, видимо, хоть голова его и была острижена наголо,— таким запомнился Кулисевичу Сазонов. Скромный, сдержанный юноша, не очень-то разговорчивый, тщательно взвешивавший то, что говорил.

Жил в нем упорный интерес к технике. Но при этом интересовала его и химия. И геология. И история, особенно история славян. Он был музыкален, обладал удивительной музы-

Окончание. Начало см. в № 20.

Алекс Кулисевич выступает в Турине на Пьяцца Сан Карло в день двадцатилетия освобождения Италии от фашизма. Выступает в присутствии 60 000 зрителей.

кальной памятью, говорит Кулисевич. И еще говорит, что больше всего Алексей ненавидел трусов и трусость. Что умел оценивать трезво любую ситуацию и что было наибольшей мечтой его — увидеть днем над Заксенхаузеном самолеты с красными звездами.

Опытный «хефтлинг» — «заключенный» — Алекс учил Сазонова, как забывать о мучившем их постоянно чувстве голода. Как беречь силы, делая вид, что работаешь. «Иметь уши вверх, как заяц на меже»,— повторял Алекс. Эта поговорка нравилась Алексею.

«...Ты послушай, какую славную песню написал этот русский»,— говорит Алексу Ян Водичка. Ночь. Складское помещение шухфабрик. Алекс и Алексей пристроились за мешками с обрезками кожи, за грудами старой обуви. Алексей поет свою «вокализу». Алекс так называет песню Алексея, наверное, потому, что в ней звучит, повторяется одно непонятное ему слово: «шарлатюга».

Алексу незнакомо это слово, смысл его не доходит до Алекса. Но то, что хочет им выразить Алексей, доходит. Каждый раз эта «шарлатюга» звучит у него по-иному: грустно, жалостно, гневно, отчаянно...

— Шарлатюга-а-а-а, я шарлатюга-а-а,— поет Алексей. Голос у него свежий, сильный. Он намеренно долго тянет это «а-а-а».

— Зачем ты так затягиваешь последний фрагмент? — спрашивает Алекс.

Алексей не отвечает. Сидит с закрытыми глазами, откинув голову. Алекс не повторяет вопроса. Алекс думает: может быть, Алексею пригрезилось, будто он на свободе? Вернулся. И солирует в том молодежном хоре, о котором рассказывал ему?

— Почему затягиваю? — откликается Алексей, откликается, когда Алекс уже не ждет ответа. И медленно, затрудненно пытается объяснить:— Понимаешь, Алеша,— Алекса он зовет Алешей на русский лад,— знаю, что в последнюю минуту свою буду думать о матери. А когда пою, то как будто вижу ее перед собой. И хочу задержать подольше... — И, неожиданно оборвав себя, продолжает лихо, с вызовом:

> А мать моя русская.
> А я русский фауль...

— «Фауль» на лагерном языке означало не просто лентяй,— поясняет Алекс.— Саботажник, путь которому лишь на виселицу...— И добавляет, помедлив:— В лагерной песне каждое слово имеет свой подтекст и свою историю...

— Шарлатюга-а-а-а, я шарлатюга-а-а, — ведет свой припев Алексей. Он словно бы щеголяет, бравирует этим своим настойчивым «а-а-а»... И неожиданно спрашивает: — Алеша, ты чувствуешь, какие у меня сильные легкие? Какой я еще здоровый, сильный? Так неужели они заставят все-таки меня подыхать?!

Видимо, сама мысль о неизбежности смерти, физического уничтожения, небытия кажется ему сейчас невозможной, невероятной.

— Вошла в мое сердце эта песня его, это непонятное слово «шарлатюга», да и сам он — совсем мальчишка еще, который и перед лицом смерти оставался таким, каким был, ничего не утратив...— говорит Кулисевич.

...А он, Алексей, хотел, он мечтал написать любовную песню. Никого, наверное, еще не любил. Знал, что уже никого не поцелует, и хоть в песне хотел пережить то, чего ему не досталось в жизни.

Он попросил Алекса напеть ему подходящую мелодию, так, чтобы Алексей подобрал к ней свои слова.

Она рождалась ночами, эта песня. Алекс работал на фабрике днем. Алексей же, которого перевели на работу «под крышу»,— ночью. Но Ян Водичка, предвидевший судьбу Алексея и знавший, что ничем не сможет ему помочь, вызывал иногда Алекса на работу ночью, чтобы дать им возможность встретиться.

Ночами эсэсманов не было в лагере. Алекс и Алексей пристраивались где-нибудь в уголке, на куче старой обуви. Алекс напевал мелодию, Алексей подбирал слова. Песню Алексей хотел посвятить девушке по имени Соня.

Однажды Кулисевич забеспокоился:

— Алексей, послушай, кажется, я напеваю тебе немецкую мелодию!— И попытался вспомнить слова: «О Софие, дейне шварце хаар...»

Алексей, увлеченный своим, отмахнулся:

— А, мне это все равно! Мелодия, музыка — это как любовь: принадлежит всему миру...

Он был романтиком, этот веснушчатый парень.

Песня получалась не очень-то любовной.

> Темно и глухо, куда ни кинешь взгляд,
> Куда ни глянешь, воет проволока и воет ветер,
> Призрак концлагеря дышит тяжко во сне,—

пел Алексей.

> Впустую кричат мои слова,
> Никто меня не услышит,
> Может быть, ты одна, Соня, Соня! Услышь мою тоску,
> Утишь кровоточащую боль...

Разве это была любовная песня? Жалоба, исповедь — так воспринимал ее Алекс...

> Где ты есть, и что с тобою сталось...
> Сожжен наш дом, и черная цветет сирень.
> Помнишь, как глаза твои меня молили:
> Поцелуй меня, пока ты жив...

Что-то очень наивное почудилось Алексу в этих словах, в интонации последней фразы. «Да знал ты хоть одну Соню, скажи?» — спросил он у Алексея. Тот смущенно отвел глаза.

— Ну какое это имеет значение!— И признался:— Знаешь, это — как наваждение! Ночами, мне кажется, я слышу, как трещат в огне кости моих убитых товарищей. Алеша, мне хочется, чтобы эта песня была и о них...

Нет, любовная песня явно не получалась! Слова Алексей напевал по-русски, но, опасаясь, что Алексу понятно не все, а поэтому может он не запомнить, повторял ему: «Алеша! Не позабудь». И Алекс сразу же переводил для себя все на польский, чтобы легче было запомнить. Мне же теперь приходится этот текст переводить снова на русский, поэтому и слышится в нем шероховатость.

И вот последняя встреча. Только Алекс не знал тогда еще, что эта их встреча окажется последней.

В ту ночь Водичка снова вызвал Алекса на работу, чтобы дать им возможность встретиться. И Алексей напевал Алексу строфы из новой песни. Напевал на какую-то украинскую мелодию, которую помнил с детства.

— Жаль, жаль моя плывет...— пел Алексей; видно, из глубин его памяти выплыло это украинское слово «жаль» — синоним тоски.— Огонь черный ожидает меня...

— Я слушал, и мне становилось страшно,— говорит Алекс.— Знал, что ничем не могу помочь ему, только запомнить! Ему так хотелось оставить по себе песню!

Алексей пел медленно, так, что Алексу удалось запомнить его манеру. Его вокальную технику. И его самого. Он сидел на куче старых сапог, которые были содраны перед смертью с ног его погибших товарищей. Густой в ту минуту, непереносимый запах пота и крови поднимался от этих сапог.

Фабрика находилась недалеко от производственного двора — «промысловой площади», на которой расстреливали узников и потом сжигали тела. Дым проникал в бараки фабрики. В ту ночь он был особенно тяжелым и едким. Алекс ощущал это. Знал, что и Алексей чувствует. Поначалу Алексей пел, словно жалуясь:

> Жаль, жаль моя плывет,
> Боль страшная...

Строки песни рождались тут же:

> Огонь черный ожидает меня...

Алексей вдруг поднялся неожиданно, резко, словно было ему больше невмоготу сидеть.

> Дым, дым плюгавый душит нас.

До этой строки он пел как будто забывшись, думая лишь о том, что ожидает его. А тут словно осознал, от чьей руки погибает:

> Дым, дым пусть задушит вас, германские псы!

— Не знаю, но в ту минуту мне показалось,— говорит Алекс,— что я должен снять с него эту тяжесть неотомщенности. Думалось: так ему будет легче. Я знал, у нас мало времени. И все-таки сказал: «Алексей! А где же у тебя та великая любовь ко всем мелодиям мира, о которой ты говорил? Ты ведь сам говорил, что музыка — это как любовь. А поешь ненависть». И увидел, как сник он от этих слов.

— Не осуждай. Ты не знаешь...— Больше он не сказал ничего.

Потом Алексей пел еще, пел медленно, повторяя строфы... Был он не таким, как всегда, что-то угнетало его — Алекс чувствовал это.

— Какое название ты хочешь дать песне? — спросил Алекс, когда пришла пора расходиться.

— Название? — переспросил Алексей, видимо, не очень понимая, о чем тот спрашивает. Весь во власти того, о чем пел.

— Как хочешь назвать песню? — повторил Алекс.

Алексей ответил не сразу:

— Может быть... Гекатомба...— И, потрясенный вдруг нашедшимся словом, воскликнул: — Алеша! Это ведь действительно гекатомба — гекатомба-41.

Видимо, он имел в виду не песню, не только песню, но в ту минуту Алекс не понял этого.

— ...Тогда я не знал, что значит гекатомба,* — говорит Алекс.— И трагический смысл его слов не дошел до меня в ту минуту. Я подумал даже, что Ге-Ка-Томба-41 — это, быть может, название воинской части, где служил Алексей. Но об этом он не вспоминал никогда, и я не посмел спрашивать...

5. ГЕКАТОМБА-41

На следующий день, точнее, на следующую ночь, из работавших на фабрике русских не появилось несколько человек. Не появился и Алексей. Попытки Яна Водички узнать что-либо о нем успехом не увенчались. Общеизвестно было лишь то, что русские, которых внезапно забирали из рабочих бригад, исчезали бесследно и навсегда.

* Гекатомба — массовое бессмысленное убийство людей.

Но Алекс все-таки получил последнюю весточку от Алексея. Станислав Келлес — Крауз, польский узник, выполнявший в лагере функции врача и «опекавший», так говорит Алекс, советских, передал ему с величайшей осторожностью последнюю строфу «Гекатомбы», написанную наспех Сазоновым на рыжем клочке бумаги, видимо, оторванном от мешка с цементом.

Хоть доступ в бараки, где находились русские, был строго-настрого воспрещен, Алекс решил любой ценой увидеть в последний раз Алексея. Выбрав время, он подкрался к ограде, окружавшей эти бараки. Он не был уверен в том, что ему удастся отыскать Алексея среди сотен других. Но ему повезло — Сазонова он увидел почти сразу. Окруженный несколькими находившимися в таком же состоянии, как он, узниками, Алексей полулежал на земле перед бараком, слабый, по-видимому, избитый.

Алекс тихонько позвал его: «Сазонов! Это я, Алекс, поляк». Тот услышал и, по-видимому, узнал Алекса, потому что повернул голову в его сторону, а потом, прислушавшись, пополз на голос, но в эту минуту немец-функционер... «Профессиональный бандит с зеленым треугольником на лагерной куртке», так говорит Кулисевич, заметив это, ударил ногой Сазонова.

Видимо, он приказал Алексею подняться и следовать за ним. Но подняться Алексей не смог. Тогда тот поволок его по земле за собой.

— Я и сейчас вижу окровавленные пальцы Сазонова, непроизвольно цепляющиеся за все, что, казалось, могло удержать его на этой земле, слышу последний вскрик его: «Алеша! Не позабудь!..»

«Гекатомба-41» — она оказалась последней, посмертной песней Сазонова. Кулисевич перевел ее на польский язык. И часто пел в блоках. И многие в лагере, узнав историю этой песни, стали приходить к нему: «Найдешь для меня местечко в своем архиве!»

Норвежцы и чехи — узники перевели «Гекатомбу-41» еще в Заксенхаузене. А после войны она была издана впервые немецкой Академией искусств в ГДР.

Так песни Сазонова вырвались из стен Заксенхаузена. В исполнении Алекса Кулисевича они звучали в самых различных концертных залах Европы, на многих фестивалях. Передавались радиостанциями Мехико-Сити, Лондона, Эдинбурга, Рима, Токио, Брюсселя.

«Песни расстрелянного русского солдата»! Напоминая о трагической гибели их создателя, они тревожили, будоражили память, вызывали сложную гамму чувств, особенно в сердцах молодых — тех, чьим ровесником остался Сазонов. Остался поныне и навсегда.

«...Те песни, которые вы поете, никогда не смогут уйти в непамять. Слишком многое произошло с человечеством, чтобы все это «отложить на полку» — по давности».

«...Служу сейчас в армии, которая поставила перед собой цель уничтожить любую индивидуальность и воспитать в каждом из нас стремление к групповому убийству... Единственная надежда, что так же, как я, мыслят тысячи других».

...Обвиняйте дым,
Он заслонил звезды,
Как видимый знак насилия...
Здесь — вы должны петь,
Там — осталось только молчание...

Все это строки из писем, полученных Кулисевичем от его молодых слушателей.

А вот строки из последнего письма самого Кулисевича. Ими я и закончу этот рассказ:

«...В феврале минувшего (1972) года песни Сазонова впервые услышала молодежь ГДР. Я пел их в Германии в числе других на третьем международном фестивале политической песни.

По дороге в Берлин мне стало плохо. Меня забрала «Скорая помощь». Врач абсолютно не советовал выступать. Но я настоял на своем, передохнул несколько часов и сел в другой поезд...

Когда я пел, то все время думал о том, что когда-то в нескольких десятках километров отсюда, от центра Берлина, умирал Алексей Сазонов. И я не смел показать даже след усталости перед этой молодежью, хотя бы пришлось упасть на эстраду и больше не встать...

Когда закончилась последняя песня, весь зал поднялся в молчании, намного более долгом, чем минута...»

ДАЛЬНИЯ ВОСТОК

ШАГИ ШАГАЮЩЕГО

И. П. Толстоногов.

Экипаж «ЭШ-15/90» комбината «Дальвостуголь», руководимый Героем Социалистического Труда И. П. Толстоноговым, обязался в решающем году пятилетки переместить 5 миллионов 50 тысяч кубометров породы. Рекорд, которого не достигал никто на открытой добыче угля.

В машинном отделении землеройного гиганта Ивана Прохоровича я сначала не узнал. Небрежно сдвинута на затылок ушанка, промасленный полушубок. Мы познакомились накануне. Запомнился внимательный взгляд из-за стекол очков. Белоснежная рубашка, аккуратный узел галстука. Безупречно выглаженный строгий костюм. Звезда Героя, орден Ленина, орден Шахтерской Славы, медали. Элегантен... И вот сейчас я вижу другого Толстоногова — делового, неразговорчивого хозяина шагающего экскаватора. Иван Прохорович приглашает в кабину машиниста. Просторная, уставленная приборами, она напоминает ходовую рубку корабля. Сквозь лобовые стекла хорошо виден ковш, вес которого без малого двадцать тонн. Емкость — пятнадцать кубометров. Подвешен тот ковш на девяностометровой стреле. Теперь представьте, каким мастерством надо обладать, чтобы с ювелирной точностью послать ковш в нужную точку забоя, наполнить его и осторожно вывести на гребень отвала. На весь цикл — забор грунта, транспортировку к отвалу и возвращение ковша в забой — затрачивается 40—45 секунд, почти вдвое меньше, чем по норме. Каждый из шестнадцати членов бригады Толстоногова отлично знает свои обязанности, и почти все умеют слесарить; если что случится с машиной, смена тут же приступает к ремонту и до прибытия бригады слесарей осматривает, а если понадобится, и разбирает аварийный узел.

Иван Прохорович передает управление сменному машинисту Дьяченко. Покинув кабину, мы поднимаемся на откос. Внизу, там, где только что прошел ковш, маслянисто поблескивает обнаженный угольный пласт, по которому уже ползет буровая установка. Скоро взрывники вскроют пласт. Потом к делу приступят добытчики. Толстоногов всматривается в рукотворные барханы соседнего участка. Там работает молодой инженер Анатолий Иванович Толстоногов. Сын. В прошлом член его бригады. Кто знает, может, в эти минуты Иван Прохорович вспоминает свою трудовую молодость, которая начиналась здесь же, в Райчихинске, на угольных разрезах. Тогда ему было шестнадцать лет. А в сорок третьем восемнадцатилетний Иван Толстоногов впервые сел за рычаги экскаватора. Через год комбинат получил два новеньких шагающих экскаватора. Один доверили Ивану. С тех пор и шагает он вместе со своим шагающим нелегкой дорогой горняка.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»
Фото автора.

ЕГО ПЕСНЯ

Лучшей традицией советской эстрады всегда была ее целенаправленность, стремление идти в ногу со временем, выдвигать на первый план то, что сегодня главное для всего народа.

В последнее время вновь заставил говорить о себе Иосиф Кобзон. Именно как о певце с четко выраженным амплуа. Слушатели и раньше тепло относились к его милым, часто непритязательным песенкам, с удовольствием отмечая и хороший голос и высокий профессионализм певца. Но все это вдруг заиграло новыми красками, когда Кобзон нашел свою тему на эстраде и безоговорочно, полностью отдал ей свой талант. Тем более что тема эта — самая важная и трудная для любого исполнителя — гражданская песня. Иосиф Кобзон ищет песни с большим, нелегковесным содержанием. Недаром он стал первым исполнителем цикла «Баллад» О. Фельцмана и Р. Рождественского, песни «Про того парня» М. Фрадкина и Р. Рождественского. Эти песни нельзя просто спеть. Глубокую человеческую боль, заключенную в них, героический пафос надо суметь донести до каждого слушателя. Вот где смогли проявиться в полную силу и врожденная музыкальность Иосифа Кобзона, и прекрасная профессиональная школа, которой он обязан Институту имени Гнесиных, и солдатская дисциплина и выдержка, приобретенные за годы службы в армии, и главное — лучшие черты его собственной натуры — целеустремленность и настоящая гражданская принципиальность.

«Журавли» Я. Френкеля и Р. Гамзатова — одна из самых популярных песен сегодняшнего дня. Песня прекрасная. А для Иосифа Кобзона она стала одной из программных в его творчестве, дав певцу возможность проявить ценное качество — поэтичность его гражданственности.

Слушая «Журавлей» в исполнении И. Кобзона, задумываешься над тем, что же такое эстрадный артистизм. Умение плясать с микрофоном в руке, лихо перепрыгивая через шнур и дирижируя залом? А может быть, истинный артистизм вот такой, как сейчас у Кобзона: ни одного лишнего жеста, сдержанность, ничто не отвлекает от песни, от смысла того, зачем певец вышел на эстраду. Все эмоции певца — в голосе, в его окраске...

Е. МЕЛИНА.

Фото А. Награльяна.

Юр. ЗУБКОВ

МЕРА ВЗЫ

Что за сваха!.. Просто чудо! Коли надо, она и подвенечное платье невесты наденет и прикинется кривобокой и хромоногой, чтобы отворотить жениха, престарелого и нелюбимого, и в серные бани, где прохлаждаются мужчины, обернутые простынями, с целью все выведать, все разузнать отправится, и одну невесту за другую выдаст, да так, что жених и не заметит подмены, лишь бы торжествовала справедливость, лишь бы любовь, а не корысть освящала брак.

В образе Ханумы, героини одноименной пьесы классика грузинской литературы прошлого века, современника и единомышленника А. Н. Островского — А. Цагарели, актриса Л. Макарова оттеняет народность характера, остроту и подвижность народной смекалки. То, что не удается богатому купцу Микичу Котрянцу (Е. Копелян) — обменять свою дочь на княжеский титул, а дряхлеющему князю Вано Пантиашвили (В. Стржельчик) выгодно продать свой титул, заполучив заодно в жены юную Сону (Е. Алексеева),— в этом заслуга прежде всего Ханумы. Образ, с которым знакомит зрителей талантливая актриса, пронизан озорной, дерзкой выдумкой, богат художественными неожиданностями и густо замешан на оптимистическом восприятии мира.

Л. Макарова, однако, не одинока в этом спектакле Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького. Союзниками актрисы, героиня которой щедро творит на сцене добро, выступают не только В. Стржельчик и Е. Копелян, но и В. Кузнецов (Тимотэ) и Н. Трофимов (Акоп), подчеркивающие в ролях слуг тоже жизнелюбивое начало, и постановщик спектакля Г. Товстоногов, и художник И. Сумбаташвили, привлекший себе на помощь полотна великого грузинского живописца Нико Пиросманишвили. Естественный сплав иронии и искренности, театральности и подлинности переживаний героев, пронизывающий спектакль, придает ему не только удивительную художественную целостность, но и народность, напоминает о знаменитой вахтанговской «Принцессе Турандот», сближает комедию Цагарели, написанную около века назад, с нашими днями.

«Ханума» — это один из спектаклей состоявшегося в Ленинграде заключительного этапа Всероссийского фестиваля драматургии и театрального искусства нашей страны. Этапа, представляющего собой итог широкого и напряженного двухгодичного соревнования театров России.

«Ханума», несомненно, принадлежит к лучшим спектаклям фестиваля. Однако хочется особо подчеркнуть повышенное внимание театров к современной советской теме. Если говорить только о лучших спектаклях фестиваля, показанных в Ленинграде, то непременно стоит вспомнить добрым словом такие работы ленинградцев, как «Не беспокойся, мама!» Н. Думбадзе в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской и «Маленькое окно на великий океан» Расула Гамзатова в Театре комедии, «Память сердца» А. Корнейчука в Финском драматическом театре (г. Петрозаводск), произведения Чингиза Айтматова «Тополек мой в красной косынке» в Бурятском театре драмы имени Хоца Намсараева и «Материнское поле» в Новосибирском театре юного зрителя, «Птицы нашей молодости» И. Друцэ в Пермском драматическом театре, постановки москвичей — «Дарю тебе жизнь» Д. Валеева у ермоловцев, «Женщина за зеленой дверью» Р. Ибрагимбекова в Театре имени Вахтангова, «Таблетку под язык» А. Макаёнка в Театре сатиры.

Уже самый перечень названий говорит о плодотворности диалектического процесса взаимообогащения и взаимопроникновения национальных культур. О многообразии тематики этих пьес и спектаклей, с одной стороны, и о единстве, общности проблем, рассматриваемых драматургами и театрами самых разных республик,— с другой.

Обращаясь к произведению писателя из другой братской республики, театры как бы заново открывали для зрителей пьесу, давно и хорошо им знакомую. Несколько лет назад Киевский Театр имени И. Франко и Московский Театр имени Евгения Вахтангова предложили, каждый свое, сценическое прочтение пьесы «Память сердца». Вахтанговцы — подчеркнув театральное, праздничное, франковцы — насыщенное многими красками народной жизни, сочное, лукавое. И вот новая встреча с пьесой А. Корнейчука. Артисты Финского театра (режиссер Н. Лившиц) познакомили нас с людьми высокой нравственной пробы. Внешне неброские, угловатые, подчас даже смешные, люди эти исполнены высокой самоотверженности сердца, память его для них — это чистый, животворный родник их сегодняшних чувств и свершений. Тема человеческой чистоты и доброты стала основной и в спектакле Бурятского театра имени Х. Намсараева «Тополек мой в красной косынке», поставленном С. Будажаповым. Не только Асель (Л. Дугарова) и Байтемир (Ц. Пурбуев), но и Ильяс (М. Жайхандаев) и Кадича (Д. Чимитова) — люди бесхитростные, живущие велениями сердца, словно бы также выхваченные театром из самой что ни на есть повседневности.

Не раз в ходе фестиваля и особенно его заключительного этапа вспоминались слова Резолюции XXIV съезда партии по Отчетному докладу ЦК КПСС: «Партия стоит за разнообразие и богатство форм и стилей, вырабатываемых на основе социалистического реализма». Фестиваль наглядно подтвердил всю справедливость этих слов. Разве не о своеобразии поиска, самостоятельности и оригинальности художественного пути говорит спектакль Ленинградского Театра комедии «Маленькое окно на великий океан», осуществленный В. Голиковым по книге Расула Гамзатова «Мой Дагестан»? Театр создал вольную поэтическую композицию на тему — художник и его народ, его родина, попытался раскрыть то, как в самой жизни и самой жизнью рождается книга писателя. Эти раздумья театра, как и раздумья поэта, пронизывает юмор, элементы лирические и драматические соседствуют в спектакле с элементами сатирическими. Не все здесь бесспорно, не все удалось театру на дороге трудной и неизведанной, но от представления к представлению спектакль совершенствуется, обретая и большую ясность мысли, и внутреннюю целостность, и единство.

Среди спектаклей ленинградского показа, воссоздающих страницы прошлого,— «Миндаугас — король и человек» — литовского поэта и драматурга Ю. Марцинкявичюса в Куйбышевском театре драмы имени М. Горького (режиссер А. Головин) и «Месть» молодого башкирского писателя И. Юмагулова на сцене Русского драматического театра в Ижевске (режиссер Г. Гилязев). Разные проблемы исследуют авторы и театры. В первом случае — проблему власти в государстве, основанном на социальной несправедливости. Первоначальные патриотические, прогрессивные устремления короля Миндаугаса неизбежно вырождаются, оборачиваются фразой, ибо антинародна власть, основанная на порабощении и угнетении, социальном неравенстве. В случае втором — проблему любви, обреченной на гибель в условиях все того же общества, зиждущегося на классовом неравенстве и социальной несправедливости. Башкирская девушка — сирота Нэркэс не может быть счастлива с любимым, порвав с родной землей, с родным народом, и погибает. И в том и в другом спектакле народ выступает как высший судья. Мерой его нравственных критериев оцениваются и авторами и театрами действия главных героев, мир их мыслей, страстей, чувств. И это делает спектакли по-настоящему современными, интересными сегодняшнему зрителю, питает творчество и такого крупного мастера сцены, как Н. Засухин, играющего Миндаугаса, и молодой актрисы Л. Цихониной, создавшей трепетный образ вольнолюбивой Нэркэс.

И эти спектакли несвободны от недостатков, подчас серьезных и весьма ощутимых. Но нельзя не поддержать стремления театров исследовать характеры значительные, конфликты напряженные, содержательные, разведывать свой путь в искусстве.

Цифры в искусстве не самый лучший показатель. И все же на сей раз и они чрезвычайно красноречивы и убедительны. Свыше 150 пьес национальных авторов обрели новую жизнь на сценах театров России, осуществивших по ним в ходе фестиваля более 400 спектаклей. Фестиваль стал подлинным праздником драматургии и театрального искусства народов СССР. Дипломов первой степени удостоен 41 спектакль, из них 13 было показано в дни заключительного смотра, дипломов второй степени —35 спектаклей. Дипломами награждены также около двухсот актеров, режиссеров, художников, композиторов, драматургов, переводчиков. Шестнадцать театров получили специальные дипломы за активную пропаганду произведений писателей из братских республик.

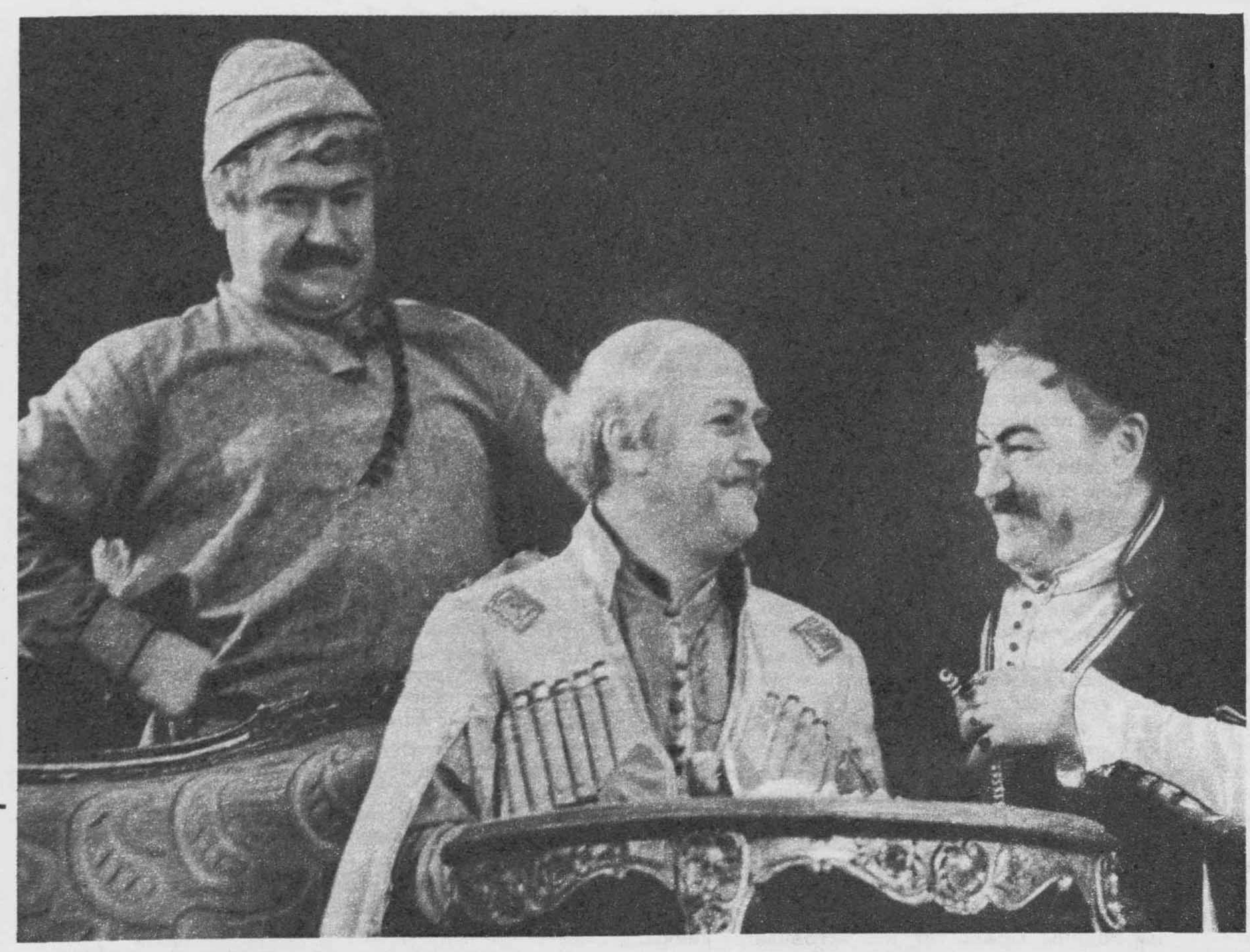
Высоко оценивая успехи нашей многонациональной драматургии, серьезную работу, проделанную театрами за два года интенсивного творческого соревнования, ни в какой мере вместе с тем не следует обольщаться достигнутыми результатами. Они могли бы быть и значительно бóльшими: все возможности для этого в нашей стране, в резервах нашего художественного творчества имеются. К сожалению, все еще есть отдельные театры, внимание которых так и не привлекла национальная пьеса.

Но это, скажем, печальное исключение, а вот неравномерность внимания театров к тем или иным произведениям национальной драматургии не может не тревожить уже в значительно большей степени. Нельзя не радоваться тому, что широко идут по стране пьесы А. Макаёнка и О. Иоселиани, инсценировки произведений Н. Думбадзе. Но огорчает, что произведения других авторов из национальных республик ставятся все же значительно реже, круг имен и названий, по-настоящему репертуарных, все еще продолжает оставаться узким.

Предполагаю, что кое-кто на это попытается возразить: нет, мол, писателей и пьес, равных выше названным по глубине идейных и нравственных позиций, художественной силе. Разверстка, согласно которой пьес, созданных в той или иной из республик, может быть поставлено столько-то, здесь не пригодна. Согласен, не пригодна.

Верно ли, однако, что все еще мало в республиках писателей и пьес яркого таланта и подлинного знания жизни? Нет, глубоко неверно. Почти не была между тем представлена на фестивальной афише драматургия И. Касумова — одаренного и опытного драматического писателя. Большинство театров прошло мимо одной из его последних и лучших пьес «Мы так недолго живем». А разве не увлекательно было бы для многих крупных мастеров сцены поработать над образом стопятидесятилетнего кузнеца Мамедали, всю жизнь щедро отдававшего себя людям? Слабо представ-

СКАТЕЛЬНОСТИ

Ленинград. «Ханума».

Фото А. Бертика.

Куйбышев. «Миндаугас — король и человек».

лена была на фестивальной афише и драматургия М. Карима. А ведь и предпоследняя его пьеса, «В ночь лунного затмения», и последняя, «Салават», населены крупными, самобытными характерами, пронизаны глубокими и острыми трагедийными коллизиями. Возможно, скажут: «Первая, мол, пьеса уже отыграна, а по второй спектакли не получились». Но и первая пьеса прошла далеко не везде, и не все открываемые ею возможности использованы театрами полностью, а ко второй обратился чуть ли не один всего театр. Ну, допустим, его поиск не привел к полному успеху. Но у других, возможно, спектакль мог бы получиться и сильнее и глубже. А трагедия Г. Мусрепова «Поэма о любви» («Козы-Корпеш и Баян-Слу»), и это произведение глубокой трагедийной силы было слабо представлено на фестивальной афише. Не действуют ли здесь дружным фронтом неосведомленность иных театров и некоторая инерция?

Очень хорошо, что русские театры широко играют сегодня пьесы, вышедшие из-под пера драматургов грузинских и белорусских, армянских и казахских, татарских и башкирских, что финский театр ставит произведение украинского писателя, а бурятский — киргизского. Но не может не огорчать, что в заключительном показе, к примеру, не участвовал ни один национальный театр, поставивший пьесу русского советского автора, по-своему прочитавший его, обогативший своим творчеством, открывший в ней новые стороны.

Известно, что новые пьесы и новые драматурги обычно не рождаются вне театра, вне его горячей заинтересованности в выходе на всесоюзную афишу нового автора, без кропотливой и настойчивой работы с ним. Отмахнуться от несовершенной еще, а в замысле интересной пьесы проще, нежели помочь ее подлинному открытию. Создание репертуара не частное дело того или иного режиссера или даже того или иного театра, а дело общегосударственное. Вне такой заинтересованности и такой работы не родились бы и в нынешнем сезоне и пьеса Валеева «Дарю тебе жизнь», поставленная уже не только Театром имени Ермоловой, и «Таблетку под язык» Макаёнка — произведения, говорящие со зрителем о жизненно важных, волнующих его проблемах.

Самое же главное, что вызывает тревогу,— это недостаточно высокая мера взыскательности со стороны отдельных театров, как к идейному содержанию и художественной глубине и силе пьес, включаемых ими в свой репертуар, так и к спектаклям, ими выпускаемым.

Высокая степень художественной целостности всех компонентов спектакля, отличающая постановку Ленинградского Большого драматического театра «Ханума», едва ли не исключение даже среди участников заключительного этапа фестиваля. Плодотворен и интересен, скажем, замысел главного режиссера Пермского театра драмы И. Бобылева, поставившего «Птицы нашей молодости». Обратившись к пьесе Друцэ, он, укрепляя пьесу, стремился донести мысль, что пропасть, отделяющая тетушку Руцу от ее племянника — председателя колхоза Павла Русу,— лишь видимая, а на деле они, годы враждовавшие между собой, стремятся к одному — к служению людям. Павел делает это более интенсивно. Тетушка — исподволь, внешне почти незаметно, но и она никакая не гадалка, не колдунья, а человек, который стремится врачевать людские раны. Однако одно дело — замысел режиссера, другое — его воплощение. И здесь полному воплощению замысла мешают, с одной стороны, некоторые режиссерские излишества, вроде хора, подчас назойливо комментирующего события, а с другой — не-

ровность актерского исполнения. Образ тетушки Руцы, созданный Л. Мосоловой, отличают глубина, человечность, крупность характера. И можно себе представить, как бы крупно, значительно прозвучал спектакль пермяков, окажись и другие актерские работы по психологической наполненности и глубине, точности действий, яркости красок вровень с этим сценическим образом.

Уже давно миновало то время, когда был важен преимущественно самый факт обращения театра к национальной пьесе, нередко безотносительно к ее достоинствам и недостаткам. Высокая взаимная требовательность призвана сегодня стать основой взаимоотношений любого театра с любым драматургом. Амнистирование взаимных просчетов и слабостей неизбежно приводит к результатам весьма огорчительным. И если мысль, двигающая пером автора, или способ художественного доказательства этой мысли недостаточно зрелы и убедительны, это не компенсируют ни одаренность, ни профессиональное мастерство и писателя и театра.

Ленинградский театр имени Ленсовета поставил пьесу Г. Кановичуса «Огонь за пазухой». О чем рассказывает спектакль? О гибели восемнадцатилетней девушки Гайле. Кто виновен в этой гибели? Юридически никто. Она ехала на мотоцикле и — или случайно разбилась или покончила жизнь самоубийством. Но есть виновники нравственные. Это в первую очередь Линас. Он не обманывал Гайле, но когда та, полная любви, сблизилась с ним, он сказал ей, что не хочет связывать себя семьей: пока приятно — будем вместе, надоест — расстанемся. «Твои действия,— говорит Линасу следователь Мигле,— уголовно не наказуемы, но от них также пахнет кровью». Девушка, вступающая в сознательную жизнь, сталкивается с цинизмом, эгоизмом, подлостью. Эта жизнь не для Гайле с ее высокими нравственными принципами и требованиями. И мать Гайле, Гражвида, заключает: «Гайле убила вера в чистоту, порядочность, справедливость». Слова эти никто не опровергает. Не в состоянии опровергнуть. Судить людей, подобных Линасу, в пьесе некому,— все замараны, все связаны одной веревочкой. И даже Мигле, молодой следователь, у которой несколько лет тянется роман с женатым человеком.

Программа спектакля снабжена авторским предисловием, в котором, в частности, говорится: «Хочется верить, что люди, заполнившие зрительный зал, после спектакля станут лучше и чище, а мир, в котором они живут, добрей и справедливей». В этом-то и все дело! К сожалению, намерение писателя невольно оборачивается своей противоположностью: жить в таком мире нельзя, невозможно!.. В мире, изображенном писателем и театром односторонне, с позиций отдельных, разрозненных фактов как таковых. Истинного, реального богатства отношений человека с действительностью, сложности и многообразия взаимоотношений людей между собой не уловили и не передали ни автор пьесы, ни театр (режиссер П. Гайдис). В этом основная беда и пьесы и спектакля.

Никакая самая благородная мысль не в состоянии выразить правду жизни, правду времени, если существует она в произведении драматургии и театра в умозрительном, отвлеченном, абстрактно взятом виде. А именно так и обстоит дело, на мой взгляд, в спектакле московского театра «Современник», поставленном Г. Волчек по пьесе Ч. Айтматова и К. Мухамеджанова «Восхождение на Фудзияму». До сих пор театры встречались лишь с инсценировками прозаических произведений Айтматова. То, что крупный советский прозаик впервые и сам обратился к жанру драматургии, не может не радовать. Как нельзя не посчитать справедливой и плодотворной ту мысль, ради которой авторы взялись за перо: человек всегда, при любых обстоятельствах должен оставаться человеком. Однако, как справедливо уже заметил Е. Сурков, «ситуация, на которой... герои вычеканивают свою нравственную программу, оказывается несколько умозрительной», и по поводу способа доказательства главной мысли пьесы с авторами хочется поспорить.

Собственно говоря, «священной» горы Фудзиямы в пьесе и не существует. Просто друзья детских лет после долгой разлуки поднялись на самую обыкновенную гору и, можно сказать, исповедуются друг перед другом. Есть среди них люди обостренно чуткие к неправде и несправедливости. Есть и такие, чья душа покрылась жирком себялюбия, а чувство совести порядком притупилось. И то, что происходит перед нами, особенно в первой половине спектакля, непосредственно на сцене, во многом кажется убедительным. Правда, когда писатель Мергенов и ученый Татаев в финале спектакля пытаются скрыться, чтобы уйти от ответственности за невольное преступление, совершенное подгулявшей и возбужденной компанией (сбрасывая камни с горы, они случайно попадают в женщину, возвращавшуюся из города, и убивают ее),— это выглядит несколько наивно. Неужели уж милиция не отыщет в случае необходимости Мергенова и Татаева в городе? Желание спора порождает, однако, не только это. Главное в пьесе — это ведь не то, что непосредственно происходит на сцене, а то, что давным-давно предшествовало встрече друзей здесь...

А предшествовали дни фронта. Пятеро юношей, воспитанников детдома: Мергенов, Татаев, учитель Абаев, агроном Досберген и поэт Сабур — по велению сердца стали защитниками Родины. Среди тех, кто встречается сейчас здесь, на горе, нет Сабура. Он спился, опустился, находится на краю гибели... Почему? Что произошло? Талантливый поэт, ставший на фронте редактором газеты, Сабур написал поэму, в которой скорбит о жертвах войны, о трагической судьбе поколения... Ночью приходят к нему погибшие — и наши и вражеские — и тревожат его покой. Видимо, кто-то из друзей сообщил об этой поэме, Сабур был отстранен от должности, понес суровое наказание и больше уже не оправился...

Авторы сообщают, что Сабур писал эту поэму для себя, вовсе не собирался публиковать ее и что, следовательно, в отношении Сабура кем-то из друзей была совершена подлость. Однако не возникает ли прежде всего вопрос о личности, о нравственной, духовной целостности самого Сабура? Со страниц газеты, следуя суровому и справедливому закону войны, он, хотя бы как редактор, призывал: убей немца! Ибо выбора в годину войны не было: или он — тебя, или ты — его. Как писал тогда Константин Симонов:

Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоем дому чтобы стон,
А в его по мертвом стоял...

А как поэт, в тиши фронтовой землянки Сабур скорбел об убитых немцах, среди которых, к слову, было немало фашистов... Скорбел о тех, кто топтал нашу землю, убивал детей и стариков, насиловал женщин, сжигал и грабил деревни и города. Нет, даже и сегодня, более чем четверть века спустя после разгрома немецкого фашизма, его преступления не могут быть забыты. Тем более в войну, на фронте, любая скорбь об убитом немце неизбежно оборачивалась не только пацифизмом, но и предательством. Оставаться Человеком на фронте означало прежде всего быть беспощадным к врагу, посягнувшему на нашу свободу и независимость, на завоевания Октября и социализма. Не существовали и не существуют категории добра и гуманизма в абстрактном, отвлеченном виде!..

Да, нельзя не согласиться с авторами, товарищи Сабура ответственны за его судьбу, хотя в первую очередь ответствен он сам! Но не в том повинны они, что не умолчали о его пацифистских настроениях, о его, если хотите, лицемерии: в газете одно, в поэме другое,— а в том, что просмотрели внутренний путь Сабура к душевной слабости и дряблости, к пацифизму, вовремя не помогли ему преодолеть заблуждения, как не помогли в последующие годы встать на ноги. В этом и только в этом могло проявиться их бережное отношение к таланту Сабура, их забота о друге.

Как бы ни были талантливы писатель и театр, сколь бы ни было велико и притягательно обаяние их имен, все это лишь накладывает на них новую, дополнительную ответственность за свое творчество, художественный поиск, его направление, но ни в коей мере не может служить для них оправданием тех или иных просчетов. Четкость и ясность позиций, четкость и ясность взгляда на прошлое и настоящее народа — непременное условие творческих побед любого художника, любого коллектива.

Подлинный расцвет многонациональной советской драматургии уже сам определяет высокую меру взыскательности как к самим ее произведениям, так и произведениям театра, рождающимся на ее основе. К высокой требовательности обязывает нас и постановление Центрального Комитета партии «О литературно-художественной критике», направленное на новый подъем всего нашего искусства, на создание произведений, способных достойно пополнить сокровищницу нашей советской классики.

Проходивший в рамках фестиваля Всесоюзного, Всероссийский фестиваль намечает долговременную перспективу творческих поисков и свершений нашего театра.

НАШ ПРИЗ — У СПАРТАКОВЦЕВ

Три года тому назад редакция журнала «Огонек» учредила переходящий приз справедливой игры для хоккейных команд высшей лиги. Дважды фарфоровая ваза вручалась хоккеистам ЦСКА, на этот раз призом в течение года будут владеть спартаковцы.

Как же определяется обладатель приза справедливой игры?

Каждая команда с началом чемпионата получает по 200 условных очков, к которым в ходе первенства приплюсовываются штрафные минуты и вычитаются заброшенные шайбы. Приз получает команда, набравшая наименьшее количество очков.

Хоккеисты «Спартака» получили 250 очков (200 плюс 228 минус 178), армейцы имеют на 30 очков больше (200 плюс 284 минус 204).

Итак, на фарфоровой вазе, изготовленной по заказу «Огонька» на Ломоносовском заводе, появилась третья надпись: «Спартак» — 1973 год».

ЭХ, «СУЛА» ТЫ «СУЛА»!

А. ЩЕРБАКОВ

— Заело, что ли?
— Заело!
— Интересно, надолго?
— А кто его знает?! Техника капризная, может и вовсе отказать...

Посетители, вооруженные стандартными корзинами, долго еще перебрасывались стандартными репликами насчет века технического прогресса, а кассирша тем временем сердито гоняла костяшки счетов, спеша ликвидировать нестандартную для магазина самообслуживания очередь.

А все из-за «Сулы»...

Ах эти соблазняющие своей новизной и коварные своим непостоянством в работе кассовые аппараты завода счетных машин в Лубнах! Как надеялись на них торговые работники! Как верили, что задуманный чудо-аппарат в их руках чудом и обернется! Отщелкивает чеки и тут же подсчитывает общую сумму покупки. Мечта! Как раз то, что надо...

Оказалось, не то. Ждали надежную машину. А получили...

О чем тут же и уведомили письменно. И пошло письмо в Лубны, Полтавской области: «Директору завода счетных машин Стрелец М. Т.

Октябрьский райпищеторг г. Минска получил с вашего завода пять кассовых аппаратов «Сула-3», которые были установлены во вновь открывшемся магазине. Через 15 минут кассовые аппараты вышли из строя... В начале ноября в Минске были ваши механики, которые в течение 3 часов проверяли 5 аппаратов и уверили нас, что они будут работать. После этого они проработали по 20—40 минут и вышли из строя с теми же дефектами».

...Из полученных в 1971 году 37 кассовых машин «Сула-3» в настоящее время не работает 20.

...Минск хвалят за развитие самообслуживания в торговле. Хвалят заслуженно. Сорок четыре процента городских магазинов уже перешли на такую форму торговли. Сорок четыре процента — рубеж 1974 года. Заметно преуспели в развитии самообслуживания и другие города республики — Молодечно, Витебск, Могилев, Жодино, Гомель. И могли бы еще больше преуспеть, если б не подводили тылы.

Есть закономерность: новое должно опираться на новое. Пытаться возводить небоскреб на фундаменте одноэтажного флигеля — дело, не сулящее удачи. А вот в решении проблемы самообслуживания иногда получается именно так: одни ушли вперед, другие еще только выходят в путь, а шаги-то делают неуверенные, часто оступаются, заставляют ждать.

Другие — это, к сожалению, не только завод в Лубнах.

Минский мелькомбинат приобрел недавно автомат по фасовке муки, чтобы возить в магазины муку и крупу не в мешках, а в аккуратных пакетах. Автомат «БРА» обещал 20 двухкилограммовых пакетов в минуту. Отлично! Но заставить его «сдержать слово» не сумели даже наладчики самого завода-производителя. Дважды они приезжали в Минск (второй раз с мешком запасных частей), однако автомат не подчинился. С февраля прошлого года он числится в строю, а «выжимают» из него 12—13 тонн в смену, хотя вправе рассчитывать минимум на 20.

— А чего можно ждать,— говорит главный инженер мелькомбината Б. И. Мосолов.— Видно же, что машина «сырая», не доведенная до кондиции. Мы уже устали с ней возиться — пружины рычагов заменили, потому что они не выдерживают растяжки, переделывали систему крепления рычагов на валу, пытались отрегулировать тормозную систему...

Для коллекции к изделиям типа «Сула» и «БРА» можно присоединить тележки из Горьковской области, которые не рекомендуется катать нагруженными по торговым залам, ибо колеса тележек не рассчитаны на вращение вокруг своей оси, особенно под нагрузкой. А сделанной в Калининграде колбасорезке не «по зубам» колбаса в целлофановой оболочке. Ограниченные способности некоторых машин заставляют усиливать автоматизацию и механизацию... рабочими руками, а это, кроме всего прочего, требует лишних затрат.

Новое оборудование для торговли создается очень медленно. В минувшей пятилетке должен был появиться автомат для упаковки котлет в полиэтиленовую пленку. Его нет и по сей день, так же, как нет автомата для расфасовки и упаковки жира, фасованного охлажденного мяса и натуральных порционных полуфабрикатов.

В Госплане БССР было совещание, посвященное дальнейшему развитию самообслуживания в торговле. Когда зашел разговор об упаковочных материалах (а без них наладить самообслуживание немыслимо), заместитель министра пищевой промышленности республики заявил: «Работаем на нулевом остатке». Он имел в виду лакированный целлофан. Потребность предприятий министерства в нем — 300 тонн на год, а фонд определили в 200. Нулевой остаток выходит каждый год и по пергаменту и по оберточной бумаге. Это доставляет много неприятностей предприятиям министерств мясной и молочной промышленности, торговли, Белкоопсоюзу,— им тоже приходится заниматься фасовкой. Недостаток упаковочных материалов стал хронической болезнью.

Можно еще понять, что дефицитен лакированный целлофан — велик на него спрос. Но сетка-то, обыкновенная сетка из обыкновенных вроде бы нитон? Так вот, с сеткой положение дел, оказывается, еще хуже, чем с полиэтиленом, целлофаном и с бумагой.

— Мы одного картофеля должны расфасовать в год двенадцать тысяч тонн, а сетки ни в этом, ни в прошлом году не получили. Ни единого метра! А в бумагу овощи паковать не годится. Как быть?

На этот вопрос начальнику управления торговли Минского облисполкома тов. Окинчицу в Госплане республики не ответили, хотя на том же совещании речь шла и о планировании, и об использовании производственных мощностей бумажных фабрик в Добруше и Чашниках, и о необходимости искать способы плести в Белоруссии столь нужную сетку.

Нет, видимо, иным должен быть подход к нуждам торговли и пищевой промышленности.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Советская писательница. 7. Ритмическая единица стихотворной речи. 8. Электронная лампа. 9. Часть опоры вала. 12. Созвездие северного полушария неба. 14. Пожарный рукав. 16. Декоративное растение семейства мимозовых. 18. Древнегреческий врач и естествоиспытатель. 19. Копия типографского набора. 20. Действующее лицо оперы Ш. Гуно «Фауст». 21. Снаряжение охотника. 22. Размер страницы. 24. Войсковое подразделение. 26. Украинский смычковый инструмент. 30. Пьеса Л. М. Леонова. 31. Плодовое дерево. 32. Предмет косметики. 33. Цветок.

По вертикали: 1. Русский флотоводец. 2. Место для показа товаров, экспонатов. 3. Литовский поэт. 4. Мастерская скульптора. 6. Сельскохозяйственное орудие. 10. Персонаж комедии А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 11. Управляемый аэростат. 13. Картина с объемным первым планом. 14. Корабельный трос. 15. Самый большой остров в Балтийском море. 17. Город в Северной Италии. 23. Австрийский композитор. 25. Река в Томской области. 27. Планета. 28. Водоплавающая птица. 29. Приморский курорт в Латвийской ССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 4. Рагимов. 5. Кронштадт. 7. Рубин. 8. Лимон. 13. Арена. 15. «Холопка». 17. Парапет. 18. Ножовка. 19. Кессон. 20. Гитара. 21. Авдотка. 22. «Ревизор». 24. Суворов. 26. Литва. 28. Тропа. 29. Керчь. 31. Диатоника. 32. Экзамен.

По вертикали: 1. Майолика. 2. Пикша. 3. Сонатина. 5. Каучук. 6. «Тройка». 9. Смородина. 10. «Ведомости». 11. Квазимодо. 12. Бобслей. 14. Секатор. 16. «Анчар». 17. Панас. 23. Огород. 25. Удочка. 26. Лапчатка. 27. Ацетилен. 28. Колас.

На первой странице обложки: Заслуженная артистка Грузинской ССР Нани Брегвадзе.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Кормоцех колхоза «Кавказ», Тбилисского района, Краснодарского края. Здесь на промышленной установке выращивают хлореллу — микроводоросль, богатую белками и витаминами. Хлорелла вводится в кормовой рацион животных.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61. Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 30/IV 73 г. А 00069. Подп. к печ. 16/V 73 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 954. Тираж 2 165 000 экз. Заказ № 533.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Т. ЛОТИС, Д. УХТОМСКИЙ,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Подведены итоги VI Всесоюзного кинофестиваля, объявлены результаты. Но на долгое время запомнятся фестивальные ленты и останутся в памяти участников фестивальные встречи...

С волнением и интересом принимали алма-атинские зрители посланцев всех наших республик и гостей из братских социалистических стран. В колхозах, на заводах, в институтах и воинских частях — везде побывали советские и зарубежные кинематографисты. Это были дни, наполненные теплом человеческого общения и творческого взаимопонимания.

1. Лариса Умарова из Ташкента — дебютантка фестиваля.

2. Встреча со зрителями.

3. Нонна Мордюкова в совхозе «Алма-Ата».

4. Борис Бабочкин беседует с Эвой Киви.

5. Первое интервью Ирины Бразговки.

6. Гости из Казахстана, Армении и Узбекистана.

7. Председатель Комитета по кинематографии Ф. Т. Ермаш открывает фестиваль.

8. Всеволод Санаев, председатель жюри.

9. Петр Глебов и чехословацкий профессор Антонин Броусил.

10. Александра Завьялова знакомится с новой профессией.

11. Туркменская актриса Зоя Аслян подружилась с польской делегацией.

12. Создается сад дружбы на новой Алма-Атинской киностудии.

1

ВСТРЕЧИ В А

3

4

7

8

9

10

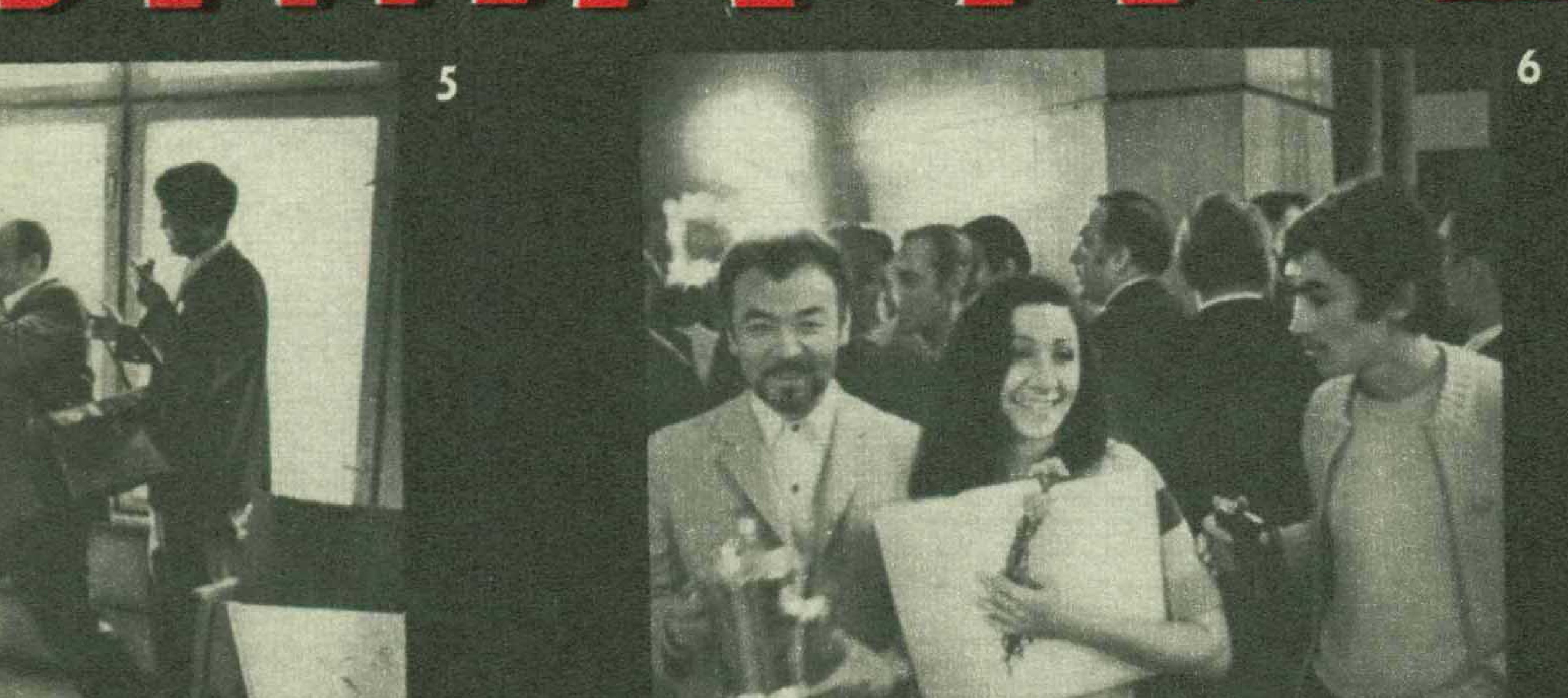
11

2

ЛМА-АТЕ

5

6

12

Цена номера 30 коп.
Индекс 70563